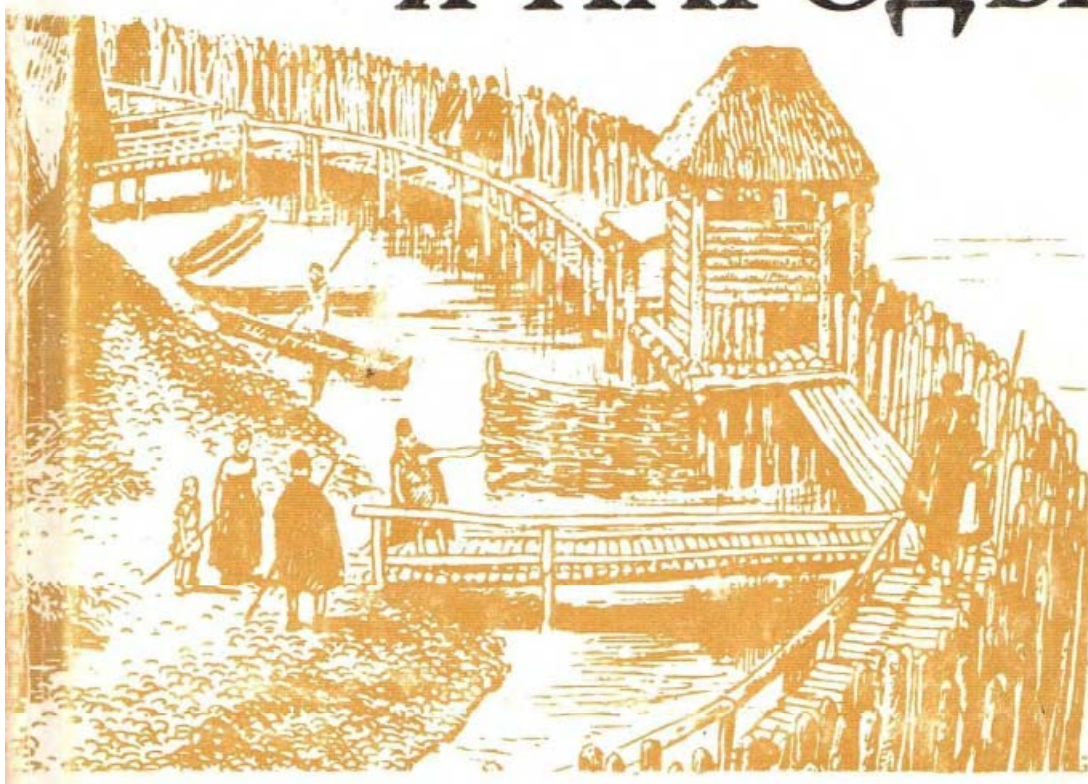

Р. А. АГЕЕВА

СТРАНЫ И НАРОДЫ:

происхождение названий

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Р. А. АГЕЕВА

**СТРАНЫ
и НАРОДЫ:
происхождение
названий**

Ответственный редактор
доктор географических наук
Э. М. МУРЗАЕВ

МОСКВА
«НАУКА»
1990

Рецензенты:

доктор исторических наук **М. В. КРЮКОВ**
доктор филологических наук **Е. А. ХЕЛИМСКИЙ**

Агеева Р. А.

Страны и народы: Происхождение названий. —
М.: Наука, 1990. — 256 с.
ISBN 5-02-002609-3.

Откуда произошли названия современных государств? Как они соотносятся с названиями народов? Почему в русском языке есть двойные наименования для одной и той же страны: Великобритания (Англия), Нидерланды (Голландия)? Почему, например, в русском языке — Венгрия, в польском — Венгры, а сами венгры называют свою страну Мадьярорсаг? Эти и многие другие вопросы будут освещены в книге. Автор показывает, как исторически сложившиеся названия государств связаны с развитием общественно-экономических и политических отношений, с процессом формирования наций.

Для читателей, интересующихся вопросами филологии, географии, истории, этнографии.

А $\frac{4602000000-210}{054(02)-90}$ 101-90 НП

Агеева Руфь Александровна
СТРАНЫ И НАРОДЫ:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ

Редактор Л. И. Приходько
Художник А. Д. Бобрович
Художественный редактор И. Ю. Нестерова
Технический редактор Н. Н. Пилохова
Корректоры Е. Н. Белоусова, В. Г. Петрова

ИБ № 39855

Сдано в набор 19.02.90. Подписано к печати 11.06.90.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн. журн. имп.

Гарнитура обыкновенная. Печать высокая

Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 15,3. Усл. кр. отт. 13,65. Тираж 25 000 экз.

Тип. зам. 4372. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-002609-3

© Издательство «Наука», 1990

ВВЕДЕНИЕ

Что может быть для человека дороже, чем Родина? И сама Родина, и ее имя близки и дороги каждому народу, каждому человеку. Вспомним слова поэта: «Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!» Подобно Москве, имя *Россия*, *Русь* так же много значит для русского, как для француза — Франция, для англичанина — Англия.

Кстати, а почему два наименования — Россия и Русь? Это одно и то же название? Или разные? И что они означают?

Вообще, откуда взялись названия современных и древних государств и народов, их населяющих? Как названия государств и народов соотносятся между собой? Как те и другие развивались во времени? Почему в русском языке есть параллельные наименования для одной и той же страны, например Нидерланды и Голландия? По какой причине названия, данные соседями, могут совершенно не совпадать с самоназванием народа? На эти и на многие другие вопросы мы постараемся ответить в научно-популярной книге «Страны и народы: Происхождение названий».

Названия народов, или этносов (этнических общностей), — сложная тема, значительно более сложная, чем названия государств. И так как названия государств нередко образуются от названий народов (этнонимов), целесообразно начать наш рассказ именно с этнонимов. Хотя бывает и наоборот: в современном мире народы часто именуется по названию той страны, в которой они проживают. Индийцы, пакистанцы, канадцы, филиппинцы — это граждане Индии, Пакистана, Канады, Филиппин. Американцы — прежде всего жители Соединенных Штатов Америки; реже это название употребляется для обозначения всего населения Американского континента — Северной и Южной Америки для населения Юж-

ной Америки и Центральной обычно именованье *латиноамериканцы*). Наконец, советский народ — это все народы, проживающие в Союзе Советских Социалистических Республик.

Ни одно из этих названий не является собственно этническим. В Индии, например, проживает большое количество разных народов, и термин *индийцы* — лишь общее обозначение всех граждан этой страны: точно так же мы называем австралийцами всех жителей континента Австралии, африканцами — жителей Африки. Слово *индус* (искаженная форма от *хинду*) — тоже не этнический термин: так называют себя только люди, исповедующие одну из религий Индии — индуизм, независимо от своего гражданства и национальной принадлежности.

Этнографы и лингвисты много дискутировали по поводу проблем теоретической этнонимии. Лингвистов главным образом интересовал вопрос: следует ли считать этноним собственным именем? Одни исследователи, например В. А. Никонов [1970], отвечали утвердительно и, более того, относили к этнонимам обозначения лиц по их местожительству (*сибиряки, москвичи, пензенцы*) и даже прозвища, даваемые соседями какому-либо населению: *рязанцы — «косопузые», жители Полтавщины — «галушки»*. Другие специалисты, в частности известный филолог А. В. Суперанская [1973], не считают этнонимы собственными именами, выделяют их в особую группу нарицательных имен, а также рассматривают этнонимы отдельно от обозначений лиц по их местожительству и от групповых прозвищ людей. В нашей книге понимание этнонимов близко к последнему. Мы будем говорить об этнонимах исключительно как о наименованиях этнических общностей (начиная с племени), иногда затрагивая и другую категорию имен — родовые названия (генонимы).

Однако проблемы не исчерпываются терминологией и вкладываемым в нее содержанием. Этнографы также придерживаются различных взглядов на многие вопросы, в том числе и на саму классификацию этнических подразделений. Например: следует ли дифференцировать территориальные и этнографические группы? Этнограф З. П. Соколова считает, что следует. У обских угров она [1975] находит деление на эти категории, причем этнографические группы имеют только самоназвание (*хан-ти* или *хантэ* — у северных ханты, *кантэх* или *контэк* — у восточных, *хандэ* — у южных), а территориаль-

ныэ группы прибавляют к нему еще и географическое название той местности, в которой проживают: обдорские ханты, юганские ханты и т. д.

Возникают проблемы и такого порядка: как этноним соотносится с этносом, какие принципы кладутся в основу наименований этносов, почему один и тот же этноним может повторяться в разных географических ареалах? Всегда ли этноним происходит из языка данного народа, или бывают заимствования, каково соотношение между самоназванием и названием, данным другими народами, говорят ли о проживании соответствующих народов географические имена с этнонимной основой? Это далеко не полный перечень проблем, возникающих при изучении этнических наименований.

Мы сосредоточим основное внимание на типах и этимологии этнонимов в первой части книги. Здесь же укажем лишь некоторые особенности названий народов и отметим важность изучения этнонимов для развития наших гуманитарных знаний. Следует также подчеркнуть, что в книге мы исходим из тех форм этнонимов, которые приняты в русском языке. Обозначения одних и тех же народов могут быть по форме совершенно разными даже в близкородственных языках — украинском, белорусском. И, разумеется, четко разграничиваются русские этнические названия и соответствующие им формы этнонимов в языке-оригинале, а также самоназвания и названия, данные соседними народами. Так, русские называют эстонцев *эстонцы*, поляки — *эстоньчики*, финны — *виrolайсет*; сами же эстонцы именуют себя *эстлясед*, а когда-то у них бытовало и такое самоназвание, как *маарахвас*, что в переводе означает «народ (нашей) земли». Название *эстии* (*aestiorum gentes* у Тацита) перешло к эстонцам от балтов: так в древности именовались балтские племена.

Этнонимы, содержащиеся в древних и средневековых исторических источниках, — важный исследовательский материал. Уже античные географы высказывали догадки о происхождении тех или иных народов и по-своему толковали названия этих народов. С развитием исторической географии и этнографии стало возможным на научной основе привлекать этнонимы для решения вопросов этногенеза и этнической истории народов мира. Однако критический подход к древним и средневековым источникам совершенно необходим, если мы не хотим повторять ошибок своих предшественников, высказывавших подчас самые фантастические гипотезы.

В древних письменных источниках народы различались по иным признакам, чем сейчас, хотя комплекс признаков остается тем же: язык, материальная культура, обычаи. Отождествить какой-нибудь народ, упоминаемый историком древности, с известным нам народом, — задача весьма нелегкая. Трудности возникают как с совершенно не знакомыми нам названиями, так и с, казалось бы, понятными: ученые спорят десятилетиями по поводу не только Геродотовых андрофагов или невров, но и склавенос и скифов.

Тем не менее внимательный анализ древних текстов позволяет прояснить многие вопросы этнонимии и исторической этнографии. Так, этнограф М. В. Крюков [1970], исследуя китайские письменные памятники 2—1-го тысячелетий до н.э. (гадательные надписи на черепашьих щитках и костях животных), рисует картину обитаемого мира согласно представлениям жителей Иньского государства (распавшегося в конце XI в. до н.э.). В надписях встречаются более 50 названий племен, окружавших Иньское государство и чуждых иньцам этнически и политически. Они носили общее название *фан* (*Ма-фан* «племя Лошадь», *Лун-фан* «племя Дракон» и др.). Спустя несколько столетий в «Лицзи» (конфуцианское сочинение середины 1-го тысячелетия до н.э.) появляются обозначения племен *и*, *мань*, *жун* и *ди*, связанных с четырьмя частями света (приуроченность к частям света — позднее и искусственное нововведение). М. В. Крюков приходит к следующему выводу по поводу четырех терминов, упоминаемых в «Лицзи»: «Несомненно, что они не могли служить для обозначения каких-то конкретных этносов. Но вместе с тем... с каждым из этих терминов связывается... крайне обобщенная и примитивизированная, но все же не лишенная определенной этнической специфики характеристика важнейших особенностей материальной культуры, обычаев, хозяйства тех народов, с которыми древним китайцам приходилось сталкиваться в середине 1-го тысячелетия до н.э.» [Там же, с. 41].

В средневековых византийских источниках, как показали историки М. В. Бибиков [1984], Г. Г. Литаврин [1976], Е. П. Наумов [1984] и др., названия народов являются главным образом собственно этнонимами. Благодаря преклонению перед авторитетом античных географов и следуя литературной традиции и средневековому этикету, авторы византийских сочинений, например, весьма редко употребляют термин *русь*. Население Русского государства

в XII—XIII вв. они еще именуют скифами, таврами, тавроскифами, киммерийцами, гипербореями... Такая архайзация распространяется на всех «варваров». Наиболее многозначны были термины *скифы*, *гунны*: скифами называли и турок-сельджуков, и печенегов, и аваров, и многих других, а термин *гунны* еще менее определенный. Вместе с тем с IV по XV в. византийцы самих себя называли римлянами (ромеями), хотя все окружающие народы знали, что речь идет о греках. Это имело большой политический смысл: свою империю византийцы рассматривали как непосредственное продолжение Римской, а бывшие западные и другие провинции Римской империи считались лишь временно отторгнутыми «варварами» от цивилизованного (христианского) мира.

Но такой перенос этнонимов с одних народов на другие связан не только с политикой или с литературной традицией. По большей части одинаковые этнонимы свидетельствуют о родстве народов или об их реальных исторических контактах, миграциях населения в древности. Сложные пути таких названий, которые этнограф Г. Г. Стратанович [1970] образно именуется «скользящими» этнонимами, важно выяснить при историко-этнографических исследованиях. Так, группа населения острова Калимантан в Индонезии под названием *таман* оказалась связанной с *таман* полуострова Малакка, тибето-бирманской группой *таман* и непальской *таманг*. Возможность миграции одной этнической группы в течение длительного времени (VII—XX вв.) и на значительном пространстве подкрепляется, как полагает Г. Г. Стратанович, важным этнографическим фактом: скотоводческими и воинскими традициями (танец «скачка на конях» на празднике *таман*, в то время как все население острова Калимантан безлошадное и земледельческое).

Общеизвестны «странствия» таких этнонимов, как *венеды* (иллирийский или кельтский этноним, перенесенный германцами на славян, возможно, и на часть прибалтийских финнов), *влахи* или *волохи* (кельтский, затем романский этноним), *финны* (первоначально — древнее название саамов), *болгары* (от волжских болгар этноним перешел к славянам северо-восточной части Балканского полуострова; болгары оставили свой след и в северокавказском этнониме *балкар*).

Есть среди этнических названий и такая категория, как «условно-этнические термины», или «ложные этнонимы». Что же это такое?

В Турции выходцев из различных областей Северного Кавказа, кем бы они ни были по национальности, называли *черкесами*. Афганцы прежде называли население северо-восточной части Афганистана кафирами («неверными») — так было до конца XIX в., когда кафиры были завоеваны афганским эмиром Абдуррахманом и обращены в ислам. Сами кафиры именовали себя по названиям отдельных племен. Интересен собирательный термин *альфур*, которым обозначают население Молуккских островов — части Малайского архипелага. По мнению одних исследователей, название происходит от португальского слова *furioso* или *feroz* со значением «дикий»; по мнению других — от арабо-испанского с тем же значением. М. А. Членов [1970] предполагает местное происхождение термина. Но в любом случае этим словом обозначалась не этническая, а культурно-религиозная общность.

Наконец, печально известный благодаря расистским теориям термин *арийцы* — тоже пример типичного ложного этнонима. Это социальный термин *арья*, обозначающий жрецов и военную знать скотоводческих племен, вторгшихся в Индию с северо-запада в середине 2-го тысячелетия до н. э. Некоторые ученые XIX в. ошибочно истолковали название арийцев как этнический термин и распространили его на все народы, говорящие на индоевропейских языках. Культурные достижения народов Индии стали приписываться исключительно арийцам, а светлый вариант европеоидного расового типа стал называться «арийским» и считаться высшим: все «неарийские» народы рассматривались как низшие.

Изучение этнонимов вносит ясность в этот и во многие другие вопросы, имеет важное политическое значение, способствуя выяснению исторической правды. Этнонимика — важное звено научных исследований в самых разных областях знания; прежде всего она необходима наукам исторического и филологического циклов. Так, этнонимы, встречающиеся в фольклоре, дают дополнительную возможность привлечь фольклор в качестве исторического источника. На примере трех этнонимов (*нгамэндри*, *манги*, *торганэй*) тунгусских мифов, сказаний и сказок известному этнографу Г. М. Василевич [1970] удалось показать, что эти названия относились к этническим группам, вошедшим в состав тунгусов на разных этапах их древней бесписьменной истории.

Многие этнонимы нашли отражение в географических названиях — топонимах. Это и понятно: в древности

большую роль играло размежевание этнических территорий. В пограничных районах и в районах со смешанным населением историческая память о различных народах сохраняется долго, даже тогда, когда народы эти уже перестают существовать как самостоятельные этносы.

Этнотопонимами занимались многие исследователи: В. А. Никонов, А. И. Попов, Э. М. Мурзаев, Н. А. Баскаков, Е. М. Поспелов, Л. Л. Трубе, В. А. Жучкевич и др. Этнотопонимам целиком посвящен сборник Московского филиала Географического общества СССР «Этническая топонимика» (М., 1987) со вступительной статьей Е. М. Поспелова. Интерес к этой важной теме закономерен: если удастся доказать, что в топонимах отражены настоящие этнонимы (а не ложные случаи вроде названий деревень Чудиново, Татариново — от фамилий Чудинов, Татарин), то каким ценным историческим свидетельством станут географические названия! Они указывают на былые (или сегодняшние) этнические границы, области расселения и пути миграций народов. Названия города Сочи (от имени кабардинского племени *соатше*), Чукотского полуострова, Саянских гор (от этнонима *сойон*), Армянского переулка и Татарской улицы в Москве, Чирмеш сазы («Черемисское болото») в Татарии, десяти штатов США, происшедшие от индейских этнонимов (Алабама, Арканзас, Айова, Дакота, Канзас, Миссури, Мичиган, Оклахома, Техас, Юта), — это примеры настоящих этнотопонимов, как и остров Сицилия, полуостров Бретань, Персидский залив, реки Подкаменная и Нижняя Тунгуски и сотни подобных названий.

На основании анализа этнотопонимов (в совокупности с личными именами) казанский топонимист Г. Ф. Саттаров [1977] сумел, например, подтвердить выводы историков о том, что основу современного татарского народа составили не монголо-татары — оспователи Золотой Орды, а аборигены Среднего Поволжья и Приуралья и степные кочевники (тюркоязычные болгарские племена), с которыми смешались в разное время переселившиеся на Среднюю Волгу хазары, печенеги и особенно кипчаки (половцы).

Интересные данные об этнотопонимах Латинской Америки приводит специалист по испаноязычной ономастике И. П. Литвин [1987]. Исследовательница отмечает, что многие этнотопонимы оказываются «вторичными», перенесенными с других объектов: «Например, название страны *Никарагуа* образовано от озера *Никарагуа*, последнее

же непосредственно связано с названием небольшого индейского племени *никарао* и элемента *-гуа*, широко представленного в аборигенной топонимии всей Латинской Америки. Название и озеру, и тем более стране, скорее всего, дано испанцами, так как до сих пор сохраняется другое, тоже индейское, но сейчас уже малоупотребительное название этого озера — *Косиболька*. То же следует сказать и о названиях *Мексиканский залив*, *Мексика* и *Мехико* (штат) — на залив, страну и штат распространено название города Мехико, образованного, в свою очередь, от названия одного из ацтекских племен *мехикалли*, жившего в центральной части страны. Случилось так, что испанские конкистадоры стали относить название этого племени ко всей большой группе родственных племен и назвали этим именем древнюю столицу ацтеков Теночтитлан» [Там же, с. 131].

И. П. Литвин обращает внимание и на такую особенность топонимии Латинской Америки: весьма редко в ней встречаются названия больших этнических групп: *науа*, *аравак*, *тупи-гуарани*, *кечуа-аймара* и др. Лишь единицы из этих этнонимов попали в топонимию: *Карибское море* (от народа *карибе*), — название, данное не аборигенным населением, и некоторые другие. Хотя и в наши дни в Латинской Америке зарегистрированы факты наименования новых географических объектов с помощью этнонимов: так, в Чили одна из новых административных областей получила название *Араукания* — по имени большой семьи индейских племен *араукано*.

Таким образом, многие этнотопонимы действительно отражают наличие в прошлом или настоящем соответствующего населения. Однако не без основания иногда высказывается и скептическое отношение в адрес этнотопонимов. Их использование в качестве индикатора для этнической истории в значительной мере ограничено. Например, венгерский исследователь Д. Кришто [1981] критически пересмотрел выводы венгерской историографии (сделанные благодаря анализу 74 этнотопонимов), согласно которым в средневековой Венгрии было велико количество русских поселений. Большинство названий типа *Ogosz* (*ogosz* — «русский») не относится к наиболее древним, появившимся в XI—XII вв. Они возникали в результате пребывания русских купцов в Венгрии, были связаны с именами отдельных русских владельцев, а также с лицами по имени *Ogosz*. И вообще одни только этнотопонимы не дают полной картины расселения рус-

ских на территории средневековой Венгрии: ведь названия могли даваться и по географическому положению, и по имени или роду занятий владельца или одного из жителей.

«Русскими» называли эти поселения, безусловно, венгры, потому что на фоне сплошных венгерских поселений русские выделялись. Потребность в такого рода этноразличительных топонимах возникает там, где чересполосно живут представители разных народов.

Осторожность в работе с этнопонимами особенно нужна в тех случаях, когда этноним может быть многозначным или совпадать по форме с каким-то другим словом. Если собрать все географические имена Русского Севера, в которых встречается слово *весь*, то можно заподозрить в них отражение названия древнего прибалтийско-финского племени *весь* (предки современных вепсов). Ареал этого племени, по данным этнопонимов, получится неправдоподобно огромным, не подкрепляемым археологически. Между тем в древнерусском языке было — и в современных русских говорах сохраняется — слово *весь* в значении «селение, деревня» (ср. в «Никоновской летописи» под 970 г.: «И бѣ рождение Володимеру въ Будутинѣ вѣси»). Употребление слова *весь* в этом значении в составе географических названий более чем естественно.

Другой пример: термины *литвин* или *русин* в Белоруссии не обязательно должны означать литовцев или русских. Оба слова могут относиться и к белорусам: литвинами русские и украинцы называли всех жителей Великого княжества Литовского, а русинами именовали белорусов соседи-поляки. Белорусский языковед Ф. Д. Климчук [1985] пришел к очень интересным выводам на основании своих наблюдений над распространением этнонима *литвины* (*литвяки*, *литва*, *литовцы*) в Полесье. В представлении восточных славян границы литвы все время сдвигаются к северу в зависимости от того, где проживает данное население. Так, в северо-восточной части Волынской области УССР и прилегающих сельсоветах Брестской области литвинами называют население, проживающее севернее, т. е. носителей основной части брестско-пинских, иногда и верхнеясельдских, северобрестских, гродненско-барановичских говоров. Граница литвинов в этом регионе совпадает с исторической границей владений великого князя литовского и польского короля. В свою очередь, носители основной части брестско-пинских говоров иногда называют литви-

нами носителей северных периферийных говоров этой же группы и население, проживающее еще севернее. В районах Кобрина, Пинска и др. литвины — это уже население бассейна верхней Ясельды, северной части Брестской области и района Гродно — Барановичи. Ну и наконец, жители верхнеясельдского региона именуют литвинами носителей гродненско-барановичских говоров. Граница литвинов здесь уже совпадает с границей Литвы при великом князе Миндовге (XIII в.). В целом можно определенно говорить о том, что для основной части Западного Полесья характерна ступенчатая граница этнонима.

Мотивы именованья географических объектов по этническому признаку бывают и совершенно неожиданными, а название — не связанным с проживающим в данном районе населением. Отчего город Славянск Донецкой области именуется Славянском? Потому что там славянское население? Но ведь оно проживает и во многих других местах, называемых совсем иначе. В справочниках мы находим объяснение, что в 1676 г. на месте нынешнего города было построено укрепление Тор (по названию реки, на которой оно находилось). В Славянск же укрепление было переименовано и одновременно получило статус города в 1784 г. указом Екатерины II. Новое название символизировало сочувствие России братьям-славянам, боровшимся за освобождение от турецкого ига [Никонов, 1966, с. 386].

Итак, этнонимы могут быть поздними, мемориальными, символическими, а также ложными, неотнотосимыми к соответствующим народам. Все это, однако, не уменьшает ценности основной массы этнонимов для вывода об истории народов, их территории, миграциях. Вот почему специалисты разных профилей широко используют этнонимы в своих исследованиях. Названия многих государств — тоже своего рода этнонимы, но об этом будет подробнее рассказано в третьем разделе. А пока продолжим рассказ о том, какое место занимают этнонимы и названия государств в языке.

Место это, признаться, немалое: ведь в мире и народов, и языков, на которых они говорят, огромное количество. Этнографы насчитывают около 2 тыс. народов (в том числе в СССР свыше 100), а лингвисты дают еще большую цифру для языков (до 5 тыс.): это связано с тем, что не всегда бывает ясно, где разные языки, а где диалекты одного языка. Государств, разумеется, значительно меньше: по данным на 1987 г. их насчитывалось 182.

Этнонимы и названия стран — это слова языка. Их удельный вес в лексике каждого языка достаточно велик, но они, кроме того, являются мощным резервом для образования новых слов языка — прежде всего существительных и прилагательных. Это и собственные, и нарицательные имена разного значения.

О многочисленных географических названиях с этнонимной основой мы только что говорили. Но образуются и прозвищные личные имена и фамилии типа Чудин, Козарин, Татарин, Карелин, Черемисин, Шведов. Авторы книги «Современные русские фамилии» (М., 1981) А. В. Суперанская и А. В. Сулова приводят такие необычные фамилии, как Скиф, Халдей, Коряк, Половец, Француз, Итальянец, Молдовский, Польша, Голландец и др. У немцев есть фамилии *Wend*, *Wendisch* (от имени лужицких сербов — *Wende*); *Deutsch*, *Deutscher*, *Deutschmann* «немец»; *Flämig* «фламандец» (в средневерхненемецком языке была форма *Vlaeminc*, кстати, отсюда происходит фамилия известного французского художника-фовиста Мориса де Вламинка); *Holland* «голландец» [Wenzel, 1987]. В осетинском именнике, по данным З. Г. Исаевой [1988], есть личные имена, образованные от названий стран и народов: Франц; Герман; Япон; Аргентинæ; Урысби; Урыс «Россия», «русский»; Гуырдызы «Грузия», «грузины»; собственно осетинских племен — Алан, Сæрмæт, Ирбек (от *Ир* — территория проживания иронцев), Дигорхан (от Дигора «Дигория», «дигорцы»).

Другие категории собственных имен также обогатились за счет названий стран. В особенности это касается космических объектов. Ю. А. Карпенко, автор книги «Названия звездного неба» (2-е изд. М., 1985), приводит множество таких имен. Почему-то почти все они были присвоены астероидам (есть даже на Луне кратер Киргизия). Здесь мы наблюдаем большое разнообразие: от имен мифологических и реальных древних стран (Аркадия, Таврида, Аттика, Гиперборея, Гесперия — последними двумя римляне называли северные и западные страны) до имен государств современных (Франция, Эфиопия, Ватикана, Бельгика, Ниппония; три последних существуют в измененной форме). Есть на карте звездного неба, разумеется, и Россия, и почти все союзные и автономные республики: астероиды Таджикистан, Узбекистан (традиционно в форме женского рода), Литва и др.; немного выпадает из этого современного ряда Картвелия (старинное название Грузии).

И на Марсе появились «страны», подобные земным, — реальным и вымышленным (о них тоже пишет Ю. А. Карпенко). Большинство этих имен было дано в конце прошлого века итальянским астрономом Д. В. Скиапарелли, в XX в. — французом Э. Антониади. На карте Марса есть Аравия, Ливия, Сирия; имена древнегреческих областей: Эолида, Аркадия, общее название Греции — Эллада; древние имена Италии — Авзония, Энотрия, имена легендарных стран: Туле, Атлантида, Циклопия, Амазония; названия потусторонних мифических «стран»: греческий Элизиум — загробный мир, где блаженствуют праведные, древнеегипетский Амент — подземное царство и Эдем — библейский рай.

Названия государств используются для образования и других собственных имен. Известно, например, что крупные драгоценные камни, в основном алмазы, получают имя. Иногда это связано с местом находки камня, например алмаз Лесото Браун, найденный в Лесото в 1967 г.; алмаз Трансвааль из Южной Африки — по имени бывшего государства Трансвааль.

От собственных имен теперь перейдем к нарицательным. Здесь перед нами открывается не менее грандиозная картина участия названий стран и народов в формировании новых слов. Здесь находим названия различных товаров, ведущих свое происхождение из какой-либо страны, сортов вин, цветов, красок и т. д. Диапазон этой части лексики весьма широк. Вот, например, некоторые названия одежды, имеющие географическое происхождение (их изучали Л. А. Введенская и Н. П. Колесников [1981]): *венгерка* — куртка с высокой талией, шнурами по швам и поперечными шнурами для застегивания (такие куртки носили в Венгрии); *молдаванка* — куртка, характерная для женщин Молдавии. Обувь — пляжные резиновые *вьетнамки* и женские меховые ботинки *румынки*. Все знают клетчатую ткань *шотландку* (короткая юбочка из нее — традиционная одежда мужчин-шотландцев), *крепдешин* и *файбешин* — по французскому названию Китая (La Chine); *марокен* — по стране Марокко.

Интересный пример употребления этнонима «русский» найден нами в словаре американского фольклора (*M. Tallman. Dictionary of American folklore. N. Y., 1959. P. 257*): Russian peanuts, т. е. «русские орешки». Жители округа Эллис в штате Канзас окрестили так любимые в этой местности сушеные семечки подсолнуха. Название перешло и на арбузные семечки.

А. П. Василевич [1988], изучая обозначения цвета (или «хроматонимы») в некоторых европейских языках, находит, что их образование от названий стран — самый продуктивный, или наиболее часто встречающийся, способ: в английском языке Italian blue «итальянский голубой», French red «французский красный», Chinese white «китайский белый»; во французском bleu indien «индийский голубой», blanc de Chine «китайский белый»; в немецком malaiengelb «малайский желтый», preussische-blau «пруссский голубой»; в русском *судан черный*, *прусская синь*, *индиго* (это название цвета этимологически связано с именем Индии). А. П. Василевич обращает внимание на те обозначения цвета, в которых присутствует слово *русский*: анализ английского выражения Russian green «русский зеленый», немецкого Russischgrün то же, а также сербохорватского *руско зелен* «наталкивает на мысль, что в природе России есть нечто специфическое, не встречающееся в других странах (предположение о некоем зеленом красителе отпадает: Россия красителей никогда не экспортировала). Исследовав значение приведенных слов, мы пришли к заключению, что в каждом из трех языков приведенный хроматоним означает примерно то же, что рус. *болотный* (т. е. „грязный буровато-зеленый“») [Там же, с. 97].

Может быть, автор намекает на обилие болотистых местностей в России и на соответствующее восприятие иностранцами болотного цвета как специфического, связанного с представлением о России? На самом деле история слов и выражений в каждом языке или в группе языков — тонкая область. Ученый, занимающийся исторической лексикологией, знает, как прихотливы пути слов, как изменчива их судьба и как неожиданны бывают мотивы, приведшие к возникновению того или иного наименования. Иногда нужно произвести настоящие археологические раскопки — правда, на ниве лингвистики, — чтобы найти документальное подтверждение причин появления слов и их значений. Так что гипотеза автора статьи о хроматонимах — лишь одно из возможных объяснений того, почему в Европе оказалось в ходу цветообозначение «русский зеленый (цвет)». Но не исключено, что гипотеза эта верна по своей сути. В Европе история и географические особенности России были достаточно хорошо известны. В России действительно болот немало (и Иван Сусанин заводит врагов в болото на Костромской земле, и белорусско-украинское Полесье знаменито своими бо-

лотами, и Мещерская низменность...), и воспеты болота в русской литературе (А. И. Куприн «Олеся», К. Г. Паустовский «Мещерская сторона», не говоря уже о щедринских глуповцах, которые ходили искать себе самого глупого князя именно на болото). Так что вполне естественно, что от «болотной» терминологии могли образовываться и самые разные обозначения, в том числе, например, и этнонимы. Одно из крупных древнерусских племен (сложившееся как раз на территории нынешней Белоруссии) так и называлось — *дреговичи* от слова *дрегва* (*дрягва*) «болото».

Таким образом, круг вопросов, рассматриваемых в этой книге, очерчен. В ней используются данные ряда научных дисциплин: языкознания, истории, этнографии, географии и др. Помимо собственного исследовательского материала, мы привлекаем работы других авторов. Одна из задач книги — популяризация этих работ, как правило, опубликованных в труднодоступных широкому читателю малотиражных изданиях. В конце книги помещен список использованной литературы (в том числе в списке указаны библиографические пособия по ономастике [Ономастика, 1976; 1978; 1984], в них легко найти дополнительную литературу по интересующим читателя вопросам), а также указатель этнонимов и названий государств, о которых идет речь в книге.

Основные термины и понятия ономастики и этнографии можно также найти в работах [Бромлей, 1973; Подольская, 1988; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985].

Автор сердечно благодарит за помощь и ценные рекомендации при подготовке книги доктора географических наук, профессора Э. М. Мурзаева, доктора исторических наук М. В. Крюкова (Институт этнографии АН СССР) и доктора филологических наук Е. А. Хелимского (Институт славяноведения и балканистики АН СССР).

ДРЕВНИЕ ПЛЕМЕНА И ИХ НАЗВАНИЯ

Как изучают этнонимы? Подходы к ним разнообразны, и всякий раз они зависят от тех задач, которые ставит перед собой исследователь. Этнонимика тесно связана с собственно этнографией и историей, причем польза для этих дисциплин обоюдная: с одной стороны, этнонимический материал бывает недостаточным без этнографических данных, с другой — этнография многое может извлечь из чисто языкового анализа этнических названий.

Во введении мы уже говорили о важности этнонимов и этнотопонимов для выводов об этнической истории разных народов. Приведем еще некоторые примеры.

Согласно исследованиям азербайджанского топонимиста Г. А. Гейбуллаева [1978], этнотопонимы Азербайджана указывают на тюркские этнонимы, изучение которых очень важно для решения проблем истории этнического процесса на этой территории. Такой топоним, как Улашлы (правильная форма — Хулашлы), связан с этнонимом *кулас/хулаш/улаш*, принадлежавшим, видимо, болгарскому племени, пришедшему сюда еще в раннем средневековье. Как показывают названия Хазарюрд и др., а также географические имена с компонентами *абас* (абаз), *кабар*, *бизал*, в этническом процессе большое участие принимали и хазарские племена и роды.

Исследование тюркских этнических названий, отраженных в топонимии Дагестана, помогает при изучении географии, этнографии и этногенеза народов Дагестана, миграционных процессов [Ханмагомедов, 1976]. Так, этноним *теркеме* перенесен из Азербайджана; он относится к группе терминов-мигрантов (ср. название селения Уллу-Теркеме в Дербентском районе). Участие этнонимов-мигрантов в тюркской топонимии Дагестана свидетельствует о миграции тюрков и карабаглинцев из Азербайджана. Этот факт подтверждается и рассказами

старожилов. Переселившиеся туркмены и карабаглинцы были малочисленны и, находясь в иноязычной среде, подверглись сильному влиянию кумыков и русских, утратили свой язык и обычаи, но топонимия сохранила их этнонимы.

Несмотря на целый ряд работ, посвященных проблеме происхождения хакасского народа, вопрос этот до сих пор остается открытым. Однако некоторые предположения можно сделать на основании изучения этнонимии; известной из хакасских народных преданий [Бутонаев, 1983]. В средневековых восточных письменных памятниках, а также в русских документах XVII в. население Хакасско-Минусинской котловины называлось киргизами. Народ *хыргыс* фигурирует и в хакасском историческом фольклоре, где этот народ считается исконным населением долины Среднего Енисея. Хакасы и сейчас именуют средневековые погребения киргизскими могилами. При более углубленном исследовании хакасского исторического фольклора обнаружилось, что до вхождения в состав России хакасы носили название *хоорай* или *хоорий*. Оно сохранилось в письменных источниках и на картах: на карте Страленберга, например, долина реки Абакан и горный хребет Западных Саян носят название Хонгорай. Еще в прошлом веке соседние алтайцы, тувинцы, котты и камасинцы называли хакасов и Хакасию Хоорай и сходными именами. При этом хакасский фольклор непосредственно связывает происхождение народа хоорай с енисейскими кыргызами раннего средневековья.

Изучение этнонимов как слов языка проводится лингвистами в разных целях. Если этнографов в первую очередь интересует происхождение народов (этногенез), то лингвистов — происхождение какой-либо семьи языков в тесной связи с историей народов (реконструкция глоттогенеза). Так, филолог Г. А. Хабургаев в своей большой монографии «Этнонимия „Повести временных лет“» [1979] продолжил и обобщил серию исследований за несколько десятилетий. Авторы этих работ основывались на гипотезе великого русского ученого А. А. Шахматова (1864—1920), рассматривавшего историю языка в тесной связи с историей говорящего на нем народа, и сделали много открытий в области археологии, этнографии, диалектологии (точнее, лингвистической географии). Результаты этих открытий необходимы были для разработки новой концепции восточнославянского глоттогенеза.

В своей книге Г. А. Хабургаев поднимает два вопроса.

1. «Действительно ли ко времени распада древнерусской народности сложились именно такие диалектно-этнографические группы, которые предопределили границы и состав формирующихся после XIV в. восточнославянских народов (т. е., по существу, „праукраинская“, „прабелорусская“ и т. д. группы)?» [Хабургаев, 1979, с. 13].
2. «Действительно ли позднерусские диалектно-этнографические группы населения (независимо от того, каким окажется их состав и границы) непосредственно связаны с племенами, названными „Повестью временных лет“? Или иначе: кто были летописные „поляне“, „древляне“, „северяне“ и т. д., когда они существовали и каково их отношение к тем или иным местным группам собственно древнерусского населения?» [Там же].

Главная ценность работы Г. А. Хабургаева, на наш взгляд, состоит в том, что он рассмотрел древнерусские племенные названия в системе и установил их языковые особенности. Оказалось, эти названия неоднородны с точки зрения словообразования и относятся к разным историческим периодам, что позволило сразу же уточнить многие выводы историков. Так, считалось, что последнее упоминание о северянах (Владимир «иде на Сѣверьскыя городы») сделано в 1183 г. На самом же деле здесь приводится не этноним *север*, *северяне*, а происшедшее из этнонима географическое, территориальное название. Сведения же о реальных северянах мы не встречаем после 1024 г., когда сообщалось о завоевании Чернигова Мстиславом Тмутараканским.

Так называемая словообразовательная стратиграфия, или установление нескольких хронологически различающихся групп этнонимов по особенностям их формы, позволила выделить древние и более поздние образования. Самым древним слоем восточнославянских этнонимов были названия, не имеющие никаких суффиксов. Они повторяются в разных зонах славянского расселения: *север*, *сербы*, *хорваты*, *дулебы*. Это первичные этнонимы, часть из них иноязычного происхождения. Образование первичных этнонимов прекращается по крайней мере к VII в. н.э., т. е. ко времени широкой экспансии славянских народов. Затем (с IX в.) начинают появляться группы названий, оформленных славянскими суффиксами — наименования территориального или генеалогического происхождения (*поляне*, *воляняне*, *радимичи*). В IX—X вв. увеличивается число обозначений с суффиксом *-ьц-и* — для жителей городов и прилегающих к ним областей (*новгородьци*,

туровьци). Смена словообразовательных средств в оформлении этнонимов отражает процесс возникновения и развития новых общественных отношений вместо древних родоплеменных связей.

Лингвистический анализ летописных этнонимов в сочетании с анализом культурно-этнографических особенностей тех районов, в которых жили отдельные племена, позволил сделать вывод о генетической неоднородности говоривших на славянских языках диалектно-этнографических групп, которые вошли в состав древнерусской народности. В течение IX—XI вв. диалекты племенных группировок восточных славян подверглись интеграции. Исторический подход к языковым фактам на примере этнонимов позволяет говорить о том, что «каждый новый период социально-исторического развития восточных славян определял и новые направления их языкового развития» [Там же, с. 229].

Этнонимы используются не только в целях реконструкции этно- и глоттогенеза. Интересуют они языковедов и сами по себе как часть лексики того или иного языка, в том числе изучаются специфические особенности этой лексико-семантической группы, этимология этнонимов, их словообразовательная характеристика. С таких позиций подходят к этнонимам многие языковеды, например специалист по истории русского языка Г. Ф. Ковалев. В центре его внимания в монографии «История русских этнических названий» (Воронеж, 1982) находится прежде всего словообразование этнонимов. Причем словообразовательные типы этнонимов рассматриваются в их совокупности и последовательно в разные исторические эпохи (в языкознании такой подход можно было бы назвать диахроническим анализом с выделением отдельных синхронных срезов). В самом деле, читатель книги Г. Ф. Ковалева может получить представление о русских этнонимах (т. е. обозначениях разных племен и народов в русском языке) в эпоху становления языка русской национальности (Московское государство, Петровская эпоха), а также о современных этнических наименованиях в русском языке. При этом от эпохи к эпохе прослеживается динамика словообразовательных средств этнонимов. Таким образом, создается четкая картина системы этнонимов каждого отдельно взятого исторического периода (синхронический, или одновременный, подход), а также движения этой системы во времени (диахронический, или разновременный, подход).

Например, для этнонимии Древней Руси был характерен тип собирательных этнонимов: *жмудь, лопь, мурома, мещера, литва, мордва*. Почти все такие наименования относились к неславянским народам (для собственно славянских народов существовали обозначения с суффиксами *-ане/-яне, -ичи* и др.). С течением времени подобные собирательные этнонимы постепенно стали выходить из употребления, особенно после XV в. Им на смену стали приходиться наименования с противопоставлением единственного и множественного числа. С начала XVIII в. подавляющее большинство этнонимов в русском языке стало образовываться по основной модели — с суффиксом *-цы* в единственном числе (во множественном — *-цы*): *скандинавцы, саксонцы, китайцы, лифляндцы*. При этом в Петровскую эпоху встречаются и другие словообразовательные типы: *дадчане, литвяне, гишпаны, саксоны, шкоты* (шотландцы). Наличие таких разных вариантов одного и того же этнонима (*саксонцы/саксоны*) свидетельствует о том, что в то время литературная речь отличалась некоторой неустойчивостью, ненормированностью. Процесс исчезновения типа собирательных этнонимов, а также унификация суффиксального оформления этнонимов привели к перестройке всей системы: к устранению различий между наименованиями славянских и неславянских, больших и малых народов и т. д.

Словообразовательной типологией так или иначе интересуются все специалисты, занимающиеся этнонимикой. Известный ученый В. А. Никонов, в 50-е годы положивший начало новому этапу в развитии отечественной ономастики, образно писал: «При анализе этнонима пренебрегать его формой — значит не отличать венок от венка и барана от баранки» [1970, с. 28]. В. А. Никонов заметил, что в прошлом на территории Восточной Европы группы этнонимов различались своей формой в определенных ареалах. Так, относительно северный ареал образуют племена с названиями на *-ичи*: *кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи*. Южнее располагались племена с названиями на *-ане/-яне*: *волянские, поляне, древляне, бужане, северяне*. Исключением из этого правила служат только ильменские *словене* — самое северное восточнославянское племя и *уличы* далеко на юге, но миграция обоих племен несомненна. (Здесь, на наш взгляд, нельзя не отметить, что миграция — не самый главный аргумент, так как все восточнославянские племена в разное время и в разной степени мигрировали.) Имена неславян-

ских народов также размежеваны с точки зрения своей формы: на юго-востоке соседями восточных славян были хазары, болгары, татары, авары и др. (скопление этнонимов с -ар), а на севере, напротив, все народы называются собирательными именами на мягкий согласный (самоядь, ямь, корсь, водь, чудь, весь). В центральной зоне несколько этнонимов имеют форму собирательных имен на -ва: литва, мордва, другие собирательные — меря, эрзя, мещера, ижора и т. д. Такое различие, хотя и явное, тем не менее трудно объяснимо: либо разные типы обозначений возникали в разных языках и диалектах, либо разные суффиксы (точнее, форманты) имели первоначально разные значения, которые затем стерлись; возможно, форманты эти были продуктивны в разные периоды истории языка. Думается, что по крайней мере в отношении названий восточных славян на эти вопросы уже частично ответил Г. А. Хабургаев, построив словообразовательную стратиграфию этнонимов.

Разумеется, помимо формы этнонимов, исследователей всегда интересовало и интересует их происхождение: установление этимологии, т. е. того слова, от которого произошел этноним. Но здесь нам хочется еще раз процитировать В. А. Никонова, который высказал глубокую и верную мысль о задачах этнонимики: «Чтобы выяснить происхождение этнонима и его этимологию, надо установить его первоначальную форму, сняв все последующие изменения. Но этнонимика — учение об этнонимах, а не о происхождении их, как по старинке представляли и другие отрасли ономастики. Анализ происхождения этнонима — одна из важных задач этнонимики, но не единственная и не главная. Для любителя, которого интересовало только „а что оно значило?..“ (в смысле этимологии), все изменения — только помехи. Этнонимика исследует всю историю этнонимов, для нее все изменения столь же драгоценны, как и первичная форма, — они красноречивые свидетели истории. Этнонимика — изучение функционирования этнонимов и судьбы каждого как звена их системы, т. е. анализ движения их системы в целом и ее современного состояния, к нему исследователи еще не приступали» [Там же, с. 30].

Строки эти писались 20 лет назад, но, как мы видели, позже уже появились исследования именно в том направлении, о котором думал В. А. Никонов. Остается только удивляться, как много ценных мыслей оставил нам недавно ушедший из жизни Владимир Андреевич (1904—1988).

В последние годы он особенно активно работал именно в области этнонимии, а также антропонимии (изучение личных имен и фамилий), хотя оставил заметный след и во всех остальных областях ономастики. Научное наследие В. А. Никонова и его активная научно-организационная деятельность еще ждут серьезного анализа и должны быть оценены по достоинству [Мурзаев, 1989].

Многие ученые работали над созданием семантической классификации этнонимов — название не слишком точное, но всем оно ясно: группировка этнонимов по тем исходным понятиям и значениям слов, которые легли в основу создания этнических названий. Авторы семантической классификации пытались систематизировать названия, возникшие, по-видимому, не хаотично, а по каким-то определенным принципам, закономерностям. Семантическую классификацию этнонимов, случается, строят априорно, хотя она должна быть итогом исследования. Ряд исследователей строят общую типологию этнонимов во всех языках, но это сложная, во многом спорная задача. Наконец, есть группа специалистов, которые придерживаются классификации этнонимов в одной, отдельно взятой, языковой семье. К отдельным вопросам типологии этнонимов мы обратимся в конце данной главы, а пока попробуем дать краткое описание нескольких этнонимических систем из разных языковых семей. Выбор материала отчасти продиктован научными интересами автора и, кроме того, наличием обобщающих работ по этнонимии тех или иных народов (в них этнонимы рассматриваются именно как система).

Вначале расскажем о самоназваниях, или *автоэтнонимах*. Они могут быть исконными словами или заимствованными, но принятыми данным народом в качестве самоназвания. Затем посмотрим, какие названия (*аллоэтнонимы*) образуются в языке для обозначения других народов. (Указанным терминам в этнографической литературе обычно соответствуют понятия *эндоэтнонимы* и *экзоэтнонимы*.) В заключение нам хотелось бы ответить на следующие вопросы: что может дать этнонимия конкретной языковой группы для общей типологии этнонимов? Какая разница существует между этнонимами разных народов с точки зрения принципов наименования? Чем обусловлена эта разница? Вопросы эти, как мы увидим, не случайны, и специалисты пытались на них ответить.

Логичнее всего начать с этнонимии славян: о них уже давно идет речь в нашей книге.

Славяне

Древние славянские этнонимы упоминаются в исторических источниках начиная с I в. н. э. С широким расселением славян в Европе в V—IX вв. на новые территории переносятся старые славянские племенные обозначения. С возникновением новых племенных или политических объединений появляются и новые наименования, которые попадают на страницы средневековых исторических источников (рис. 1).

Общие сведения о славянских народах, их истории и наименованиях можно найти в работах славистов В. В. Седова «Происхождение и ранняя история славян» [1979] и «Восточные славяне в VI—XIII вв.» [1982], Г. А. Хабургаева [1979], литовского языковеда В. Н. Чекмонаса «Введение в славянскую филологию» (1988).

Самыми древними этнонимами славян считаются *венеды*, *анты*, *славяне*, а также *сербы*, *хорваты* и *дулебы*, поскольку племена, носившие последние названия, известны в разных регионах. Эти этнонимы возникли еще до широкого расселения славян.

Этноним *венеды* отражает иллирийское или кельтское имя *veneti*, которое германцы перенесли на славян. Академик А. А. Шахматов [1911] считал, что венеды-кельты проникли в Повисленье после германцев. Владычество венедов в восточногерманских землях было непродолжительным. Готы, гепиды и, видимо, другие скандинавские племена к началу нашей эры овладели Повисленьем и оттеснили венедов на северо-восток и юго-восток. На северо-востоке венеды покорили славян, и соседи славян (германцы и финны) стали называть славян венедами.

Современные исследователи также связывают этноним *венеды* со славянами, хотя сведения о венедах в письменных источниках неопределенны и неизвестно, можно ли полностью идентифицировать венедов со славянами. Античные писатели I—II вв. и вслед за ними византийские авторы помещали венедов в район обитания сарматов. Предполагают [Королюк, 1978], что венедами в античную эпоху именовались все балто-славянские племена Повисленья. К VI—VII вв. балто-славянской общности уже не существовало; в эпоху средневековья термин *венеды* относился в первую очередь к западным славянам Повисленья (долгое время держалось немецкое название лужичан *Wende*). Однако, по данным словацкого языковеда Л. Гавлика [1976], этот термин был известен и южнее —

в восточной альпийской области Каринтии и даже в Восточной марке; в отдельных случаях им определяются и *мораване*.

Название венедов сохранилось в древнем прибалтийско-финском наименовании славян, славянской земли: эстонское *Vene*, водское *Venäi*, финское *Venäa* или *Venäjä*. Позднее это название славян перешло на русских как на самых близких славянских соседей прибалтийских финнов. Этноним *vendi* фиксируется и на территориях балтов: в «Хронике Генриха Латвийского» XIII в. эти *венды* (непонятного происхождения) помещаются в район Виндавы (латыш. *Ventspils*, нем. *Windau*), откуда их потеснили к Риге и затем в область *Wenden* в Лифляндии (эст. *Võnnu*, латыш. *Cēsis*, др.-рус. *Кесь*). Этих вендов В. Кипарски [Kiparsky, 1962] отождествляет с водью — прибалтийско-финским племенем; по документам видно, что они не говорили ни на одном из славянских языков.

Исследователи пытались объяснить более аргументированно, каким образом этноним *венеды* мог быть перенесен прибалтийскими финнами на восточных славян, а также проследить этимологию этнонима. Это связано с путями продвижения на русский Северо-Запад северных группировок восточных славян. По данным В. В. Седова [1982, с. 19] и Г. А. Хабургаева [1979, с. 95—97], венеты (венеды) — более древнее, чем славяне и анты, и общее наименование славян. В VI в. венеды занимали северную часть Центральной Европы. Их древности на западе распространяются за Одру, на востоке — до правобережья Вислы. В VII—IX вв. элементы культуры венедов встречаются на северо-западе Восточной Европы, на территории будущей Новгородской земли (что и объясняет сохранившееся у финнов название венедов). Восточноевропейские венеды могли отделиться от венедов Южной Прибалтики еще до того, как в границах венедского ареала завершилось формирование этнических и диалектных особенностей славяноязычных племен.

Этноним *венеты*, *венеды* многие пытались связать с наименованием *анты* — группы славян, а также с др.-рус. *вятичи*. В частности, известный польский топоним

—→

Рис. 1. Славяне в VIII—IX вв. (по: [Хабургаев, 1979])

1 — территории, населенные славянами; 2 — границы государств в начале IX в.; 3 — приблизительные границы славянских государств в конце IX в.; 4 — славянские народы; 5 — прочие народы; 6 — направление переселения народов

мист С. Роспонд [1972, с. 49], сопоставляя все три этнонима, возводит их к индоевропейскому корню **uep-* «мокрый, влажный», праславянскому **vet-*, находя этот корень, например, в названии польской реки *Więsa*.

Славяне — наиболее общее самоназвание всех славянских народов. Оно сохранилось в именовании древних и современных группировок славян: словене ильменские или новгородские (Древняя Русь), словаки (Чехо-Словакия), словенцы (Словения в Югославии), словинцы-кашубы (Поморье в Польше).

По данным археологии, «славяне как самостоятельная этноязыковая единица начали формироваться в середине 1-го тысячелетия до н. э. в результате взаимодействия и метисации носителей восточной части лужицкой культуры (в языковом отношении древнеевропейские племена) с расселившимися на их территории племенами поморской культуры (говорившие на окраиннобалтском или на промежуточном древнеевропейско-балтском диалекте)» [Седов, 1979, с. 51]. Славяне V—VII вв. н. э. связываются с основной областью распространения керамики пражско-корчакского типа. Территория эта ограничивалась на юго-западе рекой Савой; на юге, вероятно, озером Балатон; на севере — Вислой и на востоке — Днестром. Только в отдельных местах — в бассейне Лабы и Припятском Полесье — территория славян выходила за указанные пределы. В. В. Седов [1982, с. 19] объясняет этот факт тем, что сведения о славянах готского историка Иордана относятся к первой половине VI в., а археологический ареал очерчивается на основе суммарных данных V—VII вв. Наиболее древние по времени памятники славян были найдены на территории Моравии (конец IV — начало V в.). В письменных греческих и римских источниках славян именуют *Σκλαβηνοί* или *Σκλαβοί* *Slavi* * и связывают славян с *венетами*, иногда полностью отождествляя эти народы.

Термин *славяне* был, по-видимому, не только общим, но и наиболее важным для этнического самосознания всех славянских племен, что выразилось и в отношении других народов к славянам, в частности в наименованиях славянских раннефеодальных государственных объединений.

* Одна из исторических областей Югославии до XIII в. называлась *Sclavonia*; сюда входила вся хорватская территория. Официальное название хорватских земель с XVI в. до 1918 г. — Королевство Хорватии, Далмации и Славонии.

Так, в VII—IX вв. византийские авторы употребляют термин *Славинии* для обозначения социально-политических организаций славян. Г. Г. Литаврин, исследовавший историю Славиний, пишет: «Термин „Склавиния“ (Славиния) имеет, безусловно, византийское „ученое“ происхождение: он образован от этнонима по типу понятий „Скифия“, „Сарматия“, „Аравия“ и т. д. Хронологически первым дошедшим до нас упоминанием термина считаю возможным признать сообщение составленной в начале VII в. архиепископом Фессалоники Иоанном первой книги „Чудес св. Дмитрия“ об осаде города славянами и аварами в конце VI в. Для этого похода, сказано там, хаган собрал „все нечестие Славиний“» [1984, с. 195]. Автор допускает, что первичным было значение термина *Славинии* (чаще употреблялся во множественном числе) в качестве ареала расселения славян, вторичным — в качестве указания на их особую политическую организацию.

Название *славян* в праславянском языке восстанавливается как **slověne*, ед. ч. **slověniъ*. Есть множество объяснений этого этнонима, среди них следует упомянуть несколько.

Согласно одной гипотезе (Я. Розвадовский, М. Будимир, М. Фасмер), этноним произошел от гидронима (ср. эпитет Днепра — др.-рус. Словутичь, приток Вазузы Служа, польские названия рек *Ślawa*, *Ślawica*, сербохорв. Славница и др.). Указанные имена сопоставляются с греческими, латинскими, балтийскими словами в значениях «течь», «омывать», «чистить». *Словене/славяне*, таким образом, мыслились как «люди, живущие по берегам рек, озер» [Фасмер, 1987, т. 3, с. 665]; ср. также приводимую Я. Отрембским [Otrębski, 1958b, s. 263] параллель: литовское название деревни *Šlavėnai* на реке *Šlavė*. «Географические» гипотезы в свое время были популярны.

Согласно другой гипотезе, этноним *словене* происходил от *слово*, т. е. *словене* — «люди, говорящие ясно, понятно». Косвенным подтверждением такой этимологии сторонники этой гипотезы считали этноним *немцы* как противопоставление славянам: *немцы* — «немые», т. е. не умеющие говорить на славянском языке. Польский языковед Я. Отрембский [Otrębski, 1966] считал имя *slověne* производным от возвратного местоимения **sloъ*; первоначальное значение имени, по его мнению, — «принадлежащие к одной домашней общине, родственники». С этим корнем он связывает и такие русские слова, как *слуга* («отдельный член этой общины») и *слобода* «свобода». Против этой эти-

мологии выступает М. Фасмер, считая ее «невероятными экспериментами». Были также попытки объяснить этноним от лат. *slavus* «раб» (но «к» в слове *склавены* явно вставное) и от «слава» (но это позднее народноэтимологическое объяснение). По мнению А. И. Попова [1973, с. 33], все указанные попытки объяснения племенного имени *славяне, словене* неубедительны.

Однако исследователи время от времени продолжают обращаться к уже высказанным старым этимологиям, находя новые аргументы. Чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачев [1982], например, рассмотрел этноним *славяне* не изолированно, а на фоне других славянских слов с суффиксами *-ĕnĭnъ, *-janĭnъ*, т. е. привлек материалы по праславянскому словообразованию. При этом оказалось, что суффикс *-анинъ* в русском языке указывает не на принадлежность к месту, к территории, а на связь с сословием, группой людей, предприятием, занятием, характерным действием. К последнему типу относятся, например, такие слова, как *бѣжанинъ* «беженец» или *кличанинъ* — «тот, кто на охоте криками и шумом пугает зверей» (зафиксировано в летописях под 1091 г., см.: [Словарь русского языка XI—XVII вв., 1980, вып. 7, с. 175]).

Слова эти очень четко соотносятся с глаголами, и О. Н. Трубачев, считая наиболее перспективной этимологию Р. Якобсона (*славяне* — от *слово*), пишет, что правильнее производить этноним не от существительного **slovo* (его основа **sloves-*), а от глагола **slovŏ, *sluti* («понятно) говорить». В древнерусском языке от этого корня были образованы слова со значениями «считаться», «называться», «славиться», к этому же этимологическому гнезду — **slava* «слава, устная громкая молва». Автор обращает внимание и на близость **slovĕne* к *Σταυανοί* — названию, употребляемому Птолемеем по отношению к народу, который он помещает между галиндами-судинами и аланами. Это греческое имя можно было бы прочесть как индоиранское **stavana-* «хвалимый» и одновременно как перевод слав. **slovĕne*.

«Славянами достаточно рано называлась не только вся совокупность родственных славянских племен (или большая их часть, если сделать реальное допущение о вторичной славянизации некоторых инородных этносов), славянами назывались и отдельные, в том числе небольшие, племена и народности, поэтому тезис об этнониме **slovĕne* как самоназвании, автоэтнониме остается непоколебленным», — пишет О. Н. Трубачев [1982, с. 13]. Однако в пра-

славянском языке *slověne* — не самое древнее образование с суффиксами *-ēnīnъ*, *-ěne*. Самое древнее — **sedl'aninъ*, **sedl'ane* — «крестьянин», от **sedlo* «село». По семантике обозначение селянина, крестьянина связано с самоназванием греков — *эллины* (*Ἕλληνας*) — первоначальным названием одного племени в Фессалии. Словообразовательный тип на *-ēn-*, *-ian* характерен прежде всего для фракийской этнонимии, и О. Н. Трубачев считает, что в данном случае можно говорить о существовании догреческо- (дорийско-, палеобалканско-, фракийско-) славянской словообразовательно-лексической параллели.

Известные советские ученые В. В. Иванов и В. Н. Топоров [1980, с. 17—18] поддерживают гипотезу о связи наиболее раннего наименования славян с **sъobh-* «свобода» как с обозначением племени свободных людей. Однако дальнейшее развитие представлений славян привело к тому, что племенное название стало соотноситься с обозначением собственной речи, своего слова. Понятие «свой», «говорящий ясно на своем языке» конкретизировалось; в качестве противоположных значений предполагалось «чужое слово» (ср. *чудь* — по народной этимологии связывалось с понятием «чужой») или «отсутствие возможности говорить; немой» (ср. *немец*). Этноним *славяне* как «ясно говорящие» имеет типологическую параллель в Мексике: этноним *tojolabal* «ясная речь, ясные слова». В более позднее время под влиянием фонетических и графических особенностей передачи этнонима *славяне* он включается в ряд новых ассоциаций и осмыслений; наиболее распространено было до середины XIX в. соотношение его со словом *слава* (в научной литературе и т. п.).

Анты — название славянского племенного союза, видимо, не употреблявшееся самими славянами. Оно встречается в сочинениях авторов середины VI—начала VII в., а позднее исчезает. Археологи [Седов, 1982, с. 28] связывают антов с пражско-пеньковской группировкой славян, культура которой в V—VII вв. известна от Дуная на юго-западе до Азовского моря на востоке. Анты сформировались в III—IV вв. в составе племен черняховской культуры. По мнению Г. А. Хабургаева [1979, с. 99, 101], анты византийских историков VI в. — это предки восточнобалканских славян (а не восточноевропейских, как обычно считают), которые вместе с отдельными группами склавинов составили в 679 г. «Союз семи (Дунайских) племен», подчинившийся хану Аспаруху. Днепровские анты (лишь условно можно отнести этот термин ко всему неоднород-

ному ареалу антов) исторически могли быть связаны с восточнобалканскими антами.

Исследователи в основном склонны видеть в этнониме *анты* (греч. Ἄνται) неславянское образование (за исключением С. Роспонда и др., связывающих его с вятичами и венедами). А. И. Попов [1973, с. 34] и др. полагают, что анты — название тюркское (аварское) — от слова *ant* «клятва», «присяга», ср. также монг. *anda*, *and* «побратим»: значение обосновывается тем, что в борьбе против Византии славяне и аварские племена были союзниками, «побратимами». О. Н. Трубачев [1977, с. 25] разделяет высказанную еще в конце прошлого века гипотезу о происхождении Ἄνται из др.-инд. *anta-* «конец, край». Полное семантическое соответствие при этом наблюдается с позднейшим названием *Украины*: анты занимали юго-восточную, окраинную территорию славянства. Так называли их, видимо, Геродотовы скифы-земледельцы.

Сербы — древний славянский этноним (некоторые полагают, что самый древний). Он сохранился в названии части южных славян (*сербы* Югославии, самоназвание *срѣб*, *срѣбин*, мн. ч. *срѣби*), а также западных (*лужицкие сербы* в ГДР, самоназвание *Serbja*, *Serby*, *сѣрбски люд*; немцы их называют *Sorben*, раньше также существовало наименование *Wenden*). В качестве названия восточнославянского племени имя Σέρβιοι встречается только в одном источнике — в трудах византийского императора Копсантина Багрянородного; возможно, это искаженная форма, обозначающая северян.

Одно из распространенных объяснений (П. Шафарик и др.) этнонима *серб* — от двух реконструируемых праславянских форм **srъbъ* и **srъbь*, образовавшихся из индоевропейского слова со значением «сеять, родить, производить». Отсюда позже возникло значение «принадлежащий тому же роду, тому же племени» [Фасмер, 1987, т. 3, с. 604]. Близкая к этой этимология Г. А. Ильинского, связывающая слово *серб* с укр. *присербитися* — «присоединиться, пристать, привязаться» и *пасерб* «пасынок» и предполагающая древнее значение *серб* «человек, член родового союза», поддержана языковедом Г. Ф. Ковалевым. Он пишет: «Этимология Г. А. Ильинского очень убедительна, поскольку она согласуется с древним типом этнической номинации (переход социально-родовых терминов в этнические)...» [1982, с. 31].

С этим же кругом значений сопоставляет этноним *серб*

исследователь из ГДР Х. Шустер-Шевц [Schuster-Sewc, 1985], указывая на рус. диалект. *сербать* «хлебать» и на древний обычай молочного родства. Иная этимология (К. Мошинский и др.) — от слова **ser-v-* со значением «охранять» (например, «сторожить скот»). История этого термина связывается с индоиранскими языками, с противопоставлением земледельцев скотоводам. Возможно, что лат. *servus* «раб» связано с этнонимом *серб*. Л. Нидерле, вслед за ним Г. А. Хабургаев [1979, с. 98] и др. предполагают, что славянские племена, расселившиеся на территории современной Венгрии, к VI в. могли получить этот этноним от местных сарматов, которые под названием *Sarmatae servi* или *servi Sarmatorum* упоминаются в источниках IV—V вв., а затем, ассимилированные славянами, исчезают.

Хорваты занимали два больших ареала: южнославянский и севернославянский. Русские летописи включают хорватов в перечень восточнославянских племен (их южная группировка), а также упоминают южнославянских хорватов. В. В. Седов [1982, с. 123] считает хорватов одним из антских племен, принадлежавших к черняховской культуре, племенем праславянского периода. Территория их первоначального распространения — Галиция и Прикарпатье, после 560 г. часть хорватов переселилась в Далмацию и в Чехию (в настоящее время — одна из основных наций Югославии, самоназвание *Hrvat, Hrvati*).

Происхождение этнонима *хорваты*, по-видимому, иранское. Он мог возникнуть в условиях славянизации ираноязычного населения в Прикарпатье. Древнее **хъrvatъ* связывают с иранскими словами со значениями «страж скота», «стеречь» (авестийское слово *haurvaiti* «стережет» [Иванов, Топоров, 1980, с. 32]). Поэтому некоторые исследователи говорят о родстве терминов *хорват* и *серб* и считают их вариантами. Однако, как замечает Г. Ф. Ковалев, «такое положение могло создаться при условии функционирования этих терминов на различных полюсах славянского ареала и уж, во всяком случае, не в контакте. Данные столь же близких языков, как сербский и хорватский, не позволяют выводить различие терминов „сербы“ и „хорваты“ из различия этих языков» [1982, с. 32].

В «Этимологическом словаре славянских языков» [1981, вып. 8, с. 151] говорится о полном этимологическом тождестве названий *хорваты* и *сарматы*, причем оба возводятся к иранскому прилагательному **sar-ma(n)t-/*har-va(n)t* — «женский, изобилующий женщинами», что на-

поминает миф об амазонках, женщинах-воительницах, сложившийся в приазовском ареале. Авторы словаря предполагают, что этноним *harvat- при смене этноса сохранился; вначале носителями этого имени были иранцы, которые затем постепенно славянизировались.

Дулебы — древнее название славянского племени, известного как на чешской территории (дудлебы), так и на восточнославянской — на Волыни. В русских летописях имя *дулѣби* упоминается в последний раз под 907 г. Археологически дулебские памятники связываются с частью территории, характеризуемой пражско-корчакской керамикой [Седов, 1982, с. 92—93]. Племя это в раннесредневековый период (в начале VII в.) уже существовало и, входя в состав склавенов, сложилось рядом с западногерманским ареалом. В восточнославянской области дулебы расселились на Волыни и в правобережной части Среднего Поднепровья. Позже на территории, принадлежавшей дулебам, летопись упоминает бужан (волынян), древлян, полян и отчасти дреговичей. По-видимому, племя дулебов к IX в. стало распадаться на отдельные этнографические группы.

Исследователи почти единодушно связывают этноним *дулебы* с германскими языками, но расходятся в определении конкретной этимологии. О. Н. Трубачев [1974] объясняет название *dudlěbi из герм. *daud-laiba «наследство умершего» и относит к древнему западногерманскому ареалу (Тюрингия). Было и объяснение *dudlěbi из личных имен типа Detlef. В. Д. Королюк [1979, с. 53] предполагает связь с топонимами на -leben в Саксонии и Тюрингии, которые в первом компоненте заключают имя владельца или предка. В. Д. Королюк принимает восточногерманскую этимологию названия, что объясняет миграцию племенного имени дулебов; этот этноним должен был появиться не в эпоху раннего средневековья, а еще раньше.

В южнославянской языковой области, помимо уже упомянутых *сербов* и *хорватов*, во время великого расселения славян утвердились племена, давшие начало болгарскому, македонскому, словенскому и другим народам. В средневековых источниках встречаются племена берзиты, ринхины, драгувиты, сагудаты, велегевиты и др. В VIII в., с разложением первобытно-общинного строя и с образованием соседских общин, произошли разрыв старых племенных связей и смена племенного деления территориальным. Как правило, племена теперь получали наименования

в зависимости от занимаемой территории: тимочане — в бассейне реки Тимок; струмляне — в бассейне реки Струмы; неретвяне — между устьями рек Неретвы и Цетины; травуняне (этноним произошел от прежнего названия области Трибуний — между Дубровником и Котором) [История Югославии, 1963, т. 1, с. 38].

Этноним *болгары* (самоназвание *българ, българ*) принадлежит южнославянскому народу на Балканском полуострове. В 70-е годы VII в. на эту территорию вторглись кочевники-тюрки, которые подчинили Союз семи родов — политическое объединение славян, расселившихся к югу от Дуная в первой половине VII в. Болгарский хан Аспарух вместе с подчиненными славянами в 860 г. нанес поражение византийской армии и образовал государство Болгарию, причем болгары стали именоваться не только тюрки, но и все подданные государства. Этноним *болгары* был, таким образом, заимствован славянами из названия тюркского племени *булгары*, причем тюркский этнический элемент был полностью ассимилирован славянами.

Македонцы — этноним греческого происхождения — от названия греческой области Македония. Это имя приняла часть южных славян, расселявшихся в VI—VII вв. на севере Балканского полуострова (в настоящее время — одна из основных наций Югославии, самоназвание *македонец, македонци*).

Словенцы (хорутане) — славянское племя в Каринтии (современная Словения, Югославия). Самоназвание *slovénci*. Этноним сохраняет общее название славян. В древнерусском языке словенцы именовались хорутанами от древневерхненемецкого названия области Каринтия — *Charanta*, 980 г. (к VIII в. было образовано княжество Карантания). Немцы называли словенцев *виндами*, венгры — *вендами* (отражение славянского этнонима *венеды*).

В западнославянской языковой области в эпоху средневековья было множество племен, из которых этническую самостоятельность сохранили лишь поляки, чехи, словаки и лужицкие сербы, образовавшие народности. Чехи сформировались на основе племени моравов (мораван), поляки (ляхи) — на основе ляхских (лехитских) племен. Предками лужицких сербов были лужичане и мильчане, упоминаемые уже с VII в. В IX в. лужицкие сербы входили в состав Великоморавского государства, позже их территория стала принадлежать Германии

(в настоящее время сербы проживают в ГДР). Остальные славяне, жившие в бассейнах рек Лабы, Одры, Вислы и на островах Балтийского моря, были к середине XVIII в. (а некоторые еще в XII в.) полностью уничтожены или ассимилированы немцами. В VIII—X вв. полабские славяне образовывали три крупных племенных союза: лужицкие сербы (сербы, далеминцы, мильчане и др.), лютичи, или велеты (ратари, черезпеняне и др.), бодричи, или ободриты (собственно ободриты, вагры и др.).

Совершенно очевидно, что названия многих западнославянских этнических групп связаны с их территориальным расположением, что в данном случае отражает сравнительно позднее расселение славян в междуречье Одры—Лабы. От названий рек Лабы, Гаволы, Спревы, Укры, Доленицы, Пены, Одры образованы такие этнонимы, как *полабы, гаволяне, спреване, укры (украине), доленчане, черезпеняне, ободриты*. Относительно последнего этнонима, означающего «жители по реке Одре (Одеру)» О. Н. Трубачев [1974, с. 56] замечает, что это племя получило свое название не по месту обитания, как обычно, а по месту происхождения, так как оно исторически засвидетельствовано в стороне от Одера.

Ране проживали на острове Ране (Рюгене), поморяне — в Польском Поморье (*Ромогье, лат. Romerania), *лужичане* — в исторической области Лужица. У «Баварского Географа» (источник второй половины IX в., сведения содержатся в рукописи XI в.) упомянуто племя Lunsici, более позднее написание — Lusizi, Lusiza. Отсюда возникло немецкое обозначение территории Lausitz; позже произошла дифференциация на Oberlausitz «Верхняя Лужица» и Niederlausitz «Нижняя Лужица» (лат. Lusatia Superior и Lusatia Inferior). Название местности и этноним происходят из др.-луж. *logъ*, позже *lug* «болото» [Eichler, 1975, S. 18]; слово это родственно рус. *луг*.

Происхождение ряда других этнонимов менее ясно. Немец Гельмольд, живший в XII в. в земле вагров и знавший язык славян, видимо, делает попытку объяснить некоторые названия племен, когда пишет в своей «Славянской хронике» о хижанах, черезпенянах, доленчанах и ратарях: «Эти четыре племени за свою храбрость называются вильцами или лютичами» [Гельмольд, 1963, с. 37]. Лютичи, вероятно, ассоциируются у него со славянским корнем *лют-* в значениях «свирепый», «лютый», «злой», «сильный». Недаром в русских говорах есть слово *лютич* «злодей», «варвар», а прилагательное *лютый* может употреб-

ляться в значении «сильный, упорный (в драке)»: *лют драться* [Словарь рус. нар. говоров, 1981, вып. 17, с. 248—249]. Действительно, лютичи настолько прославились своей храбростью в войне с немцами, что их второе имя — *велеты (волоты)* стало легендарным. В украинском языке *велетень, велет*, в белорусском и русском *волот* — это великан, исполин, богатырь. В преданиях восточных славян велеты наделены необычайной силой и ростом. Остатки велетов народ видел в костях допотопных животных, а в Сибири существовало предание о том, что целый народ волотов заживо ушел в землю [Даль, 1956, т. 1, с. 236].

На территории нынешней Чехо-Словакии и Польши в IX—XII вв. тоже проживало много западнославянских племен. Характерно, что мораване и словаки, по-видимому, представляли собой более компактные этнические массивы, в то время как в чешских и польских областях источники упоминают разные племена: дедошане, боборяне, куявяне, мазовшане, серадзяне, слензане (от имени реки Сленза и исторической области Силезия, польск. Śląsk, чеш. Slezsko), висляне (река Висла), поляне, ополяне (ср. польск. *opole* «ополе» — название территориальной соседской общины) и др.

В X—XII вв. в чешской области появляются многочисленные этнонимы, образованные от названий населенных мест: *седличане* (Седлице), *литомержицы* (Литомержице), *дечане* (Дечин) и др. В то же время на самом юге Чехии еще сохраняется древний славянский этноним *дудлебы*, а на севере, в Судетах — *хорваты*. В археологическом отношении территории Чехо-Словакии и Польши характеризуются сменой этносов и сложным взаимодействием культур. В Польше славяне формировались на основе древних лужицких племен (лужицкая, поморская, пшеворская культуры). Непосредственными предками польских славян были венеды в бассейне Вислы и лугии в бассейне Одры; определенную роль сыграло балтийское и кельтское влияние. Именно из польского ареала начиная с IV в. славяне, оттесняя германцев на запад, заселили территорию между Лабой и Одрой, проникли в Моравию и Чехию, заняли Паннонию [История Польши, т. 1, с. 19, 25].

Моравы (мораване) — название западнославянской этнической группы, а затем моравской народности дано по наименованию реки Моравы и области Моравии (Морава). В письменных источниках этноним встречается с IX в.,

хотя славянское население в этом регионе жило и раньше — начиная с I в. н. э. В древнерусских летописях — *морава* (или *марава*), в греческих текстах — *Μοραβιοι*.

В I—III вв. в области моравян отмечаются следы пшеворской культуры, в конце IV в. также черняховской. С начала VI в. появляется керамика пражского типа, с конца VI — начала VII в. также подунайская славянская керамика. До прихода славян на территорию Моравии здесь жило кельтское, германское, дакское, сарматское и романизированное население, с которым славяне вступили в контакты [Гавлик, 1976, с. 163—166].

Само название реки Моравы — дославянского, иллирийского или фракийского, происхождения.

Этноним *чехи* обозначает западнославянское племя, упоминаемое в русских летописях (*чехы, чихы*). Самоназвание современных чехов — *čech*, мн. ч. *češi*. Славяне стали проникать на территорию нынешней Чехо-Словакии с I в. н. э., но их широкое расселение происходило в V—VI вв. В IX в. два славянских княжества — Моравское и Нитранское — объединились в Великоморавскую державу, после распада которой в X в. входящие в нее славяне разделились на две большие группы. Чешские и моравские племена создали Чешское королевство, словацкие племена вошли в состав Венгерского королевства. Этноним *чехи* употребляется только по отношению к одному племени, нигде более не повторяясь в славянской языковой области. По поводу его происхождения существует разнообразие этимологий.

Древняя форма **сехъ*, по мнению М. Фасмера [1987, т. 4, с. 353] и др., представляет собой уменьшительное от **četъnikъ*: *četa* «отряд, толпа» или от **čeljadinъ*. Другие мнения: сокращение от имени (Вячеслав — Чеслав — Чех или от **Съstislavъ*), связь со словами *чадо, чадъ* «дети, люди, народ». Р. Якобсон [Jakobson, 1971] исходит из последнего значения, обращая внимание на однотипность имен легендарных основателей ранних западнославянских государственных объединений — Чех и Лях. Сначала, полагает он, уменьшительные формы этих имен *čedo* «ребенок» и *lędo* «новъ», «пустошь» рифмовались, а понятия *čedъska zemja* «земля людей» и *lędbska zemja* «необработанная земля» противопоставлялись. Отсюда и два этнонима: *čech/čach* «человек как таковой» (первоначальное самоназвание) и *lech/lach* «человек необработанной земли» (возможно, в уничижительном смысле). Употребление этнонима *лях* расширилось, и он стал в конце

концов относиться к соседям. Культурно-исторический аргумент, выдвигаемый Р. Якобсоном, состоит в том, что историческим источникам чехи стали известны раньше, чем их более северные соседи, а выражение *lědъska zemja* «ляшская земля» означало «новая земля». В фольклоре славян оба этнонима рифмуются и употребляются, как правило, вместе, в одних и тех же легендах и в фразеологических сочетаниях («межи Чахи и Ляхи»). В. В. Иванов и В. Н. Топоров [1976, с. 125] поддерживают этнолингвистическое объяснение Р. Якобсона и считают, что этнонимы *чех* и *лях* соотносятся между собой и обозначают различные типы хозяйственного ландшафта и соответствующий тип культуры.

«Этимологический словарь славянских языков» [1977, вып. 4, с. 35] отмечает возможную связь значения слова **čexъ* со значением этнонима *бои* (лат. *Boii*, откуда Богемия) и допускает происхождение на славянской почве от глагольной основы, передающей рывок, резкое движение, удар — **česat*/**čexati* (-х- при этом относится к корню). Слово **čexъ*, таким образом, по мнению авторов словаря (О. Н. Трубачев и др.), — это этноним-эпитет, первоначально обозначавший боевые качества племени.

Словаки — народ в Чехословакии, самоназвание *Slovák, Slováci*. Этноним происходит от слав. **slověninъ* «славянин». В русский язык, скорее всего, слово попало через польское *ślōwak*.

Поляки — название западнославянского племени VIII—IX вв. в Великопольше (др.-рус. *ляхи*). В древнепольском языке *rolanie* (аналогично вост.-слав. *поляне*), в современном польском *rolak*, мн. ч. *rolасу*. От слова *role* «поле». Польское название *rolасу* появляется как общее для западнославянских ляшских племен с образованием в XI в. Польского королевства.

Значение этнонима *поляки* тесно связано с древнерусским *ляхи*. А. А. Шахматов обратил внимание на связь форм *ляхъ* и *ляд-* в названии Польши Лядская земля. Соотношение этих форм, по его мнению, такое же, как и соотношение русских названий финно-угорских племен *чухна, чухарь: чудь*. По Х. Ловмянскому [1985, с. 11, 34] и др., термин *ляхи* (литературное — *лехиты*) восходит к названию польского племени *лендзян* или *лендзитов* Сандомирщины.

Рус. *лях* — отражение польской уменьшительной формы от слова **lěděninъ*. В свою очередь, как отмечалось, этот этноним образован от *lědo*, рус. *ляда, лядина* в значе-

ции «пустошь, новь, необработанная земля». В. В. Иванов и В. Н. Топоров [1976, с. 125] указывают на соответствие этому значению в этнонимах *поляжи*, *поляне* (от *поле*); примечательно, что *гурали* (жители северных Карпат в пределах Польши) называют ляхами именно равнинных поляков.

История образования восточнославянских племен, упоминаемых «Повестью временных лет», на археологическом материале обстоятельно прослежена В. В. Седовым и другими исследователями. Описывая восточнославянские племена в книге «Восточные славяне в VI—XIII вв.», В. В. Седов анализирует различные точки зрения на летописные племена и приходит к выводу, что до сложения древнерусского государства они были и политическими образованиями, т. е. племенными союзами. Таковы были, например, племенные союзы волян, древлян, дреговичей и полян — славянских территориальных новообразований, возникших после распада племенного союза дулебов (они называются по географическому признаку). Радимичи и вятичи одновременно представляли собой этнографические общности и племенные союзы. Формирование этнографических особенностей новгородских словен, видимо, началось только после их расселения в Приильменье, о чем говорят археологические материалы и отсутствие собственного этнонима у этой группы: название унаследовано от праславянской эпохи. Словене создали свой племенной союз. Вероятно, у хорватов, тиверцев, уличей были подобные политические объединения. Неизвестно ничего о племенных союзах у северян, кривичей — в состав этих племен входил этнический субстрат. Так, вероятно, новгородские словене, псковские кривичи и весь объединились в единый политический союз. Территориальное дробление древнерусского государства в XII в. в большой мере соответствует ареалам летописных племен. С образованием древнерусского государства получил распространение термин *Русь*. В IX—XII вв. этот термин употреблялся и как этноним, и как название государства (подробнее об этом будет рассказано далее).

По происхождению восточнославянские этнонимы представляют собой разные образования в зависимости от времени возникновения.

Поляне — восточнославянское племя, сформировавшееся на основе антского населения, которое жило в Среднем Поднепровье в V—VI вв. в условиях тесных контактов с иранцами. По мнению В. В. Седова [1982, с. 106],

славяне этого региона восприняли от скифо-сарматского населения этноним *рось* (видимо, одно из антских племен). В VI в. в правобережной части Киевского Поднепровья расселяются и дулебы, после территориального членения которых складывается племя полян. В VIII—IX вв. поляне и потомки росов окончательно перемешиваются между собой, и поляне стали называться русью.

Этимология имени *поляне* прозрачна: основа **rol-* «поле» — та же, что в наименовании польского племени *rolanie*. По поводу полян В. В. Иванов и В. Н. Топоров [1980, с. 40] замечают, что это племя выделяется «Повестью временных лет» положительно и противопоставляется древлянам. Древляне (деревляне), в свою очередь, это рано потерявшее племенную самостоятельность древнерусское племя на Волыни, в местности Дерева. Этимология имени ясна — от слова *дерево*, первоначально — «лесные люди» (в «Повести временных лет» читаем: «...древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх...»). То же значение обнаруживается в западнославянском (полабском) этнониме *Drewani*. В. В. Иванов и В. Н. Топоров считают, что когда в летописи идет речь о самом ядре восточнославянских племен, то основной семантической мотивировкой этнонимов становятся топографические характеристики. Противопоставление полян и древлян вскрывает смысловое различие «свое, укрытое, культурное, возделанное пространство»/«чужое, незащищенное, нецивилизованное, природное пространство» (по сути, то же, что и *чех/лях*). Авторы находят этимологически родственные и типологические параллели названию *поляне* в других индоевропейских этнонимах: *Pala* (*палайцы* — народ в Малой Азии, первая половина 2-го тысячелетия до н. э.) и, возможно, *филистимляне* (егип. *prst* из **pl-st*), которых также связывают с анатолийцами; иллирийские этнонимы *Polates*, *Polenses*. «Характерно, что славянские топографические этнонимы, — пишут В. В. Иванов и В. Н. Топоров, — по принципу обозначения и по корню восходят к типовым индоевропейским моделям, которые могли использоваться и как апеллятивы (ср. Польша — поляне — поле и т. п.)» [1980, с. 41].

Северяне — восточнославянское племя, занимавшее среднее течение Десны, бассейн Сейма и верховья Сулы. Впервые на этой территории славяне появились в середине 1-го тысячелетия н. э.; как отдельная этнографическая единица восточных славян северяне сформировались в VIII—IX вв. Этимологи обычно связывают название

этого племени с русским словом *север*. По мнению М. Фасмера [1987, т. 3, с. 588—589], до того как восточные славяне расселились через Белоруссию вплоть до Новгорода, северяне были самым северным племенем. Это объяснение поддерживает А. П. Непокупный: «Название северян относится к самым древним наименованиям славянских племен, повторяется оно и на Балканах — в Мизии VII в. (территория Болгарии), где был зафиксирован этноним Σεβέραις. Интересно, что, несмотря на наличие еще трех сторон света и их названий — юг, восток, запад, ни одна из них не используется славянами для наименования остальных своих племен. Северная ориентация в древнеславянском процессе номинации кажется нам особенно выразительной и важной, если обратиться к балтийской этнонимии» [1979, с. 40—41]. Параллель автор находит в наименовании историко-этнографической области Латвии *Земгале* («северный край»).

Совсем другое объяснение выдвигает историк В. П. Яйленко. Подунайские пришлые славяне назывались местным романизованным населением *Severi*, т. е. «дикие», «страшные» (Σεβέραις в хронике Феофана под 679 г.). «Совершенно иного происхождения, — пишет В. П. Яйленко, — этноним приднепровских северов (северян). Его следует связывать с обозначением части венгров, обитавших в лесостепном междуречье Днестра и Дона... Σάβαρτοι, Σεβόρτιοι являются греческой передачей иранского этнонима, состоящего из *saw*, **sew* „черный“ (это определили уже И. Тюри, И. Маркварт) и *rudga* — „сын“... Т. о., северноиранское население Подонья называло своих соседей венгров „Черными сыновьями“, что нашло отражение в упоминании „Повестью временных лет“ приходивших к Киеву „Черных угров“... На занявших территорию венгров славян и перешло иранское обозначение первых...» [1986, с. 112—113].

Иранский источник этнонима *северяне* допускают и В. В. Иванов и В. Н. Топоров [1980, с. 30], но с совершенно другой точки зрения: этноним все-таки может быть славянским переводом иранского обозначения «севера», так как это племя занимало северное положение именно по отношению к ираноязычному населению южнорусских степей (и только по отношению к нему).

Радимичи — древнерусское племя, жившее в бассейне реки Сож, по археологическим данным, связано с Верхним Приднестровьем, откуда славяне, видимо, переселились в VIII в. Последнее упоминание в летописи о ради-

мичах относится к 1169 г. М. Фасмер [1987, т. 3, с. 430] соглашается с трактовкой летописца, который производит название *радимичей* от родоначальника по имени *Радимъ* (краткая форма от славянского имени *Радимърь или *Радимиръ). С. Роспонд [1979, с. 37—38] утверждает: Радим, как и Вятко, — эпонимы вымышленные. В. В. Иванов и В. Н. Топоров [1980, с. 32] допускают сопоставление основы *радим-* с иранской скифской основой *radam-* из *fratama* (**pratama-*) «первый»; эта основа употребляется в скифских царских именах.

Дреговичи — древнерусское племя в Припятском Полесье: в этногенезе его участвовало местное балтийское население. Этимологию названия выводят обычно из слов со значением «болото»: укр. *дряговина* «болото», белорус. *дрэ́гва* «топкая, болотистая местность» и родственных слов в балтийских языках. Другое объяснение связывает этноним со словом *дрезна* «дерево, хворост». М. Л. Худаш [1981] считает суффикс *-ич(и)* в этнониме патронимическим (обозначение детей по отцу). Слово *дреговичи*, по мнению автора, происходит от личного имени типа Дреговъ, Драговитъ/Дреговитъ.

Вятичи — самое восточное из древнерусских племен, связано с Поочьем. Группа славян пришла в начале VIII в. на верхнюю Оку с юго-запада. *Вятичи*, согласно летописям, ведут свое происхождение от легендарного прародителя по имени *Вятко* — уменьшительная форма от имени *Вячеслав*. С этой версией согласен М. Фасмер [1986, т. 1, с. 376]. С. Роспонд [1972, с. 40] считает это имя вымышленным эпонимом: такие легенды соответствовали средневековой тенденции к нобилизации. С. Роспонд предлагает другую гипотезу: «Основой была форма *Vjat-*, т. е. этнонимическое название *вятичи... на вятичѣхъ*. Контекст ПВЛ: „*Радимичи бо и вятичи от ляховъ*“ следует понимать в легендарном смысле. Народная традиция сохранила память о древнем переселении из области диалектного распада праславян, т. е. из области *A* между Одрой—Вислой и Бугом в область *B* (Буг—Днепр). Этимология названия *вятичи* вызывает разногласия, хотя уже давно является предметом исследования. По моему мнению, оно происходит от индоевроп. **ven-t* «мокрый, влажный», праслав. *vet* (ср. название реки в Силезии *Więsa* < **Vetja*). Можно также античных антов связать с этим позднейшим названием племени *вятичи*. С формантом *-itjo* образовывались топографические этнонимы *Łęzicy*, *Goleńczycy*, *Łużycy* < *Łęzycy*. Бубрих последо-

вательно этимологически связывал вятичей с антами и венедами. Сказочным является выведение ПВЛ названия *вятичи* из имени вождя *Вятко...: а Вятъко съде съ родомъ своимъ по Оцѣ*. Ведь таким же образом летописец выдумал легенду о Кие, Щеке, Хориве, Лыбеди». В. В. Иванов и В. Н. Топоров [1980, с. 23] также придерживаются мнения, что суффикс *-ич(и)* мог выполнять двойную функцию: быть как патронимическим, так и чисто этнонимическим (служил для образования названий племен).

Кривичи — восточнославянское племя, утвердившееся между верховьями Днепра, Западной Двины и Волги. В V—VI вв. кривичи проникают по реке Великой до Чудского озера. Археологические данные указывают на связь кривичей с западнославянским регионом — с Висло-Одерской группировкой славян; не случайно прибалтийские финны называли их *венедами*. В IX—XIII вв. различались самостоятельные этнические группы кривичей — псковская и смоленско-полоцкая. В генезисе кривичей участвовал дославянский (балтийский) элемент [Седов, 1982, с. 158, 164].

М. Фасмер [1986, т. 2, с. 375] принимает происхождение этнонима от имени родоначальника племени *Кривъ. С. Роспанд, А. И. Попов и др. считают, что вятичи — ложное патронимическое образование. Суффикс *-ич(и)* в нем возник, видимо, позже, чем славянские переселенцы появились в Подвинье. В летописях полоцкие князья иногда называются *кривитьстеи* или *кривские*. Об этом свидетельствуют и формы латышского названия *krievs* «русский», *Krievija* «Россия», литовского *kriėvai* «русские». Как в славянских языках, так и в родственных балтийских основа имени имеет значения «кривой», «левый» и др. В. Н. Топоров [Прусский язык, 1984, т. 4, с. 196—205] связывает ее не только с именем мифологизированного предка Крива, но и с именем *Krive* — верховного жреца древних пруссов.

По имени кривичей балты стали называть всех русских; ливы также называли русских латышским словом *kri'ēve(z)*. Этноним частично попал и в прибалтийско-финские языки. Так, водь, переселившаяся в 1444—1447 гг. из Ингерманландии в Курляндию, называлась латышами *krievīri* (уменьшительная форма от латыш. *krievs* «русский»).

Словене ильменские (или *новгородские*) — восточнославянское племя, жившее на русском Северо-Западе. Относительно первоначальной территории этой группы славян между археологами и лингвистами существуют раз-

ногласия. П. Н. Третьяков [1966, с. 284] предполагает, что словене — выходцы из Верхнего Поднепровья, причем в освоении северных земель в VI—VIII вв. большую роль играло и ославянившееся балтское население Верхнего Поднепровья. Другая точка зрения — ее, в частности, разделяет В. В. Седов [1982, с. 66] — связывает словен с западнославянским ареалом, с Польским Поморьем. Этимологически название *словене* полностью совпадает с общим наименованием *славян*.

Тиверцы — восточнославянское племя на Днестре. В. В. Седов [1982, с. 129—130] полагает, что тиверцы, племенное название которых возникло до VI в., представляли собой ту часть антов, которая обитала в бассейне Днестра еще в эпоху черняховской культуры. Этноним *тиверцы* мог появиться только в период славяно-сарматского контакта. Тиверцы, видимо, занимавшие Поднепровье и междуречье Днестра и среднего течения Южного Буга, с конца IX—начала X в. отступают под натиском тюркских кочевников в более северные районы — в Карпаты и Закарпатье.

Этимологи обычно связывают этноним с античным названием Днестра Тирас, греч. *Τύρας* (восстанавливая форму *Тивръ от иранского слова со значением «быстрый»). Другое объяснение, поддерживаемое тюркологами, идет от академика А. И. Соболевского, считавшего тиверцев тюркским племенем: из тюрк. **tiv-äg* «переводчик», что подкрепляется наименованием тиверцев в «Повести временных лет» — *тълковинъ*, букв. «переводчик» — русская калька с тюркского [Фасмер, 1987, т. 4, с. 55].

Уличи — восточнославянское племя, часть которого в конце IX—начале X в. переселилась из Поднепровья под натиском кочевников в Нижнее Поднепровье.

Этимологи [Kiparsky, 1958; Трубачев, 1961] связывают название улечей со слав. *угол*, т. е. из слова **угличи*. Форма *уличи* могла видоизмениться под влиянием тюркских языков. Этимология подкрепляется тем, что между реками Орелью и Днепром есть местность Угол, изгиб или излучина Днепра, что соответствует первоначальной локализации улечей по историческим источникам (ср. также город Углич из **Огъльсь* «изгиб Волги»). Другие мнения: М. Л. Худаш [1981] обращает внимание на суффикс *-ич(и)*, который автор считает патронимическим, и на славянское имя *Уль* — возможное сокращение сложного личного имени (С. Роспанд категорически отрицает патронимический суффикс в этом названии).

Помимо указанных восточнославянских племенных названий, в летописях встречаются и чисто территориальные: *бужане*, *волыняне*, *полочане*. Так, название *бужане* происходит от имени реки Буг. По сообщению летописи, после распада дулебского племенного союза та часть дулебов, которая обитала в бассейне Буга, стала называться *бужане*, а позже, после IX в., их стали именовать *волыняне* (*вельняне*) — от имени города Волынь (Велынь) и исторической области Волынь. Полочане — не отдельное славянское племя, а ветвь кривичей. В XI—XII вв. полочанами назывались жители Полоцка (от имени реки Полоты) и Полоцкой земли. В «Повести временных лет» читаем: «Полота, от сея прозвашася полочане...»

Наконец, рассказав об основных славянских этнонимах, об их значениях, зададим себе вопрос: можно ли установить их преобладающие типы или тип? Это очень трудно сделать, если заниматься только значениями основ, т. е. устанавливать принципы наименования (словообразовательная стратиграфия дает, как мы видели, больше результатов). В самом деле, наиболее древние и ряд относительно поздних славянских этнонимов — дославянские, унаследованные из индоевропейской языковой общности или заимствованные в результате контактов с другими языками — иранскими, германскими, кельтскими, тюркскими: венеды, анты, сербы, хорваты, дулебы, моравы, тиверцы, болгары; по географическим названиям — македонцы, хорутане. Лишь общее самоназвание славян — *словене* (и связанные с ним *словаки*, *словенцы* и т. п.), — к счастью, ни у кого не вызывает сомнения в том, что оно славянское, но объясняют его по-разному. Так же, как этимология названий *чехи*, *северяне* и др. не может считаться окончательно выясненной.

Глубокий скепсис в отношении попыток этимологизировать этнонимы высказал А. И. Попов: «Вообще следует сказать, что попытки этимологизировать то или другое племенное имя из каких бы то ни было языковых данных — принадлежащих данному племени или нет безразлично, — как правило, обречены на полную неудачу за редчайшими исключениями. Иногда удается с достаточной степенью надежности связать племенное имя с географическим, т. е. с топонимикой, но и это требует особенной осторожности, так как случайные созвучия подстерегают исследователя на каждом шагу... В действительности принципиально невозможно создать надежную этимологию многих племенных названий, которые в зна-

чительном числе случаев образуются совершенно различными путями, иногда в глубочайшей древности, с тех пор подвергаясь различным случайным изменениям, в том числе народноэтимологического порядка.

Впрочем, если бы было, наконец, точно установлено, что племенное имя *венеды* имеет германское, финно-угорское, иллирийское, кельтское или славянское происхождение (а все такие гипотезы предлагались или могут быть предложены), то и тогда польза от этой этимологии (даже совершенно правильной) была бы ничтожна. Это было бы установление единичного, замкнутого в себе филологического факта, не охватывающего всех исторических обстоятельств ранней жизни этого племени.

Разумеется, каждый такой факт представляет большой внутренний интерес, но общего значения не имеет» [1973, с. 23—24].

Мы не разделяем подобной крайней точки зрения на этимологию древних этнонимов. Наличие правильной этимологии — всегда отраднй факт для лингвиста, а накопление фактов, пусть и медленное, рано или поздно способно содействовать прогрессу в науке. И интересные научные гипотезы, какими бы гипотетичными ни были построения, всегда науке нужны. Так обстоит дело, например, и в топонимике, и вообще в науке о собственных именах. Сколько было гипотез и яростных споров о происхождении названия Москва! Некоторые топонимисты от этого настолько устали, что предлагали вообще закрыть все дискуссии на данную тему. А гипотезы продолжают рождаться — и хорошо. Важно только, чтобы они были действительно научными.

Вернемся, однако, к славянским этнонимическим типам. Волгоградский исследователь В. И. Супрун [1976] установил следующие семантические группы славянских этнонимов: 1) самоназвания с первоначальной семантикой «человек» (чех); 2) «говорящие ясно, понятно» (словене); 3) тотемные (вильцы?); 4) антропонимические (кривичи, радимичи, вятичи); 5) ландшафтные (дреговичи, поляне, древляне, ляхи); 6) топонимические (украинцы, македонцы, белорусы, русские, лужичане).

Думается, что первые три пункта в этой классификации спорны из-за спорности этимологий этнонимов; кроме того, наличие тотемных самоназваний у славян проблематично. Четвертый, антропонимические этнонимы, пожалуй, тоже спорен, потому что сообщения летописей о прародителях Криве, Радиме и Вятко недостоверны,

С. Роспонд категорически настаивает на том, что суффикс *-ич(и)* в наименованиях племен — не обязательно патронимический, он может присоединяться и к словам «топографического» значения. Но последние два пункта не вызывают сомнений. Действительно, ландшафтные и топонимические этнонимы были характерны для славян середины 1-го тысячелетия н. э., что давно заметили историко-географы: «Уже при самом расселении славян произошло некоторое разложение племенной организации, перетасовка племенного деления, на место старого выдвинулось чисто географическое областное» [Любавский, 1909, с. 89].

Современные исследователи, например О. Н. Трубачев [1974], также подчеркивают типичность обозначений славянских племен по месту их обитания — но не происхождения. Исключение из этого правила — *ободриты* «жители по Одере»; это племя исторически засвидетельствовано в стороне от Одера. Особенно характерны названия славян по рекам, вдоль которых расселяются племена, ср. славянский этноним VI—VII вв. в Македонии: *струмляне* (*струменцы*). О. Н. Трубачев предполагает в качестве исходного названия античное $\Sigma\tau\rho\mu\acute{o}\nu\iota\omicron\iota$, обозначающее одно из фракийских племен по реке Стриму (Струме). Аналогичным образом славяне-*ринхины* в Македонии могли быть названы по греческой реке $\rho\acute{\iota}\nu\iota\alpha$ (видимо, название фракийского происхождения).

В приведенных нами примерах виден ряд наименований по рекам: моравы, висляне, полабы, бужане, полочане, ободриты и др., а также по названию местности и по ее топографическим особенностям: лужичане, хорутане, поморяне, воляняне, уличи, поляне и поляки, древляне, дреговичи.

Балты

Многочисленную группу составляют этнонимы исконных соседей славян — балтов. Балтийские этнонимы важно изучать и в отдельности, и в сопоставлении со славянскими, так как языки этих народов близкородственны. В отличие от славян для балтийских племен в исторический период не были характерны дальние миграции, поэтому их этнонимы более устойчивы и более привязаны к определенным территориям. Ареал, который занимали балты, в 3—2-м тысячелетиях до н. э. был значительно шире, чем в середине 1-го тысячелетия н. э. и тем более

в настоящее время: некоторые балтийские племена были либо истреблены немцами в XIII в. (прусы), либо жили отдельными островками среди славян (голядь, ятвяги и др.) или других балтов (ятвяги или курши в Литве и др.) и были с течением времени ассимилированы, либо, наконец, вошли в состав литовского и латышского народов.

Балтийские этнонимы исследовались многими учеными: можно назвать в первую очередь В. Н. Топорова, также В. В. Иванова, А. П. Непокупного, О. Н. Трубачева.

Балты — общее научное название для всех балтийских племен — известно с IX в. Корень *balt- в названии Балтийского моря объясняли по-разному: и как «болото», и как «белый» (лит. *baltas*), и как «пояс». Имя Балтийского моря толковали как балтийское, иллирийское или венециано-иллирийское название. В. Н. Топоров в словаре «Прусский язык» [1975, т. 1, с. 189] указывает, что неизвестно, как сами пруссы называли Балтийское море, и высказывает предположение, что корень *balt- в прусском языке мог относиться первоначально к отрезанной, замкнутой части моря, которая обозначалась бы по принципу «белый» или «болотистый» (т. е. стоячие воды).

Древнее название балтийских племен — *эсти* или *айсти* (*Aesti*), происхождение его не установлено. Вероятно, так именовались пруссы или какая-то их часть, а позже и другие балтийские племена. Впоследствии это имя перешло на прибалтийских финнов — эстонцев.

К востоку от нижнего течения Вислы, вдоль побережья Балтийского моря, в XIII в. располагались прусские области: Помезания, Погезания, Вармия, Натангия, Самбия, Скаловия, Надровия, Бартия, Судовия, Галиндия, Любавия, Хелминская земля (рис. 2). Области эти условно называются «прускими», но на самом деле, как показал В. И. Кулаков [1987], не все они были заселены собственно пруссами, а скорее представляли собой конфедерацию территорий нескольких западнобалтийских племен. Прусы были истреблены огнем и мечом в результате походов Тевтонского ордена; прусский язык перестал существовать, но немецкие колонисты, обосновавшиеся в Пруссии, приняли автохтонное имя (русское слово *прусаки* обозначало немцев — жителей Пруссии). Само имя «прусы» еще не получило достаточного объяснения. Филолог А. П. Непокупный [1979, с. 31] предполагает, что этимологию названия следует искать в гидронимии, так как для балтийских этнонимов характерны образования от имен

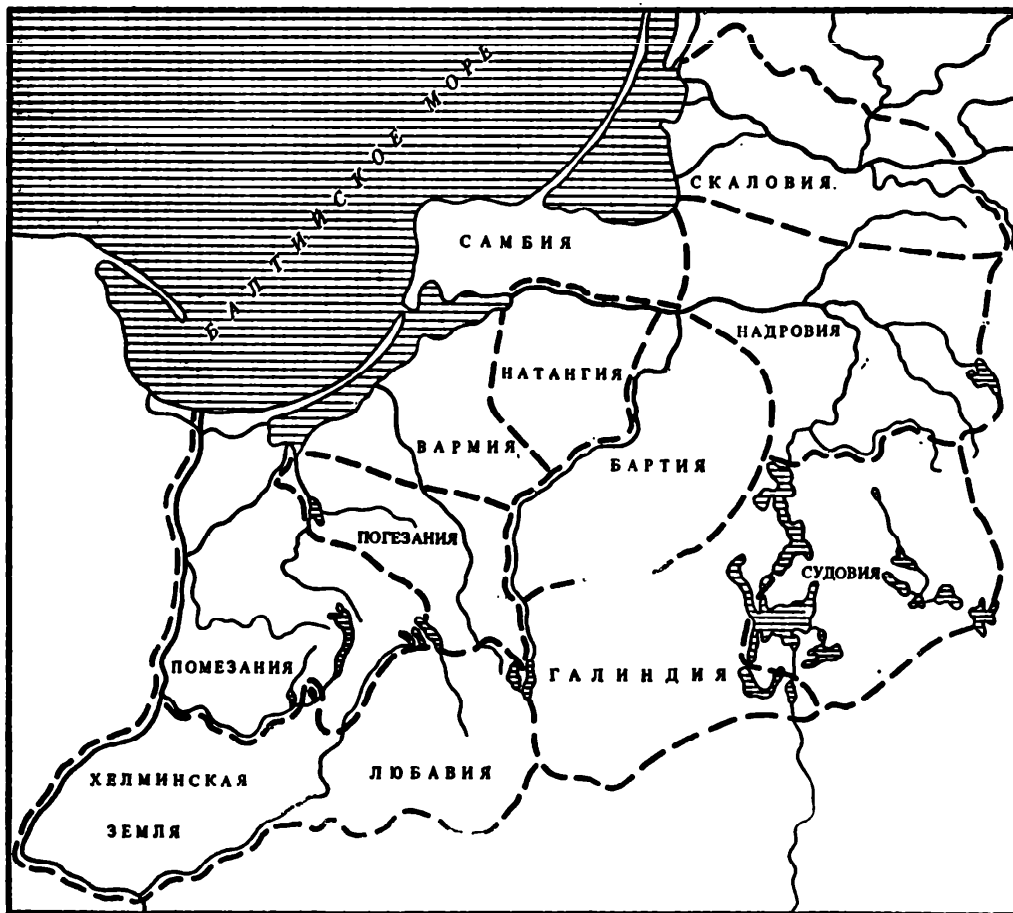

Рис. 2. Прусские земли в XIII в. (по: [Кулаков, 1987])

водных объектов. Литовский языковед С. Каралиюнас [Karaliūnas, 1977] пытался объяснить этноним от лит. *prusti* «развиваться», предполагая переход от значения «развиваться, увеличиваться, множиться» к значению «группа людей».

Другим западнобалтийским племенем были *ятвяги* (*судовляне, судава*), которые в исторический период занимали территорию между Наревом и Неманом (смежные районы Польши, Белоруссии и Литвы, т. е. исторические районы Подляшья и так называемой Черной Руси). О ятвягах не очень хорошо известно, входили ли они в состав пруссов или были другим племенем — ближайшими соседями пруссов. (Не следует забывать, что от большинства западнобалтийских племен не осталось языковых свидетельств, кроме топонимии и балтизмов в говорах белорусского, польского, украинского, русского языков.) Пруссы, скорее всего, называли ятвягов судавами, а литовцы — судавами или дайнавами. В подробной и очень интересной словарной статье В. Н. Топоров пи-

шет, что название *ятвяги* *jatv-ing- правдоподобнее всего возводить к названию реки Ятфа (Ятва) = балт. *Jātvā [Прусский язык, 1980, т. 3, с. 15—19].

Курши, или *куры* (др.-рус. *корсь*), — еще одно из западнобалтийских племен, память о котором осталась в названиях Куршской косы, латышской области Курземе и прежней Курляндии (средневековое латинское название Cōgī, Curones). В образовании племени куршей, возможно, приняли участие прибалтийско-финские народы. Этимология имени не выяснена. В литовском языке *kufšas* означает «латыш, житель Курземе». К. Буга [Būga, 1922, т. 1, р. 210] предполагает связи с укр. *корс* «раскорчеванный участок». Й. Казлаускас [Kazlauskas, 1968] предложил новую этимологию названия. Он связал его с производными от литовского глагола *kūrti* в значениях «разводить, разжигать (огонь)»; «создавать, творить»; «основывать, учреждать».

Большой интерес ученых вызывали названия племен: прусских галиндов (впервые встречается в середине II в. у Птолемея), *Golensizi* на польско-чешском пограничье (упоминается «Баварским Географом», ок. 870 г.) и родственного им западнобалтийского *голядь* в бассейне Оки (на Протве, по сообщению русских летописей). В. Н. Топоров [1980], исследовавший эти этнонимы и гидронимы Голебянка, Голядь, Голядинка в районе Москвы, названия деревень Голяди, Голяжье и др. в Московской и Орловской областях, считает, что основа указанных топонимов связана с этнонимом *голядь* (из **golēd-*), принадлежавшим балтийскому племени, которое занимало самую восточную, пограничную область балтийской языковой территории. В этом смысле оправданно было бы объяснение этнонимов *галинды* и *голядь* от корня *gal-* (лит. *gālas*, латыш. *gals* «конец») с суффиксом *-ind-*: типологически их значение близко к понятию *украинец* (от слова *край*). То же значение находим в этнониме *маркоманны* (нем. *Markmannen* от *Mark* «граница, рубеж, пограничная область»); племя маркоманнов обосновалось в конце V в. в Баварии. В. Н. Топоров [1980, с. 135] подчеркивает разъединенность ареалов носителей имени *галиндов*, которые не случайно оказались жителями тех же мест, что и маркоманны, и украинцы, тяготение к крайнему положению в пространстве, к пределу (на краю Пруссии, неримского мира в Чехии, Моравии, Словакии, индоевропейского мира на Оке). В. Н. Топоров [Прусский язык, 1979, т. 2, с. 138—142] упоминает также и о другой воз-

возможности этимологии этнонимов *галинды*, *голядь*: корень *gal-* выступает как распространенный географический апеллятив со значением «болото»; причем центром распространения этого термина (он вошел и в восточнославянские говоры) следует считать Полесье.

Вероятно, с этим значением связан и второй элемент восточнобалтийских этнонимов *Latgale*, *Zemgale* — ср. рус. [Латыгола, Летгола, Зимигола, Зимъгола. В. Н. Топоров 1983] изучил также удивительное этнонимическое образование, встречающееся у готского историка Иордана, — *Golthescytha* (гольтескифы) и на основе данных ономастики предположил существование галиндоскифов. Этот народ населял земли, расположенные между Сожем и Десной и немного далее на восток до верховьев Оки, непосредственно контактирующие с бассейном Сейма. Здесь отмечены бесспорные следы балто-иранских языковых контактов. *Golthescytha*, по мнению исследователя, — это «балтийские» (голядские) иранцы, смешанное население переходной зоны.

Единственные балты, сохранившиеся до наших дней как самостоятельные этносы и образовавшие нации, — восточные, литовцы и латыши. Этноним *литовцы*, или *литва*, известная в древнерусских летописях, отражает собственно литовское название земли — *Lietuvà*. Соседи-латыши употребляют названия *Lietava* «Литва», *leĩtis* «литовец», *leĩtene* «литовка». Название не имеет точно установленной этимологии: его связывали с латинским *lītus* «берег» и реконструированной кельтской формой **Litavia* «прибрежная страна». Я. Отрембский [Otrębski, 1958a] предполагает связь с литовским названием реки *Leità* от *lieti* «лить», считая первоначальной формой — **Leituvā*. Эта этимология имеет свою традицию: еще А. А. Кочубинский в свое время говорил о возможности связи этнонимов *литва* (рус. *лить*, лит. *lytùs* «дождь») и *дреговичи*.

Литовцев как народность образовали в основном два племени: аукштайты («верхние») и жемайты (др.-рус. жмудь) «нижние»; в состав литовцев вошли также часть судавов (ятвягов), южные группы куршей и земгалов.

Латыши также сложились из нескольких племен (латгалы, селы, земгалы, курши, часть ливов), что отражается, в частности, в названиях историко-этнографических областей Латвии: Латгале, Земгале, Курземе, Видземе. Племя, давшее свое название всей нации, — *латгалы* (в русских летописях *латыгола*, *лотыгола*, *летьгола*).

Самоназвание латышей *latvieši*, ед. ч. *latvietis*, производят от гидронима *Late* и связывают с другими речными названиями типа *Лотва* в Минской области. А. И. Попов считает названия *Литва* и *Латвия*, несомненно, родственными, что, на наш взгляд, еще требует серьезных доказательств.

Этноним *земгалы* (др.-рус. *зимѣгола*) другого древнелатышского племени, подобно родственному литовскому термину *жемайты*, объясняется чаще всего как «нижний конец, край». А. П. Непокупный [1979, с. 41] придерживается иной этимологии: он полагает, что *земгалы* означало «северяне», и связывает название с латыш. *ziemeļi* «север» (тот же корень, что в балтийском и русском слове *зима*). Исследователь проводит здесь параллель со славянским этнонимом *север*, *северяне*, отмечая, что *земгалы* занимали северное положение лишь по отношению к *Литве*, тогда как в самой *Латвии* это южные районы.

Остальные балтийские племенные названия исследованы меньше, например: *борти* (прусская область *Bartha*); *дайнава* (еще одно название *ятвягов*, его связывают с гидронимией); *сели* (самое восточное племя, территориально близкое к финно-уграм); *помезанцы* (прусская область *Pomesan(ia)*, возможно, название с приставкой *ро-* происходит от корня со значением «лес»); *погезанцы* (также были попытки связать с прусским словом в значении «кустарник, лес»); *судины* или *судавы* (этноним, тесно связанный с галиндами; предположительно основа та же, что встречается и в топонимии чешско-моравской и подмосковной областей — **Sud-*) и т. д.

Следует признать, что этнонимия балтийских племен изучена еще недостаточно полно для того, чтобы выявить балтийский этнонимический тип как таковой. Отчетливо видно стремление исследователей производить этнонимы от имен водных географических объектов, от ландшафтных терминов, от слов, указывающих на ориентацию. Достоверно выделяются значение «конец, край, окраина», а также противопоставление «верхний» / «нижний» по отношению к территориям племен. Выявление связи со славянскими словообразовательными типами было бы, конечно, весьма полезно. О. Н. Трубачев [1974, с. 54] справедливо пишет: «Удивительно, что до сих пор не произведено, например, фронтальное сопоставление славянской этнонимии и балтийской этнонимии как системно организованных совокупностей, а ведь это имеет непосредственное отношение к балто-славянской проблеме».

Добавим, что балто-славянские этнонимические параллели имеют существенно важное значение еще и потому, что славяне, по представлениям ряда археологов и лингвистов, первоначально формировались на западной окраине балтского ареала, т. е. непосредственно соседствовали с предками пруссов и других западных балтов. Именно в западнобалтийском ареале, вероятно, можно найти наиболее интересные параллели к славянской этнонимии, хотя следует учесть, что большинство этнонимов, видимо, сохранилось только от средневековья.

Различия славянской и балтийской этнонимии О. Н. Трубачев видит в том, что в балтийской этнонимии нет общего названия для всех балтов, подобно имени *slōvēne*; она проще и малочисленнее по составу, скуднее в словообразовательном отношении и ближе к производящим апеллятивам. Четко выделяется лишь суффикс *-t-* в названиях типа *žemaitis* (*žemaičiai*); суффикс *-n-* присутствует лишь в двух-трех периферийных западнобалтийских названиях типа *Romesani*, *Pogesani*, но именно эти этнонимы представляют собой не чисто балтийский, а скорее переходный к славянскому тип.

В. Н. Топоров указывает на серьезные пробелы в исследовании древней балтской этнонимии: «Они касаются не столько даже состава этнонимов, сколько самой специфики тех обозначений, которые мы вынуждены трактовать как этнонимы и сопоставлять с названиями, выступающими в других языковых традициях как несомненные этнонимы. Иначе говоря, одна из кардинальных трудностей состоит в том, что балтская этнонимия во многих случаях не может рассматриваться как вполне независимая от обозначений жителей данного места по какому-либо топографическому признаку (гора, лес, поле, болото, река, озеро и т. п.)... реконструкция общей системы древней балтской этнонимии продолжает относиться к разряду *pra desideria* [лат. „благие пожелания“]. Такой реконструкции должен предшествовать обстоятельный анализ отдельных этнонимов с непременным определением (там, где материалы позволяют это сделать) степени „этнонимичности“ данных названий. Для этого необходимы постоянные выходы за пределы собственно этнонимии в сферу обозначений тех или иных групп населения по топографическому принципу. Особая архаичность балтской этнонимической модели как раз и состоит в том, что она до самого конца так и не высвободилась из-под влияния чисто топографиче-

ских моделей обозначения тех или иных групп населения. Эта общая ситуация, видимо, объясняет многие частные особенности балтской этнонимии...» [Топоров, 1980, с. 124]. По мнению автора, лишь самый поздний слой балтской этнонимии, а именно названия литовцев и латышей (с XI в.), образованные от гидронимов, вполне независим от общих топографических обозначений и, следовательно, вполне «этнонимичен».

Финно-угры и самодийцы

Названия уральских (финно-угорских и самодийских) народов интересны для советского читателя не меньше, чем этнонимы славян и балтов. Ведь подавляющая часть уральских народов жили и продолжают жить на территории нашей страны. За ее пределами финно-угры как этническое большинство живут лишь в двух странах: в Финляндии и в Венгрии.

Уральским этнонимам посвящена большая литература. Так, сведения о них можно найти в книге венгерского ученого академика П. Хайду «Уральские языки и народы» [1985] в переводе известного советского специалиста по уралистике Е. А. Хелимского. Также много места уделено финно-угорским и самодийским этнонимам в книге А. И. Попова «Названия народов СССР» [1973].

Предки прибалтийских финнов начали интенсивно заселять северную часть Прибалтики по крайней мере с 1-го тысячелетия до н. э. (некоторые полагают, что гораздо раньше). Этноним *финны* известен в источниках с I в. н. э. (Fenni у Тацита, греч. Φίννοι у Птолемея), но первоначально он применялся к саамам (лопарям). Этноним этот германского происхождения, что неудивительно, так как прибалтийские финны с древних времен контактировали с германцами, в первую очередь со скандинавами. Название др.-сканд. *finna* производили от готского слова *finþan* «находить» с первоначальным значением «охотники», связывали также с древнегерманским словом *fenna* и др. в значении «болото», «грязь». В русский язык слово *финны* попало поздно, в летописях упоминаются различные финские племена, которые затем вошли в финскую народность: *сумь* (*суоми* — собственно финны), *емь* (*хяме*), *каяны* или *кены* (*кайнуу*). Современное самоназвание финнов — *suomalaiset*, а Финляндия называется по-фински *Suomi*. Это имя получало различные объяснения — и от финского слова *вуо* «болото» и от саамского

слова *чуолбма* «рыбья кожа». Некоторые ученые (Л. Хаккулинен, Э. Итконен) предполагают, что *Suomi* было названием сообщества, члены которого одевались в летнюю одежду из рыбьей кожи, как это делали лопари еще в XVIII в., а до недавнего времени — некоторые сибирские народы. М. Фасмер [1987, т. 3, с. 803] принимает родство финского, эстонского и ливского названий Финляндии с саамским *sabme* «саам, лопарь», мн. ч. *samek*, отсюда латыш. *sāms* «финн», *sāmenis* «ветер норд-вест», *Sāmsala* и *Sāmu zeme* — название острова Сааремаа.

Помимо эстонцев — *эстов*, о которых уже говорилось в связи с балтами, на южном побережье Прибалтики и в Приладожье проживали другие финские племена: либь (соврем. ливы), водь, ижора, весь (соврем. вепсы), корела и др.; на Кольском полуострове — лопь (лопари, саамы).

Ливы занимали прежде гораздо большую территорию; сейчас они проживают в Латвии, на западном побережье Рижского залива в нескольких рыбацких деревнях. Самоназвание ливов — *liivõ*, *liibõ*, *liivnikka*, в восточноливских деревнях также *kalaamied* «рыбаки», в западноливских — *gaandalist* «жители побережья». Имя ливов сохранилось в названии исторической области Ливония (Лифляндия). Древнерусское собирательное название *либь* связано с латыш. *lībis* «лив», название *ливы* заимствовано в начале XVI в. из латинского языка. Происхождение этнонима неясно; П. Хайду обращает внимание на схожее именование *карел-ливвиков* (*livvikkö*).

Племя *водь* (самоназвание *vad'ja*, *vad'jalaṅn*) по археологическим материалам X—XI вв. обитало на территории между Чудским озером (окрестности современного города Гдова) и восточной частью побережья Финского залива. В середине 1-го тысячелетия н. э. территория водь была обширнее, но к IX в. сильно сократилась из-за продвижения на северо-запад славян — словен и кривичей. По языку водь близка северо-восточным эстонцам; водский язык в настоящее время почти вышел из употребления. Племя водь (ср. Вочкая земля) впервые упоминается в новгородских документах в XI в. Одна из новгородских пятин называлась Вотской (с XV в.).

Согласно гипотезе финского ученого Э. Итконена [Itkonen, 1955], этноним *водь* восходит к древней форме **vakja* со значением «клин». Слово это — балтийское заимствование в финских языках (лит. *vāgis* «деревянный крюк», латыш. *vadzis* «клин»). В качестве этнонима слово могло употребляться в связи с тем, что некоторые группы

прибалтийских финнов украшали одежду кусочком ткани в виде клина или треугольника, который, вероятно, служил отличительным знаком или амулетом. Принимая значение «клин» для этнонима, некоторые ученые предполагали, что территория води в древности должна была иметь клинообразные очертания, и приводили географическое название рус. Клин=эст. Vagja или Wayga на западном берегу Чудского озера в Эстонии [Décsy, 1965, S. 240].

Следует сказать, что эта версия весьма слабо аргументирована. Мы специально занимались топонимами с основой *клин*: они многочисленны в любой восточнославянской области. Само слово *клин* — обычный географический апеллятив со множеством значений, в том числе: «островной лес по берегу реки», «участок болота, заросший лесом», «лесная полоса», «земельный надел», «граница, рубеж» в северо-западных и центральных областях [Мурзаев, 1984, с. 278]. Сейчас невозможно проверить, связано ли значение этнонима *водь* с географическим термином.

Латинские источники XIII в., помимо земли Watlandia на южном берегу Финского залива, знают землю Ingria — древнерусское название Ижорской земли; основное финское племя, проживавшее в ней, — *ижора*, современное название также *ижорцы*, фин. *ingrikot*. Как племя, так и вся территория Ижорской земли получили свое наименование от названия реки Ижоры, притока Невы. Там и было место первоначального обитания ижорцев, откуда эта сейчас немногочисленная народность начиная с XVIII в. стала переселяться на Сойкинский полуостров (Ленинградская область). Само название реки Ижоры возводили к финскому (*Inkeri* первоначально «извилистая река») и к германскому источникам. М. Фасмер считает наиболее аргументированной точку зрения академика А. И. Шёгрена о том, что название реки восходит к имени супруги Ярослава Мудрого Ингигерды: в финском языке имена *Inka* (*Inga*) или *Inkeri* (*Ingeri*) соответствуют скандинавскому жепскому имени Ингрид (ср. также Игорь — из Ингор, Ингвар). Заметим, однако, что наименования рек по личным именам людей крайне редко встречаются, хотя в принципе возможны. Как правило, подобные гидронимы возникают в результате переосмысления, «народной», или ложной, этимологии, нередко появляются и разнообразные легенды, связанные с такими названиями.

Древняя *весь* — прибалтийско-финское племя, непо-

средственно соседствовавшее с новгородскими словенами на востоке, за Волховом. В IX в. *весь* играла значительную роль в политической и торговой жизни Русского Севера. Вероятно, именно по этой причине летописи, повествуя о событиях IX в., всегда упоминают это племя. Говоря о более поздних событиях, летописи уже не употребляют термина *весь*. Арабским географам X в. (Ибн Фадлан) известен народ *вису*, который исследователи отождествляют с *весью*. Европейские авторы (Адам Бременский, XI в.) также знают народ *wizzi*; возможно, что и слово *vasina* в перечне народов у Иордана (VI в.) обозначает это племя.

Первоначальная форма этнонима восстанавливается как **versī*, отсюда финское название *versä* (неясной этимологии) и русское *вепсы*. Таким образом, лингвисты, археологи и этнографы не сомневаются в том, что вепсы — потомки древней *веси* (это предположение впервые высказал акад. А. И. Шёгрэн). Финно-угровед Д. В. Бубрих [1958] писал, что в IX в. *весь* за Волховом выступила в роли проводника начал русской государственности на севере и северо-востоке. В последующие эпохи племя расселилось довольно широко: между Волховом и Свирью по рекам Паше, Сяси и Ояти; севернее Свири — у рек Олонки и Видлицы, у Онежского и Белого озер, проникая даже в Заволочье. Современные вепсы живут на территории, ограниченной Белым озером, юго-восточным побережьем Ладожского озера, южным и юго-западным побережьем Онежского озера. До революции их называли еще чухарями, чудью или кайванами. (Не будем здесь останавливаться на таких именовании, как *чудь* и *чухари*, так как подробно расскажем о них в следующей главе.)

Исследователи, писавшие о древней *веси*, часто привлекали северную топонимию для доказательства более широкого ареала первоначального обитания предков вепсов. Однако путаница, возникавшая вследствие неразличения этнонима *весь* и омонимичного ему русского слова *весь* в значении «деревня», приводила к тому, что определялся непомерно широкий ареал этнической территории *веси*. А. И. Попов справедливо критикует подобный подход. Он же указал на возможность двойко интерпретировать название города Весьёгонска (раньше писалось — Весь Егонская), которое традиционно связывалось с этнонимом *весь*: объяснять топоним можно либо как «селение (*весь*) на реке Егне (на которой стоит Весьёгонск), либо как указание на былую этническую принадлежность

местного населения к племенной группе веси, расположенной на этой реке».

«Название *Весь Егонская*, — пишет далее А. И. Попов, — не может быть чисто „весским“, даже если принять второе положение, так как в финно-угорских языках определение не может следовать за определяемым. Уже поэтому вероятнее происхождение этого названия от рус. *весь* ‘селение’, постоянно встречающегося в различных источниках, в том числе в летописях, писцовых книгах и других памятниках» [1973, с. 82—83].

Рядом с *весью* располагались исторические земли летописной *корелы* (*карелы*), потомки которой — современные карелы живут в Карельской АССР, а также в Калининской области (тверские карелы). Они переселились сюда лишь в XVII в., после заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией. Современные карелы состоят из трех этнографических групп (собственно карелы, ливвики и людики; последнее название, возможно, связано с русским словом *люди*).

Первое упоминание о кореле в русских летописях относится к 1143 г., а с 1149 г. корела входит в состав Русского государства. Однако история корелы древнее: это особый прибалтийско-финский этнос, сложившийся, вероятно, на основе местных неолитических племен. В IX в. карелы заселили вначале Карельский перешеек, а затем Прионежье и территории к северу от него. По мнению Д. В. Бубриха [1947], в сложении древней корелы приняли участие два этнических компонента: ямь и волховская чудь. Под последней Д. В. Бубрих понимал прибалтийско-финское население, скопившееся в низовьях Волхова, — в их числе была и часть веси — вместе с остатками более раннего населения. Связи низовьев Волхова и всего южного Приладожья с древней территорией корелы установлены археологически. С началом распространения христианства карелы обосновались в центральной Финляндии и в восточной части области Хяме до берега Ботнического залива. В XIII в. они уже были в провинции Финмарк и достигли берегов Северного Ледовитого океана. В то же самое время карелы освоили берега Северной Двины, где, по мнению исследователей, составили часть населения области Биармия.

Биармия и ее население *биармы* известны главным образом из скандинавских источников — исландских саг IX—XIII вв., а также из отчета о путешествии норвежца Оттара (ок. 870 г.). Многие исследователи, особенно

финские, отождествляют биармов с карелами. Так, финский языковед Х. Киркинен [Kirkinen, 1967] принимает, что земля биармов простиралась от Кольского полуострова до Двины и, может быть, дальше на восток. Топонимия свидетельствует о наличии вепсского населения по рекам и карельского по берегам Белого моря. Однако тождество древних биармов с карелами или карелами и вепсами — не единственная точка зрения. Еще историки прошлого и начала нынешнего века выдвигали версию о пермской принадлежности биармов (др.-сканд. *bjarma*, др.-англ. *beormas*, рус. *пермь*). К. Тиандер [1906] возводил эти названия к формам **begeta* или **bereta* из германских языков со значением «прибрежная местность».

Критически оценивая проблему биармов, финский археолог К. Ф. Мейнандер пишет: «Вопрос о том, кто такие легендарные биармы, относится к традиционному кругу проблем, выдвинутых историками прошлого века. Частично этот вопрос приобрел романтическую окраску особенно для финнов, которые пытались обнаружить в древненордических сагах о биармах отголоски воображаемого величия финно-угорской первобытной эпохи. Проблема биармов переплелась с изучением карельского племени, и поэтому финские исследователи упорно придерживались мысли, что биармы были карелами или по крайней мере их корни следует искать в ареале Ладожского озера» [1979, с. 35].

Соглашаясь с интерпретацией слова *bjarnt* как родственного слову *пермь*, К. Ф. Мейнандер приводит археологический материал, который свидетельствует: «пермские» предметы вывозились через пермские земли путешествующими купцами с территории Средней Волги. Центральный район страны биармов находился на месте нынешнего Ярославля; отсюда биармы совершали дальние путешествия с торговой целью к побережью Ледовитого океана и в северную Скандинавию. Мнение, высказанное К. Ф. Мейнандером, на наш взгляд, еще не кладет конец дискуссии по поводу происхождения биармов, но важность археологических данных в решении этого вопроса неоспорима. Кстати, именно археологические материалы, приведенные финским ученым, по мнению археолога С. И. Кочуркиной [1986, с. 99], не подтверждают прямой связи Ярославля с побережьем Ледовитого океана. Аналогии «пермским» вещам можно найти и ближе — в Юго-Восточном Приладожье. Вероятно, правы те исследователи, которые пришли к заключению об этнической не-

однородности биармов, под которыми подразумевались разные народы Севера.

Возвращаясь к карелам, укажем на этимологию этнонима. Большинство ученых, в том числе известный финский топонимист В. Ниссиля [Nissilä, 1962], принимают происхождение названия фин. Karjala «Карелия» и karjalaiset «карелы» от существительного karja «скот» и его производных. Слова эти известны во всех диалектах Финляндии и близкородственных языках. Стоит отметить, что в то же время karja имеет значение «стадо, множество, свора», отсюда переход к смыслу «толпа людей». В сходном значении слово встречается в эстонском эпосе «Калевипоэг». Источник слова karja в прибалтийско-финских языках не очень ясен; предлагались финно-угорская, германская и балтийская этимологии.

Саамы, или лопари, в настоящее время живут отдельными группами на Кольском полуострове, в Швеции, Норвегии и северной Финляндии. В русских летописях их называли *лопъ*, иногда добавляя определения «дикая», «лешая», «Терская», также *лопляне*, которые, по сведениям св. Лазаря Муромского, в XIV в. вместе с *чудью* были «страшные сыроядцы» и «близь моря сего живяху». В греко-римских источниках их называли финнами: *fenni* или *scrithi-finni*, причем первая часть названия *scrithi-finni* происходит из древнескандинавского глагола *skrīða* «ходить на лыжах». Действительно, отличительной особенностью саамов в глазах соседей, было, вероятно, умение саамов быстро ходить на лыжах. Однако самоназвание саамов — только *sāme* или *sabme* (мн. ч. *samek*) и другие схожие формы. У исследователей есть разные точки зрения на происхождение этого имени: его связывают с фин. *Suomi* «Финляндия»; с праформой **šämä* (ее обычно считают балтийским заимствованием — ср. латыш. *zeme* «земля», лит. *žemė* «земля», *žemas* «низкий, низменный») — этой праформе в финском языке соответствует этноним *hāme* «емь»; с названием *самодийцы*. Саамы считаются пришельцами на Кольский полуостров из более восточных областей. Возможно, протосаамы говорили первоначально на языке, близком к самодийским, и лишь затем, вступив в контакт с финно-уграми, усвоили язык последних. Поэтому саамский язык занимает особое, изолированное положение в финно-угорской языковой семье, хотя многое сближает его с прибалтийско-финскими языками.

Другое русское название саамов — *лопари* — связывали со шведским *lappar* — то же, форма мн. ч. На наш

взгляд, суффикс *-арь* в русском названии не обязательно отражает шведскую форму. Этот суффикс обычен для русского языка, в том числе он встречается в группе слов, обозначающих народы или жителей определенной местности: *чухáрь* (=вепс), *волгáрь* (житель Поволжья), *окáрь* (житель Поочья), *чунáрь*, мн. ч. *чунарí*, *чúnцы* (житель Чунского района Иркутской области). В слове *лопарь* возможна аналогия с этими формами, тем более что древняя русская форма была без суффикса: *лопь*, ед. ч. *лопин*. По поводу этой основы также существуют разногласия. Одни исследователи считают, что рус. *лопь* закономерно соответствует финской или шведской форме *lappi*, другие, например Ю. Мягистэ [Mägiste, 1964], думают, что форма русского названия первична, и объясняют его от прибалтийско-финского апеллятива *loppi*, *lõpp* со значением «конец» (так же, как *galas* в *Latgale*).

Особую гипотезу выдвинул Э. Итконен [Itkonen, 1955]. Он связал саамов с водью, обратив внимание на имя одной из групп саамов — *vuowjõš*, которое по значению («клин, клиновидная заплатка на одежде») близко к фин. *vaaja* из **vakja* «клин, колышек». Причем термин *lappi*, по мнению Э. Итконена, является шведским переводом этнонима *vuowjõš* — «кусочек (ткани или кожи)». Возражения исследователей вызвала прямая связь саамов с водью, тем не менее контакты эти были возможны и этноним с таким значением мог быть заимствован. Гипотеза финского исследователя считается сейчас наиболее обоснованной лингвистически.

Пермские народы (удмурты и коми) проживают на северо-востоке европейской части СССР. Древнерусское обозначение *пермь* или *перемь* в XIII в. относилось, по видимому, к двум областям: в южной части Кольского полуострова и в бассейнах Северной Двины и Пинеги. В дальнейшем число областей, обозначаемых как *Пермь*, возрастает. Географическая локализация перми позволяет связывать этноним с биармами, хотя полностью отождествить эти народы не удастся. Существуют и другие этимологии этнонима *пермь*, например из прибалтийско-финских языков: *regä-taa*, т. е. «задняя земля» (отдаленная). Большая часть коми называется зырянами (так в дореволюционной и зарубежной традиции обозначают и всех коми), другая часть — пермяками. *Зыряне* (в русских источниках начиная с конца XIV в. *сырьяне*, *серьяне*, *сырьяне*, *сурьяне*) — термин, который возводили к мансийскому и хантыйскому обозначению *saḡan* «зырянин, коми».

Слабость этой этимологии в том, что русские познакомились с манси и ханты позже, чем с зырянами; кроме того, предполагаемая этимология слова *saŋaŋ* — «морской, живущий у моря» — не учитывает того, что слово *saŋ* «море» есть в зырянском, но вряд ли существовало в мансийском и хантыйском языках [Décsy, 1965, S. 238]. Кроме того, слово *зыряне* возводилось к фин. *syrgjä* «край», т. е. «окраинные жители»; к личному имени Зыран — так звали военачальника пермских зырян (1472 г.) — этимология А. И. Попова. По нашему мнению, заслуживает внимания прежде всего та точка зрения, что этноним *зыряне* происходит от фин. *syrgjä* «край». Во-первых, для древнерусских вариантов имени очень характерен разницей в передаче финского переднеязычного гласного *y* (произносится *ï*). Во-вторых, *syrgjä* «край» близко по значению к понятию *regätaa* «задняя, отдаленная земля». Тем самым оба этнонима — *пермь* и *зыряне* — оказались бы связанными семантически: это разные обозначения одного и того же удаленного, северного народа, живущего «на краю», за прибалтийскими финнами.

Самоназвание всех коми — то же, *коми* — слово, встречающееся и в сочетаниях *Ком-му* «земля коми», *коми-морт* «коми-человек», — видимо, древний этноним. Его пытались связать с гидронимом Кама, что было бы естественно: предки коми сформировались в Прикамье. Однако В. И. Лыткин показал, что *коми* и *Кама* — разные слова. Правы те исследователи (Д. Фокош и др.), которые производят этноним *коми* из слов со значением «человек»: манс. *χиш*, селькуп. *χиш*, видимо, и удм. **kumj* (уже не употребляется самостоятельно).

Пермское слово с тем же значением «человек» сохранилось в этнониме *удмурт* (по-удмуртски *мурт*, коми *морт*). Пермское слово заимствовано из иранских языков: оно возводится к индоевропейскому корню **mer-* (ср. в санскрите *marta-* «смертный человек»). Первая часть термина *удмурт* родственна марийскому *одо* (или *одомари*) «удмурт», хотя значение слова *одо* неясно. Были также попытки [Radanovics, 1963] связать *уд-* с удмуртским словом *уд*, коми *од* «луговая зелень, всходы». Слово *удмурт* переводилось бы тогда как «луговой человек» (для сравнения укажем на луговых марийцев). Несомненно, что старое русское обозначение удмуртов *вотяки* (прежде *оты*) связано с корнем *уд*. Другое наименование удмуртов *ары*, *арские люди* — тюркское: в татарском языке *аг* — «удмурт», в чувашском *аг* — «человек».

Смысл некоторых волжско-финских этнонимов также сводится к понятиям «человек», «мужчина». Это значение удивительным образом повторяется в волжско-камском регионе. Таково самоназвание марийцев *мари (марий)* — вероятно, из иранских слов со значением «юноша, молодой человек». (Русское старое название марийцев — *черемисы* — заимствовано от чувашского термина *šarmis* «мариец» неясной этимологии.) Исчезнувший, по-видимому, к XII в. народ *меря* (у Иордана — *Merens*), этнически близкий современным марийцам, носил имя того же происхождения (*меря*, или *меряне*, — народ, населявший часть территории современных Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской областей).

К тому же иранскому корню, что и *-мурт* в слове *удмурт*, восходят и названия *мордва*, ед. ч. *мордвин*, — этот народ упоминается уже в древних источниках (у Иордана — *Mordens*). Однако сама *мордва*, скорее всего, никогда себя так не называла. По мнению А. А. Шахматова, термин, заимствованный у скифов, ввели в употребление славяне, пришедшие в Поволжье с юга и встретившиеся с мордвой. Собственно же мордовские самоназвания — это *эрзя* и *мокша* — два отдельных мордовских племени. *Эрзя* — этноним неясной этимологии, возможно, связанный с именем народа *арису* на Оке (в письме хазарского кагана Иосифа, X в.); к этому имени имеет отношение и название города Арзамас. *Мокша* — тоже неясный этноним; впервые он упоминается в форме *тохел* в начале XIII в. в записках фламандского путешественника В. Рубрука.

В Поволжье жили и другие финно-угры, упоминаемые летописью и затем исчезнувшие как самостоятельные этносы: *мурома* и *мещера*. О *муrome* ничего не известно, кроме того, что она жила на Оке (Окско-Клязьминское междуречье) и что с этим названием ассоциируется имя города Муром и имя былинного богатыря Ильи Муромца. Я. Н. Грот [1867] пытался перевести этноним как «народ на земле» — из шиг «человек» + ша «земля, край». Он считал, что *мурома* и *мордва* — одно племя (последнее название якобы означает «народ у воды») — устаревшее и лингвистически необоснованное объяснение; при этом *в(а)* в слове *мордва* — не «вода», а русский суффикс со значением собирательности. Однако значение «народ на земле» возможно в принципе: Я. Н. Грот приводит русское обозначение ижорцев *маймист* из *шаа mies* «сельский житель, туземец, земляк».

Летописи локализуют *мещеру* в Поочье между *муромой* и *мордвой*. Судя по сохранившимся этноним *мещера* географическим именам, более точно местоположение *мещеры* определялось нижним течением Оки. Позже следы этого этнонима фиксируются в названии рязанских, пензенских, симбирских мещеряков или мишарей — этнической группы татар. Этноним *мещера* уже давно пытаются сопоставить с самоназванием венгров *мадьяры* (*magyar*). Эта интересная гипотеза наиболее подробно разработана в трудах зарубежных исследователей И. Мелиха, Д. Немета, Дж. Лотца. Термин *magyar*, др.-венг. *magyer(i)* или *megyer* встречается во многих греческих и армянских исторических источниках VI—IX вв. сначала как личное имя, позже как имя народа. Так, Дж. Лотц [Lotz, 1956], прослеживая этимологические связи венг. *magyar*, сопоставляет самоназвание венгров с этнонимом *манси* (манси называют так самих себя, а также *хантов*, которых они считают близкими родичами) в значении «человек». Древнее мансийское слово **mēps*, возможно, означало «люди мансийского рода». К этому же этимологическому гнезду Лотц относит название одной из мансийских и хантыйских фратрий *мось* (**mońs*).

Д. Немет [Németh, 1966] обращает внимание на родственные племенные названия у башкир, отдельные группы которых русскими назывались *можары*, *мажары*, *можеряне* и т. п., также на этнонимы *мещера*, *мишари*. Таким образом, прослеживаются древние связи венгров с родственными им народами манси и ханты, а также с их прародиной в Предуралье, на территории современной Башкирии. На своем пути с первоначальной родины в эпоху великого переселения народов венгры оставили память о себе в этнонимах других финно-угров и тюрков, в географических названиях лесостепной полосы европейской части СССР.

Мы подошли уже к этнонимии угорских народов — второй ветви финно-угров. Если самоназвание венгров — *мадьяры*, то другим народам они были известны как *венгры* или *угры*. В русских летописях упоминаются *угры черные* (*мадьяры*) и *угры белые* (либо *хазары*, либо *гунны*) — из древней формы мн. ч. **ogge* (**ogъge*). В свою очередь, славянское слово восходит к болгарско-тюркскому названию союза племен *опогуг* (оп «десять» + *огуг* «стрела» — как название племени; слово *огуг* или *огуг* может выступать в качестве этнонима и самостоятельно). И. Мелих [Melich, 1922] полагает, что в IV—VI вв. венгры жили на Кубани.

Они были соседями и союзниками племени, имя которого *оногуры*, изменившееся на *булгары*, осталось в употреблении у антов и было перенесено ими на хазар и венгров, живших на территории оногуров. От искаженного славянами названия *Обѣрро* возник византийский топоним *Ὀγγλος* — область между Днестром—Дунаем и Черным морем, т. е. Бессарабия. Позже она называлась турками *Виѣак*, а турецкое слово *viŕak* значит «угол». Таким образом, нет сомнений в том, что визант. *Ὀγγλος* возникло из славянской формы *oglъ* «угол» (ср. наименование восточнославянского племени *уличи* из *узличи*).

Латинское название венгров — *hungarus* (ед. ч.), с вставным начальным *h*, откуда западноевропейские названия венгров: англ. *Hungarian*, франц. *Hongrois*. Что же касается современного русского названия *венгры* (*Венгрия*), то оно пришло к нам через посредство польского языка: польск. *węgieł* «венгр», *Węgrу* «Венгрия».

Родственные венграм *обские угры* назывались русскими *югра*, а их страна в низовьях Оби — *Югорская земля* (в последний раз название упоминается в начале XVII в.). Под югрой понимались манси (вогулы) и ханты (остяки). О термине *манси* мы уже говорили. П. Вереш [1977] предлагает и иную этимологию этого обско-угорского самоназвания: оно сопоставляется с названием глухаря — *мансин*, которое почти полностью совпадает с этнонимом, а также близко к глаголу «рассказать» (обдор. диал. *māńš*) и к некоторым формам слова «сказка» (*mōńš*) у других групп хантов.

Новая этимология предполагает семантику «говорящий человек» в этнониме *манси* и названии фратрии *мось*. Обские угры рано отделились от уральской языковой общности. Их этническая консолидация происходила среди чуждых им этнических групп, и языки этих групп были для угров совсем чуждыми. Поэтому в качестве самоназвания они стали применять понятие «говорящий человек» — в отличие от своих «немых» и «глухих» соседей. Параллели к этому типу наименования П. Вереш видит в этнонимии других народов, там, где отражаются резкие языковые различия контактирующих этнических общностей, ср. *словене* — *немцы*, также *варвар* (араб. *бербер*) из слова со значением «заикающийся, бормочущий».

Старое русское название манси *вогулы* (*вогуличи*), но сами манси им не пользуются. Употребление термина *вогул* в топонимии, как считает Л. М. Майданова [1965], показывает, что вначале русские называли так только

юго-западных манси. Сведения об обских уграх русские получали, скорее всего, от татар и коми-зырян. Поэтому из языков этих народов могут объясняться термины *вогул*, *остяк*, *югра*. Так, термином *вогул* соседние народы могли обозначать манси, живших по реке Вогулке (левый приток Оби, манс. wōl'jā, хант. wōyal' -jōyar). Нарцательное слово, от которого образован гидроним, присутствует и в названиях других рек. Оно означает «плес, прямой участок течения реки между двумя поворотами», т. е., по мнению П. Хайду [1985, с. 36], *вогул* — «человек с Вогулки» или «манси с одной из рек бассейна Оби».

Этноним *ханты* — самоназвание, которое раньше сопоставляли с названием реки Конды, но эта параллель оказалась лингвистически необоснованной. К. Раданович [Radanovics, 1963] восстанавливает раннюю форму *kont и сравнивает слова: манс. *хонт* «войско», венг. *had* «войско, военный народ»; «война, битва»; «семья, родство»; морд. *końd'ä*, *kuńd'ä* «друг, товарищ», фин. *kunta* «общность, коммуна» (также *heimokunta* «род, племя, семья», *kansakunta* «нация»), эст. *kond* «общность, целое». Первоначальное значение этого финно-угорского корня — «род, большая семья, общность»; значение «военный народ» вторично.

Русские называли хантов остяками; слово могло произойти из самоназвания северных хантов *as-jaḥ* «обский народ» (река Обь по-хантыйски — *As*). Наименование отдельных групп хантов по рекам весьма характерно для этнонимов этого народа. Но из-за звуковых трудностей данная гипотеза считается менее вероятной, чем другая: рус. *остяк* — заимствованный тюркский этноним (тат. и кирг. *ištäk*, каз. *ištäk*). Тюркский этноним применялся для обозначения ряда народов Сибири; к русским он мог попасть в первой половине XVI в.

Помимо финно-угорских языков, уральская языковая семья включает и самодийскую группу. Под народом *самоеды* (*самодийцы*) понимаются носители ненецкого, энецкого, нганасанского, селькупского и вымерших саяно-самодийских языков. *Самодийцы* (др.-рус. *самоядь*) — древний этноним, который повторяется в разных формах в названиях племен и родов некоторых народов Сибири. Г. М. Василевич [1965] находила основу *сама-* в этнонимах не только самодийских, но и тунгусо-маньчжурских, обско-угорских и тюркских народов. Некоторые исследователи привлекают сюда и название *саамы*. Эстонский ученый Э. Эрнитс [1984] объединяет многие этнонимы,

в том числе самоназвание саамов, и реконструирует для них праформу *šêtha с первоначальным значением «река», «водоем».

Таким образом, племена и роды, носившие названия от этого корня, должны были быть «речными (или водными) людьми». Что же касается общих наименований трех северносамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны), то все они, по сути дела, имеют первоначальное значение «человек, мужчина»; как правило, северные самодийцы называют себя «настоящий, подлинный человек». Следует заметить, что в отличие от этнонима *ненец* названия народов *энцы* и *нганасаны* образованы искусственно: хотя соответствующие слова означают «человек», в качестве самоназваний они энцами и нганасанами не употреблялись. Из южносамодийских народов наиболее известны *селькупы*: различные их группы называются по-разному, но во всех названиях присутствует компонент -qur или -qum (слово со значением «мужчина, человек»): «земляной человек», «таежный человек» и т. п.

Мы сделали краткий обзор только самых общих этнонимов уральских народов, названий крупных этнических единиц. Между тем исследователям известны и названия более мелких родоплеменных подразделений — у тех народов, которые их сохранили. Например, удмуртские микроэтнонимы — так называемые воршудно-родовые имена, рассмотренные М. Г. Атамановым и др. (воршуд — имя родового божества, хранителя рода; в основе воршудных названий лежат наименования родовых тотемов). Таковы и самодийские родоплеменные названия, и названия родов обских угров. Это генонимы — названия иного уровня, чем этнонимы, и мы не будем о них говорить подробно. Однако корни многих этнонимов находятся именно в недрах родоплеменной организации, и лишь время и языковые изменения затемнили первоначальный их смысл. Поэтому изучение родовых названий, представляющее интерес и само по себе, открывает многое для исследования названий крупных этнических общностей.

Вот на какие тематические группы делит названия самодийских родов П. Хайду [Hajdu, 1948—1950]:

1) из слов, которые первоначально означали «человек, мужчина», «друг, товарищ, брат», «житель», «хозяин»;

2) из прилагательного «истинный, правильный» в сочетании с «мужчина, человек»;

3) названия тотемистического происхождения (в основе имена птиц, рыб, млекопитающих);

- 4) другие мифологические названия;
- 5) из географических апеллятивов (земля, мыс, долина, лес, река) и метеорологических;
- 6) от слов, обозначающих особенности, характерные черты племени;
- 7) от названия другого племени, перенесенного на данное племя.

Подытоживая описание этнонимов уральских народов, отметим, что и они, как и этнонимы славян и балтов, не дают цельной картины. Прежде всего среди уральских этнонимов многие не получили общепринятой этимологии. Больше всего неясностей в отношении прибалтийско-финских этнонимов. В уральской этнонимии масса заимствованной лексики из других языков: балтийских, германских, иранских, тюркских языков — факт, который позволяет привлекать их лишь как косвенные свидетельства.

Отделив названия, данные другими народами (*лопари, остяки, вогулы* и др.), и оставив только самоназвания, мы все равно не найдем среди них стройной системы значений. Выделяется, пожалуй, лишь значение «человек, мужчина» в этнониме или в части этнонима. И наконец, общее наблюдение — сохранность исконной этнонимии заметно увеличивается в направлении с запада на восток к Предуралью и Сибири. Причина этого, видимо, кроется в состоянии социальной организации и сохранении родоплеменных отношений.

Не получим ли мы такой же картины, если будем рассматривать этнонимию других народов — тюрков, монголов, индонезийцев, народов Африки, индейцев Америки? Ведь названия крупных этнических объединений в большинстве случаев сложились в глубокой древности; смысл этих названий чаще всего уже затемнен. Каждый такой этноним подобен айсбергу, под вершиной которого скрывается неизвестная по объему масса. Дошедшее до нас название — либо свидетельство исторических контактов народа с другими народами, либо часть некоей древней системы наименований, которую можно восстановить лишь на уровне анализа названий родов, если последние сохранились. В этом смысле языковые группы неравноценны. Мы видели, что даже в пределах одной уральской семьи в немного более выгодном положении оказывается исследователь, изучающий этнонимы самодийцев и, возможно, пермских народов, хотя и там далеко не все так благополучно, как может показаться.

Можно ли говорить в этих условиях об этнонимическом типе, имея в виду принципы наименования внутри отдельных этнических групп? Мы выяснили, что, например, у славян четко выделяются лишь две семантические группы названий: ландшафтные и топонимические. По-видимому, для славян эти типы относительно поздние и характеризуют период разложения племенной организации. Наиболее же древние племенные названия, как правило, вызывают сомнения с точки зрения их собственно славянской этимологии; большинство из них заимствовано из других языков. Анализ таких этнонимов уводит нас в более древнюю эпоху — к периоду формирования индоевропейских диалектно-этнографических областей (так, явно ощущается близость древних славян и иранцев). Этнонимы родственных славянам балтов, как уже говорилось, также во многих случаях этимологически затемнены. Со славянской этнонимией средневековья их объединяет то, что ряд балтийских этнонимов образован от названий водных объектов, от ландшафтных терминов. Значения «конец, край, окраина», характерные для балтийских этнонимов, выступают и в более позднем восточнославянском названии Украины (как мы помним, есть гипотеза о связи этого имени со значением этнонима *анты*, если вести происхождение последнего из индоиранских языков).

Но балты и славяне — близкородственные и соседние народы, и возможные аналогии в их этнонимии легко объяснимы. Что же касается третьей группы народов — уральской, то здесь мы видим разнородные образования, среди которых также много этнонимов, заимствованных из других языков. Собственно же уральские этнонимы сложились на основе наименований родоплеменных подразделений (семантика «человек, мужчина», «настоящий человек», «род, семья» и т. п.). Есть, конечно, в уральских этнонимах семантические параллели к этнонимам славянским и балтийским: и значение «край, конец, удаленное место», и «земля, низкий, низменный», и наименования по рекам, и ландшафтные обозначения. Но выводы из этого нужно делать очень осторожно. Наиболее весомые научные результаты можно было бы получить в ходе фронтального сопоставления разных этнонимических систем, но для этого нужно, чтобы они были действительно системами и действительно сопоставимыми. Однако, как было показано на примере трех крупных языковых групп — славянской, балтийской и уральской, этнонимы

этих групп не образуют системы или проявляют в какой-то своей части лишь отдельные слабые признаки системной организации. Кроме того, все три группы демонстрируют разновременность и равноязычность в образовании этнонимов и различную степень сохранности наиболее древних из них. Сопоставлять же разновременные группы этнонимов, которые принадлежат народам, находящимся на разных стадиях общественного развития, было бы занятием неблагоприятным и антиисторическим.

Значит ли это, что изучение первоначального смысла этнонимов не может дать нам никакой научной информации? Отнюдь не значит. Этнонимы — ценный материал для истории каждого отдельного языка и народа или группы языков и народов. Этимологический анализ этнонимов позволяет установить их исторические пласты и способствует выяснению этногенеза и этнической истории народа. Существенную роль при этом играет не изолированное исследование этимологии этнонима, а его изучение с учетом всей совокупности топонимов — родоплеменных названий, если они сохранились. Таким образом, например, Р. Г. Кузееву [1973] удалось провести историческую стратификацию родоплеменных названий башкир; в этой массе он обнаружил следующие семь исторических пластов: ранний финно-угорско-самодийский; болгаро-мадьярский; древнебашкирский; огузо-кыпчакский; кыпчакский; ногайский; более поздний смешанный. Сделанные выводы позволяют не только говорить о сложном характере башкирского этногенеза, но и наметить дальнейшие пути исследования тюркских этнонимов.

Типы этнонимов

Если поставить себе целью выяснение общих принципов наименования разных племен и народов мира, то эта задача выполнима. Иными словами, возможна общая типология этнонимических значений, разумеется, в том случае, если привлекается надежный и этимологически достоверный материал. Еще раз подчеркнем: для создания типологии этнонимических систем наука пока не располагает необходимой исследовательской базой. Возможен лишь перечень разнообразных способов наименования этнических общностей — тех способов, которые выявлены на материале этнонимов различных народов мира. Речь идет о так называемых этнонимических универсалиях, встречаемых в этнонимии практически всего земного шара.

Попробуем обнаружить аналогии уже известным нам этнонимам славян, балтов и уральцев в других языковых семьях.

Вот, например, ландшафтные обозначения типа славянских *дреговичи*, *ляхи*, балтийского *помезане*, ливского *gaandalist*, наименований *горные* и *луговые марийцы*. Аналогичным образом возникли и названия: *бирары* — эвенкийская этнографическая группа Приамурья от слова *бирар* «приречный житель» (*бира* «река»); *ламуты* — параллельное название эвенов, означает «приморские жители»; *оранг-букит* «жители гор» — самоназвание одного из малайских народов *сенои*; *оранг-лаут* «люди моря» — самоназвание джакунов, живущих на юге Малайи; *даяки* «жители внутренней, высокогорной страны» (правда, это не самоназвание, а имя, данное даякам малайцами Суматры). В Центральном Вьетнаме и Лаосе живут народы ван-кхуеу и кхуа. Их самоназвание *брао*, *бру*, *блао* происходит от слова *бру* «лес» [Чеснов, 1967, с. 101]; этнографическая группа мнонг гар называет себя *пхи бре* «люди леса». Этноним *брао* и его варианты в значении «лес, лесные жители» широко распространены среди всех мон-кхмерских народов и некоторых соседних с ними.

Есть среди этнонимов мира и такие примеры, когда народ именуется по конкретному географическому названию реки, территории и т. д. — аналогии этнонимам *полочане*, *полабы*, *лужичане*, *белорусы* и др. Так, самоназвания различных групп уйгуров в Китае часто связаны с местом их жительства: *кашгарлык* «кашгарцы», *турфанлык* «турфанцы». Название одного из казахских племен *канлы* (*канглы*) восходит к обозначению реки Кан (Алтай). Древние тюрки называли Енисей Кан или Тянь; в настоящее время в некоторых восточнотюркских языках слово это стало нарицательным — «река» [Жанузаков, 1980, с. 20—21].

Весьма многочисленны этнонимы со значениями «мужчина, человек, люди», «настоящий человек» с противопоставлением «свой» — «чужой». Ряд этнонимов мон-кхмерских народов происходит от слова *мон* «люди». Это же значение содержится в этнонимах Сибири и Дальнего Востока: *айны*, *нанайцы*, *нивхи*, *омоки*, *луораветланы*, *кеты*. Самоназвание американских эскимосов — *инуит* «люди»; это же значение присутствует и в общем самоназвании всех народов Америки, говорящих на атапаскских языках, — *дене*. Самоназвание немцев — *deutsch* — восходит к древнегерманскому слову **teutā* «люди, на-

род»: отсюда и латинское обозначение немцев *teutones* «тевтоны».

Итак, аналогии мы нашли, ну и что же дальше? Какие семантические типы более древние и какие более ранние? Или они возникли все одновременно в разных языках мира? Чем различаются совокупности этнонимов в разных языковых группах; есть ли в каждой из них ведущий, преобладающий этнонимический тип?

Вопросы эти, невольно возникающие при знакомстве с этнонимами, приводят к еще более твердому убеждению: как все-таки, несмотря на скудость полученных к настоящему времени результатов, нужна сравнительная типология этнонимов! А ведь этнонимы нередко изучаются на основании шатких, недостоверных этимологий, да и четкого определения самого понятия «этнонимический тип» в литературе не найдешь.

Тем не менее делались достойные упоминания попытки изучать этнонимы по отдельным языковым семьям, а также устанавливать историческую стратиграфию этнонимических значений. Так, ясное представление об этнонимах тюркских языков дает работа филолога Н. А. Баскакова «Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация» [1980]. В ней указаны несколько групп, на которые разделяются все тюркские этнонимы в смысловом отношении (автор объединяет в этой классификации названия крупных и мелких этнических единиц, но, видимо, разделить их на самом деле очень сложно). Например, для тюрков характерны этнонимы по названию родственных отношений и отношений свойства. Сам этноним *тюрк* (сюда же *турок*), согласно одной из версий, возводится к монгол. *türkün* ~ *törkün* ~ *töghöm* «родители и родня замужней женщины». Так могли назвать народ или племя, из которого монголы брали себе жен.

К этой же семантической группе «по родству, свойству» относятся этнонимы *печенег*, *башкир*. Характерны для тюрков и этнонимы, образованные по собственному имени вождя рода или орды, ср. *ногайцы* или *ногаи* — по имени золотоордынского темника (предводителя войска) Ногая, правнука старшего сына Чингисхана — Джучи. Есть тюркские этнонимы по названию родового знака — тавра, тамги (каракалпак. *taraqly* «обладающий тамгой в виде гребня»); по названию занятия (*қазақ* «вольнонаемный батрак», «вольный человек», «бродяга» — отсюда и рус. *казаки*, и этноним *казахи*); религии (*қағаж* «караимы»); тотема (алтайские роды *quw* «лебедь», *börküt* ~ *mör-*

küt «сокол», «беркут», «ястреб», «орел») и др. Кроме того, тюркским этнонимам свойственно употребление в названиях числительных: вспомним *оногуров* — «десять огуров». Интересно, что в тюркской этнонимии часты цветовые обозначения; цвета указывают не на внешний вид или внешний признак, а на расселение данного народа по странам света, причем «отношение одного и того же признака — цвета — иногда различно применительно к той или иной стране света и зависит от того, какой из народов присвоил народу или племени данное название. Так, отношение цвета к той или иной стране света различно у монголов, уйгуров, китайцев, тюрков и пр.» [Баскаков, 1980, с. 205]. Для тюрков характерны следующие соответствия: *кара* «черный» = север; *ак* «белый» = юг; *кёк* «зеленый», «синий» = восток и *сары* «желтый» или *кызыл* «красный» = запад.

В некоторых случаях неясно, имели ли цветовые обозначения чисто символическое значение или они все-таки относились к каким-то внешним характерным признакам народа. Н. А. Баскаков [Там же, с. 200] приводит пример древних названий одного и того же племени кипчаков в разных языках: русские называли их половцами, венгры — кунами (от термина *куман*). Эти названия, а также обозначения кипчаков в чешском и польском, немецком, армянском языках имели один и тот же смысл: «бледный», «блондин», «белокурый», «половый», «желтоватый», «бледно-желтый» (по Д. Немету, речь идет о цвете кожи). С этими этнонимами соотносится и др.-рус. *сорочины* «половцы» (позже *сарацины*) — от тюркского этнонима *сары* «желтый». Профессор И. Г. Добродомов [1978] все-таки считает цветовое обозначение во всех этих этнонимах символическим. Анализируя названия половцев в «Слове о полку Игореве», он, во-первых, относит к ним и загадочный термин *хинове* (связывая его с кунами, т. е. куманами), во-вторых, усматривает возможность объяснить аналогичным образом имя Соловья-разбойника (этимология слова *соловей* в русском языке — от **soivъ* «желтовато-серый», рус. *соловий* — семантическая связь со значением этнонима *половцы*) и название Золотой Орды.

Для древней китайской этнонимии была характерна традиция называть китайцев по имени правящей династии [Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия, 1959, с. 32—33], причем этноним входил в употребление, как правило, спустя два-три века после падения династии. Так, в разное время китайцы назывались *цинъжэнь* «люди

цинъ» (по периоду Цинь), *ся, тан* и т. п. После правления династии Хань (III в. до н. э.—III в. н. э.) возникло обозначение *ханьжэнь* «люди хань» (само название династии Хань от гидронима: река Хань, левый приток Янцзы). Самоназвание китайской народности *хань* или *ханьжэнь* сохранилось до настоящего времени.

Для германских племен исследователи отмечают наличие этнонимов, в которых отразилось существование племенных и культовых союзов: *франки* «свободные», *алеманны* «все мужи», *саксы* (от **sachsnōtas*) «товарищи по оружию» [Маковский, 1970, с. 226]. В древнесаксонском языке слово *sahs* означало «меч с односторонним лезвием». Отмечается, что в основе многих названий германских племен лежат собственные имена, в том числе имена богов (об этом свидетельствовал еще Тацит). *Гермионы*, *гермундуры* — эти этнонимы происходят от имени германского бога войны *Ermin/Irmin*, которого римляне отождествляли с Марсом. Впоследствии имя бога стало нарицательным и приобрело значение «большой, высокий». До сих пор в немецких диалектах есть слова с этим корнем: *Негге* «большой, сильный, толстый человек», *Неггел* «великан» и др. Кроме того, в германских этнонимах встречаются и другие обозначения: *англы* — от слова со значением «угол» (ландшафтный термин), *швабы* (древнее — *свебы*, лат. *suevi*) — либо от термина рыбной ловли, либо связано с германскими словами, означающими «своего», «родственника». К последнему значению М. Фасмер [1987, т. 3, с. 571] относит и этноним *шведы*: в древнерусском языке они именовались *свеи* (свѣи); др.-швед. *svéag*, *svíag*, мн. ч. — корень, родственный древневерхнегерманскому *gi-swīo* «своак», т. е. первоначально «свой, свой народ». Характеризуя семантику германских этнонимов, исследователи (Я. Гримм, Х. Кун, О. Н. Трубачев и др.) обращают внимание на то, что германские племена в отличие, например, от славян, кельтов, иллирийцев или фракийцев не называются по рекам, так как германцы были склонны к миграциям.)

Наблюдения ученых дают материал для последующего типологического сравнения. Классификации этнонимических значений приведены, в частности, в работах А. И. Попова [1973], П. Хайду [Hajdu, 1948—1950], В. А. Никонова [1970], М. В. Крюкова [1984] и др. В особенности выделяются в этом отношении труды Н. В. Чеснова [1967; 1971; 1978], к которым мы и отсылаем читателя для ознакомления с исторической страти-

графией этнонимических значений. Заметим лишь, что ввиду сложности темы в работах разных ученых и даже в работах одного и того же ученого могут встречаться противоречия. Так, например, Я. В. Чеснов в своей ранней работе [1967], анализируя этнонимы мон-кхмерских народов, пришел к выводу, что из двух широко распространенных типов этнонимов со значениями: 1) «человек», «люди»; 2) по месту обитания или особенностям хозяйственного быта — первый тип древнее второго. Такие этнонимы могли возникнуть лишь в глубокой древности, когда чрезвычайно сильной была родоплеменная замкнутость и отдельные этнические группы распространяли понятие «люди» только на себя. В то же время этнонимы второй группы типа *брао* «лесные люди», о которых мы уже упоминали, складывались тогда, когда существовали достаточно широкие связи между народами и когда нужно было отличить себя от других, нелесных, этнических групп. Эти этнонимы, полагает автор, возникли при распространении лесного подсечно-огневого земледелия и равнинного орошаемого земледелия и связаны, таким образом, с развитием хозяйственной специализации.

Четырьмя годами позже в работе, посвященной ранним формам этнонимов [1971], Я. В. Чеснов писал о названиях австралийских групп охотников и собирателей (автор считает эти названия «предэтнонимами», так как племени у самых архаических народов, по-видимому, не было, здесь были этнографические группы). По его мнению, до прихода европейцев не существовало условий для того, чтобы родовое понятие «человек» и термин, его обозначающий, стали выполнять функцию этнонима. Этнографические группы австралийцев вместе с тем территориально локализованы, и особенности их хозяйства, обычаев, языка, материальной культуры и т. д. различаются. «Предэтнонимы» включают поэтому названия территориально-производственных групп по местности, точнее, по местным ресурсам и по другим признакам: названия рельефа, местной растительности, минералов или бытовых и языковых особенностей отдельных групп.

Пример этот приведен нами вовсе не в укор исследователю, потому что и взгляды его со временем могли измениться, и изложить он мог свою концепцию не очень четко, так что остались неясности. И вообще, у кхмерских народов могло быть так, а у австралийцев — иначе. Но если уже для наиболее архаических народов, еще не создавших племенной организации, характерны предэтно-

ними по местности, рельефу, растительности, то почему этноним *брао* «лесные» должен быть обязательно связан с системой подсечно-огневого земледелия, а не просто указывать место жительства племени?

Что же касается большей древности значения «люди» в этнонимах или названия их по местности, то, может быть, оба способа достаточно древние и существовали параллельно. Но нельзя не согласиться с главной идеей Я. В. Чеснова: семантические типы этнонимов и их историческая последовательность обусловлены развитием хозяйственно-культурной деятельности народа (например, важно различие «земледельцы» — «скотоводы») и его коллективного самосознания. Такой исторический подход к этнонимам на большом количестве примеров удачно продемонстрировал Я. В. Чеснов [1978].

Отметим некоторые особенности истории и функционирования этнонимов. Во-первых, возможно повторение одного и того же этнонима в пределах одного этноса и в разных этнических общностях: *поляне* (*поляки*) в Польше и восточнославянские *поляне*; *славяне*, *словене* (новгородские), *словаки*, *словенцы*; волжские *булгары* и *болгары*, *балкарцы*. Рус. диалект. и укр. *волох*, серб. и болг. *влах* означают сейчас «валах, румын»; польск. *Włochy*, чеш. *Vlasy* и *Влахи* в памятниках русского языка означали Италию, одновременно польское *Wołoszczuzna* того же корня — «Молдавия». В древнецерковнославянском языке *влахъ* означало вообще человека романского происхождения. И это славянское имя **volxъ* восходит к германскому **walha*—«римлянин», которое в немецком и англосаксонском языках стало означать «чужак», «раб, бритт», «валлиец» (англ. *Welsh* «уэльский, валлийский»). В свою очередь, германский этноним восходит к названию кельтского племени *volcos*, *volcae*, обитавшего в Галлии (в основном территория современной Франции) во II в. до н. э.

Эти примеры показывают направление миграций древних народов, их генетические связи и историю их завоеваний. Еще один пример: этноним *тархан*, повторяясь в разных частях Евразии, устанавливает следующую цепочку генетических связей: дунайские болгары—венгры—волжские болгары—чуваша—башкиры. Контакты между звеньями этой цепочки могли происходить на Северном Кавказе и в Приазовье, где образовались этнонимические параллели, перенесенные затем на Дунай и Волгу [Кузеев, Гарипов, 1976].

Якутское самоназвание *саха* находит себе аналогии

в ряде племенных названий древнеяпонских, древнекитайских и маньчжурских источников; анализ этих параллелей подтверждает вывод некоторых этнографов, что саха, возможно, были частью древних уранхайцев. Уранхайские племена и роды известны среди тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских народов [Сидоров, 1984].

Во-вторых, этноним может переноситься с народа-завоевателя на побежденный или ассимилированный народ и наоборот. Кроме примера с валахами, укажем на названия *баварцы* — от кельтского этнонима *бойи*, *французы* — от германского этнонима *франки*, *ойроты* — название алтайцев, находившихся под властью Ойратского государства — Джунгарского ханства. «Когда какой-то народ, — писал И. Мелих, — обозначается таким именем, которым он в собственном языке никогда не пользовался, то об этом названии в большинстве случаев можно заключить, что им раньше назывался другой народ и только позже в силу исторических причин это имя было перенесено на данный народ» [Melich, 1922, S. 245].

В-третьих, для некоторых этнонимов характерен перенос названия части народа на весь народ в целом. Так, латыши называли всех русских *krievi* — по хорошо знакомым им кривичам. Латышское название эстонцев *igauņi* перенесено на всех эстонцев, в древности же оно обозначало только угаласцев — жителей мааконда (уезда) Уганди или Унгаунии. Угаласцы были самыми близкими соседями латышей. Ливы прежде называли всех эстонцев *sõrlist* (по названию жителей острова Сааремаа). Самоназвание албанцев — *shqiptar*, но все окружающие народы называют их албанцами (*albanaï*, *Albanian* и т. д.) по имени одного из древнеалбанских племен.

В-четвертых, по наблюдениям исследователей многие древние племена и их племенные территории (также реки) могли обозначаться одним и тем же словом, ср. река Ижора и племя *ижора*. Л. С. Толстова [1978] указывает на топоним и одно из древнейших родоплеменных названий каракалпаков и узбеков — *митан*. Этот термин обозначал в древности «жилище, дом, обитель», «селение», позже — «родина». Одновременно он обозначал какую-то родовую единицу, группу людей, в прошлом связанных кровным родством. Согласно гипотезе автора, *митан* — очень древний термин. Он возник в те далекие времена, когда в сознании человека были нерасчлененными понятия «место поселения (стойбище)» и «люди, жители этого стойбища». Позже произошла дифференциация этих по-

нятий. О синкретизме первобытного мышления пишет и А. Ф. Анисимов [1966, с. 28]. При сравнительном изучении морфологии тунгусо-маньчжурских родовых названий (данные Е. П. Лебедевой) удалось установить, что в маньчжурском и эвенкийском языках совпадают суффиксы, образующие родовые названия, термины родства и названия животных. Этот факт свидетельствует о том, что в древности человек не выделял себя из природы.

Примеры, приводившиеся до сих пор в этой главе, имели целью показать читателю особенности автоэтнонимов — самоназваний народов. Однако при всем желании избежать упоминания некоторых аллоэтнонимов — названий, полученных данным народом от других народов, удается не всегда. В ряде случаев перенос этнонима произошел настолько давно, что и сам народ принял чуждое наименование (например, *сербы*). Но все же известны подлинные аллоэтнонимы, и о них нужно тоже сказать несколько слов. Они, кстати говоря, тоже требуют своей, отдельной, типологической классификации, которая пока по языкам мира не создана.

По каким же признакам происходит наименование других народов? По очень разным. Приведем лишь некоторые данные. Если ненцы употребляют для себя самоназвания *ненэць* «человек, ненец», или *ненэй ненэць* «настоящий человек», или *хасава* «человек», «мужчина», то для соседних народов у них имеются совсем другие наименования [Хомич, 1966, с. 23—24]. Русских они называют *луца* (искажение слова *русский*); саамов — *цано хан* («лодка-сани», видимо, по форме саамских саней-нарт; коми-ижемцев — *цысыма* (по ненецкому названию реки Ижмы). А вот в ненецких названиях ханты, манси, селькупов и кетов присутствует термин *хаби*: ханты и манси — просто *хаби*, селькупы — *тасу' хаби* «тазовские хаби», кеты — *енся' хаби* «енисейские хаби». Интересно, что термин *хаби*, кроме обозначения соседних народностей и нескольких зауральских родов хантыйского происхождения, в ненецком языке употреблялся в значении «зависимый», «невольник», «раб» (у ненцев имело место патриархальное рабство).

Часто соседи какого-то народа, не понимающие его языка, не умеющие на нем говорить, получают прозвание — «немые». Так возникло и общеславянское обозначение *немцев*: в др.-рус. *нѣмьць* «человек, говорящий неясно, непонятно», «иностранец»; *нѣмьчинъ* «немец, любой иностранец». И хотя лингвисты указывали на западно-

германское племя *неметы* или первоначальное значение «кочевник» в связи с греч. словом *νέμος* «пасусь», М. Фасмер [1987, т. 3, с. 62] решительно выступает за славянское объяснение этого слова. В русских говорах *говорить нѣмо* — значит «невнятно говорить», а *нѣмчик* — «малыш, ребенок, который еще не говорит»; *немтырь*, *немтура*, «косноязычный, заика». В летописи под 1096 г. находим запись о югре: «*Югра же людие есть языкъ нѣмъ*», т. е. это «чужой, иноязычный (немой) народ». Так что этноним *немцы*, скорее всего, объяснен правильно — «немые». Другие же соседи немцев в отличие от славян называют их иначе: французы — *allemand(s)* — от одного из германских племён — *алеманнов*; англичане — *German(s)* — от латинского названия *Germania*, *Germani*.

А что было важно знать древним китайцам о соседних народах? Их географическое расположение по границам Китайской империи. Ориентация по странам света была характерна для китайской этнонимии. Древнекитайские источники III—I вв. до н. э. упоминают племя *дунху* (*дун* — «восток») на северо-восточных границах Китая, в основном в пределах современного Дунбэя (историческое название — Маньчжурия). Возможно, это были монголы. Еще ранее, чем дунху, начиная с 2-го тысячелетия до н. э., упоминаются «северные иноземцы» — *ди* или *бэйди* (*бэй* — «север»). Племена эти, сложившиеся на основе неолитического населения Центральной Азии, вели кочевой образ жизни и населяли огромную территорию современной Монголии, частично Синьцзяна; на севере они доходили до Алтае-Саянского нагорья [Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия, 1959, с. 21].

Народы могут получать названия и по каким-то своим внешним отличительным признакам, поразившим воображение соседей. Так, этноним *эскимосы* возник в алгонкинских языках Северной Америки: от слова *эскимантык* «едящие сырое мясо». Совсем похоже на то, как русские отзывались о лопи и чуди: «страшные сыроядцы». Кстати, вспомним о лопи и води, об этимологии Э. Итконена. Треугольник, лоскут, знак на одежде — эти отличительные признаки вполне могли быть использованы для создания этнонима в языке соседей. Типологическое сходство можно наблюдать в названии племени индейцев Бразилии *ботокуды* (другое их название — *буруны*). Ботокудами называли индейцев португальцы: по-португальски *ботака* — «втулка». Такое украшение в виде маленьких деревянных дисков индейцы вставляли себе в прорезы губ

[Очерки общей этнографии. Общие сведения, 1957, с. 237]. Это же украшение, носившееся женщинами-тлинкитками (*тлинкиты* — индейцы северо-западного побережья Северной Америки), называлось русскими *колюжка*, отсюда и тлинкиты получили у русских наименование — *колюж* или *колош*. (Слово *колюжка*, если оно русское, видимо, связано с производными от глагола *колоть*, которых много в русских говорах, в том числе слов, обозначающих «кол», «колышек», вытесанные деревянные предметы.)

Кочевой народ *цыгане* распространился по всему земному шару и знаком со множеством народов. Цыгане переняли обычай славян иначе говорящих соседей обозначать как «немых». Немецкие цыгане называют литовцев *lalęgo* (цыг. *lálęgo* «немой»), норвежские цыгане называют финнов и саами *lall*, а немецких цыган — *lalęges*. Есть у цыган и такие пренебрежительные названия других народов, как «бездельник, недостойный, болтун» и менее приличные [Wolf, 1958]. В свою очередь, окружающие народы называют цыган по признакам хозяйственных занятий: крымских цыган татары именовали *аюджи* «медвежатники»: это название — калька с молдавского слова *урсаря* «то же», теперь самоназвание большой этнической группы цыган. Мужчины группы *кэлдэрари* (самоназвание, тоже из молдавского языка, значение «котельщики», букв. «ведерники») были медниками-лудильщиками. Русские цыгане называют этих цыган *котляры* или *болгары* (на территорию России они пришли из Южной Европы, в том числе из Болгарии) [Деметер, 1984]. Само же название цыгане у различных народов ввели в употребление греки: *Аsingani* — имя одной самаритянской секты, представители которой в IX в. переселились во Фригию и Ликаонию (обе области в Малой Азии).

Наличие большого числа аллоэтнонимов в этнонимии многих групп народов часто затрудняет ее системное исследование. Нужно внимательно разбираться, чтобы выяснить, действительно ли данный этноним — самоназвание. Например, при рассмотрении этнонимов народов Африки нужно сразу же отделить от самоназваний такие имена, как *негры*, *бушмены*, *суахили* и т. п. Из них слово *негры* происходит из испанского и португальского языков (*негро* «черный») — общее наименование африканских народов, живущих к югу от Сахары. *Бушмены*, или «люди кустарников», — слово из языка колонистов-буров. Общее самоназвание у бушменов отсутствовало; готтентоты называли их *саан* «туземцы». Название же *суа-*

хили происходит из арабского языка, в котором слово *суахили* означает «береговые». Им называли смешанное население Восточной Африки, основу которого составляли местные племена, потомки персов и арабов.

Русские в XIX в. ввели термин *киргиз-кайсаки* для обозначения казахов. Требовалось отличить казахов от казаков; оба последних термина одинакового происхождения и заимствованы русскими от тюрков. Что же касается термина *киргиз*, то он представляет собой самоназвание именно киргизского народа. Казахи же называли киргизов *ак-калпакты* «белешапочные» или *кара* «черные» [Kradeg, 1962].

Изучение самоназваний индейских племен Америки весьма затруднено: многие этнонимы подверглись значительным искажениям в языках европейских переселенцев. Так, ирокезы известны по их алгонкинскому имени, к тому же измененному во французской передаче. Имя это означает «настоящие гадюки», т. е. «враги». Аналогичным образом название *сиу* представляет собой франко-канадское сокращение от *padoweisiw* «гадюка» — на этот раз из языка индейцев чиппева [Smith, 1929]. Самоназвание же народа *сиу* было *дакота* «союзники, союзные племена». *Саук* — стяжение формы этнонима *osakiwug* «люди желтой земли», *фокс* (букв. англ. *fox* «лиса») — на самом деле название племени *muskwakiwuk* «люди красной земли». А английское название *blackfoot* «черноногие» относится к племени сиксика: мокассины индейцев загорянились золой от пожаров в прериях. Подобные аллоэтнонимы с уничижительными оттенками смысла свидетельствуют разве только об истории взаимоотношений европейских завоевателей с краснокожими аборигенами Америки. Набор же признаков, положенных в основу названий народов, совершенно случаен.

Но бывают ситуации, в которых имена, данные соседями, существенно помогают исторической этнографии. Примером тому служат названия народов Кавказа. Этнограф Н. Г. Волкова убеждена, что «глубокие и длительные связи этносов, их исторические судьбы оставляют своеобразные следы в этнонимии» [1984, с. 23]. Тюркоязычные кумыки получили разные именованья от соседей, но среди этих имен выделяется большая группа этнонимов — вариантов одного имени *кумук*, *кумык*, *гумук*, *гумки*. Здесь есть, с одной стороны, дагестанские и вайнахские (чеченские и ингушские) названия, которые действительно подразумевают кумыков. С другой стороны, в эту группу входят

некоторые северокавказские этнонимы, представляющие собой собирательное название всех народов Дагестана (реально северные кавказцы могли подразумевать под кумыками только один народ — лакцев). Таким образом, во многих кавказских языках этнические наименования лакцев и кумыков совпадают. Этот факт становится понятным при анализе письменных источников позднего средневековья, в которых термин *кумык* выступал как имя двух народов — тюркоязычных кумыков и кавказоязычных лакцев. Лишь в XIX в. в литературе стали соотносить это имя только с тюркоязычным этносом Дагестана. Н. Г. Волкова предполагает, что название царства Гумик и его жителей-христиан гумиков, упоминаемое в раннесредневековых источниках, связано с лакцами. С XIV в. Кумукское (Гумикское) феодальное владение в Дагестане включало не только горные районы, но и прикаспийские области с тюркоязычным населением, на которое перешло наименование *гумик* (*кумык*, *кумук*). Со второй половины XVIII в. этот термин стал применяться как самоназвание именно кумыков в отличие от самоназвания лакцев — *лак*. Материал названий северокавказских народов показывает, в частности, что «этногенетические связи древних и современных этнонимов не всегда служат подтверждением подобных связей этносов, соотносимых с этими этнонимами» [Волкова, 1973, с. 176].

Формирование современной этнонимической номенклатуры Северного Кавказа было длительным процессом, протекавшим в различные исторические эпохи. Некоторые адыгские, абазинские и осетинские этнонимы восходят к античному времени. В раннее средневековье появляются новые имена, связываемые с вайнахами, осетинами, адыгами, а в позднее средневековье в источниках упоминается множество вайнахских, адыгских, карачаево-балкарских и ногайских племенных названий. В XVIII—XX вв. в северокавказской этнонимии происходят большие изменения. Термин *осетины* возник не раньше конца XVII — начала XVIII в. и связан с историческими аланскими этнонимами *асы* (*асут*) монгольского «Сокровенного сказания» XIII в., *асы* русских летописей и др. Он стал общим названием иронцев и дигорцев. Имя *балкарцы* лишь в советское время стало национальным именем всего тюркоязычного населения Кабардино-Балкарии. Этнонимы очень устойчивы и, нередко сохраняясь в течение многих веков, тем не менее тесно связаны с конкретной исторической эпохой, в которой живет и развивается данный народ.

Приведенные примеры показывают, что при изучении этнонимов наиболее важно не столько установить собственно этимологию названий, сколько рассмотреть их в качестве живых имен, функционирующих как обозначения этносов в конкретные исторические эпохи. В этом смысле каждое свидетельство этнонимии представляет собой ценный исследовательский материал.

Завершая рассказ о древних племенах и их названиях — автоэтнонимах и аллоэтнонимах, можно сделать вывод, что в возникновении и жизни этнонимов все же наблюдаются некоторые закономерности. Закономерности присущи и форме этнонимов (они встраиваются в исторически обусловленные словообразовательные ряды), и их содержанию — значению, которое подчиняется определенным принципам наименования этносов. И сколь бы притворчивыми ни казались нам пути возникновения и изменения этнонимов, набор способов наименования этносов все-таки конечен и может быть описан.

Наиболее удачны и перспективны для этнонимии — методы тех исследователей, которые стремятся рассматривать этнонимы не изолированно, а во всей их совокупности для конкретной языковой территории. Именно такую задачу поставили, например, перед собой В. В. Иванов и В. Н. Топоров [1980] при изучении этнонимов восточнославянских и прилегающих территорий. Все этнонимические факты анализировались учеными как единое целое, где одни элементы связаны или определяются другими. В результате стал возможен вывод о глубоком структурном сходстве славянской этнонимии с этнонимами ряда соседних индоевропейских территорий, хотя точно провести границу между типологическим и генетическим сходством, естественно, затруднительно.

Системным подходом отличаются и работы ряда других исследователей. Характерно, что в большинстве самых интересных работ по этнонимике в значительной мере учитывается словообразовательный аспект: он же помогает создавать правдоподобные и лингвистически обоснованные этимологии. Это мы видели на многочисленных примерах. Но подход к этнонимам может быть разнообразен, и немалую роль при этом может и должен играть этнолингвистический анализ. В частности, работы В. В. Иванова и В. Н. Топорова демонстрируют подход к этнонимам с позиций семиотики культуры, что позволяет вскрывать глубинные связи этнонимов с мировоззрением и мышлением народа, с его духовной историей. Так, подчеркивает-

ся важность понятий «свой»/«чужой», «предел», цветовых обозначений территорий и соответствующего населения (Белая Русь противопоставляется Черной и Червонной и т. п.). Обнаруживаются устойчивые семантические модели, которые могут воплощаться средствами разных языков. И кроме того, древние этнонимы оказываются тесно связанными с проявлениями мифологического мышления. Так, В. В. Иванов и В. Н. Топоров считают, что этноним *валахи* / *волохи* был общеславянским словом. Оно оказалось созвучным имени славянского бога Велеса (*vel- из и.-е. *ǰel-), которое было семантически связано с понятиями «скот», «пастбище» (Велес у восточных славян часто имеет эпитет «Скотий бог»). Подобное сближение привело к тому, что заимствованный славянами этноним *волохи* был отнесен к кочевому этносу, занимавшемуся пастушеством и скотоводством в карпато-балканском ареале.

Этот и другие примеры позволяют считать этнонимический пласт лексики любого языка особенно ценным для исследований в области истории культуры.

«РУСЬ, ЧЮДЬ И ВСИ ЯЗЫЦИ...»

Загадка древнего народа

В 70-х годах XIX в. на Мурмане русские поморы в бурю читали заговор против чуди, считая, что бурю наслала именно она. В 1884 г. два туриста, говорившие по-фински, заблудились в шведской Лапландии и были убиты лопарями, принявшими их за чудь. Еще в 20-х годах нашего столетия на Кенозере (Архангельская область) чудью пугали непослушных детей. Такого рода многочисленные факты свидетельствуют о том, что образ таинственного древнего народа в течение веков был жив в сознании жителей Европейского Севера. Здесь мы продолжим рассказ о названиях народов, некогда обитавших на территории нашей страны, дадим оценку некоторым научным гипотезам и покажем, какого рода источники и материалы привлекаются учеными для выяснения истории легендарной чуди.

Впервые этноним *чудь* в древней литературе отмечается у готского историка Иордана, который писал в VI в. н. э. о событиях IV в. Упомянув о чуди, Иордан дает следующие варианты написания этого этнонима: *thiudos*, *thuidos*, *thiudi*. Под этим именем у Иордана понимается какой-то народ или народы в северной части сложившейся позднее Русской земли. Видимо, он разумеет все финские народы, жившие к югу и востоку от Балтийского моря. Относительно этого народа у Иордана есть и дополнительное название: *Thuidos in Aunxis*, которое до сих пор неясно, хотя были вполне убедительные попытки расшифровать *in Aunxis* как *Aunuksessa* «в Олонце».

Позже, в XI в. (точнее, 1070-е годы) историк Адам Бременский, перечисляя народы Руси, называет земли *веси* (*wizzi*), *мери* (*mirri*), *ламы* (*lami*), отсутствующей в русских летописях, и *чуди* (*schuti*, *scuti*). Эти земли он помещает в глубине Прибалтики, к востоку от шведов и «земли женщин» (имеется в виду территория современной Финляндии). К *иандер* [1906] считает, что *scuti*

Адама Бременского означает население прибалтийских берегов.

Как видно, средневековые западные источники дают лишь упоминания терминов, похожих на русское название чуди. Конкретная локализация этого народа в них отсутствует. Можно предполагать, что он обитал где-то в Восточной Европе или в Скандинавии, но где именно — неясно. Единственное упоминание (*thiudos, thuidos*) у Иордана, заимствованное из предшествующей ранней западноевропейской литературы, вызвало огромное число толкований. Оно действительно способно породить обильные догадки, но не решение вопроса. Еще более сомнительны упоминания у Адама Бременского (*scuti*), а также у Саксона Грамматика. В сочинениях этих средневековых писателей явно подразумевается не одна какая-то этническая группа, а народы Скандинавии или Восточной Европы вообще (по традиции, идущей от греческих авторов, называемой Скифией).

В более позднее время западные историки и географы черпали свои сведения о народах Руси либо из русских источников, либо от путешественников, побывавших в Русской земле. Так, Юлий Помпоний Сабин, живший и писавший в Италии в конце XV в., получил географические сведения о России от Симиона Бузина, посетившего Москву в 1475 г. Он упоминает *заволочан* (*cum zauolocensibus*) вслед за *пермью* (*parmii, deinde zauozenses*), причем включает название земли заволочской чуди в понятие *Scythia*, известное грекам как обозначение Руси (ср. Скифское море = Белое море).

Англичанин Ричард Джемс, побывавший в Московском государстве в 1618—1620 гг. с английским посольством и зимовавший в Холмогорах, дает следующие сведения о чуди: «*Chiudi ye people abought Colmogrod weare anciently so calld, which spoke a divers language from ye Samvites and Laps, now they are not found there*» («Чюди — народ около Колмогорода (= Холмогор) — издревле так называемый, который говорил на языке, отличным от самоедов и лопарей; теперь они больше там не находятся») (Цит. по: [Симони, 1929, с. 126]). Дополнительный источниковедческий материал можно найти в работе В. В. Пименова «Вепсы» [1965].

Более конкретные и надежные сведения о чуди содержатся в русских летописях; в них чюдь упоминается в числе народов — ближайших соседей северных славян. Ср., например, в Лаврентьевской летописи: «...в Афетове же

части сеять Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома, Вель, Морьдва, Заволочьская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимьгола, Корсь, Лѣтьгола, Любь. Ляхове же и Пруси и Чюдь присеять к морю Варяжьскому» [ПСРЛ, т. 1, 1962, с. 4].

Анализ данных древнерусской летописи заставляет отнестись с доверием к сведениям о народах, населявших территории вокруг славянских племен. Летописцы, видимо, хорошо представляли себе и географическую локализацию различных племен, и этнический их состав. В пользу этого мнения говорит, в частности, тот факт, что большинство этнонимов летописи нашло свое отражение в названиях современных балтийских и финно-угорских племен (мордва, коми-пермяки, литовцы, курши и т. д.), а некоторые находят вполне известное историческое продолжение (югра → ханты, манси; ямь → фин. *Näme*, тавастлендеры). Загадочными остаются лишь печера, меря, мурома и чудь (этноним *vesь*, как показали работы Д. В. Бурбиха и др., есть не что иное, как *versä* «вепсы» с закономерным выпадением звука *n* в древнерусском языке).

Летописи последовательно упоминают чудь в XII—XIII вв. в связи с походами новгородцев на Чудскую землю (Эстонию). Под 1190 г. летопись упоминает поморскую чудь (эстов) для отличия от других групп чуди. Одновременно упоминается заволочская (заволоцкая) чудь в Новгородском Заволочье (Двинская земля «за волоком» — обширным водоразделом, отделяющим бассейны Онеги и Северной Двины от бассейна Волги). В обоих случаях, видимо не случайно, употреблен один и тот же этноним, подчеркивающий этническую или же языковую близость обеих групп чуди.

Анализ древнейшего русского исторического источника дает конкретные факты, позволяющие локализовать чудь и даже дающие скудные сведения о ней. Под этим углом зрения мы вместе с фольклористом Ю. И. Смирновым изучали тексты «Полного собрания русских летописей». При этом в качестве эталона были взяты сведения, сообщаемые новгородскими и псковскими летописями, и фиксировались малейшие отклонения в других летописях. В результате сведения о чуди можно подразделить на две части: «общую», как правило, недатируемую часть, и конкретно-историческую часть.

Большинство летописей в той или иной мере содержит общую часть о «Начале земли Русской» (по Нестору), где чудь упоминается непосредственно после Руси, как ее

ближайший сосед, живущий у моря Варяжского (= Балтийского). Иногда чудь находим в перечислении между славянскими племенами, что свидетельствует об очень близких, изначальных связях с ней. Всего имеется девять сюжетов «Повести временных лет», где говорится о чудии: жители Афетовой части; данники руси; изгнание варягов; призвание варягов; поход Олега из Новгорода на Киев; поход Олега на греков; поход Владимира на Полоцк; переселение Владимиром на юг лучших людей из разных народов для борьбы с половцами (при этом в «Книге степенной царского родословия» про чудь сказано: «иже суть немцы»); убийство Глеба за Волоком. Все указанные сюжеты нигде не встречаются одновременно, но тем не менее они в той или иной мере обязательны для первых страниц летописей. Легендарный характер этих событий очевиден, но почти во всех случаях под чудью несомненно подразумеваются эсты. Единственное исключение — сообщение об убийстве за Волоком: «И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша из города, и бѣжа за Волокъ, и убиша ѿ Чюдъ» [Новг. первая летопись. Комис. сп., 1950, с. 161 и 470 — не датировано, с. 18 и 201 — под 1079 г.].

Из этого сообщения непонятно, о каком волоке идет речь, и поэтому неясно, где нужно локализовать упоминаемую здесь чудь. По данным летописей и грамот, существовали по крайней мере два Заволочья: одно в южной части Псковщины, другое за Онежским озером, а также многочисленные волоки и волочки, которые нередко очень трудно различить. Крайне странно и пока необъяснимо, что чудь заволочская встречается лишь при перечислении племен Афетовой части, ее локализация неизвестна. В поздних, московских, летописях один раз встречается заволжское чюдо (заволжская чудь?) и один раз завотьчская чюдь (живущая за водью?), — скорее всего, это искаженные названия.

Между 989 г. и 1030 г. существует разрыв: во всех летописях отсутствуют сведения о чудии. Наиболее частые сообщения о чудии встречаются в новгородских и повторяющих их псковских летописях (1030—1558 г.). Очень многие конкретные исторические события опускаются, например Ипатьевской и Лаврентьевской летописями. Московский летописный свод конца XV в. дает сведения о чудии лишь с 1116 г., при этом аккуратно отмечая все основные стычки с ней новгородцев и псковичей. Характерно, однако, что в новгородских и псковских летописях под чудью везде подразумеваются эсты, которые совершенно четко

отделяются от воды, ижоры, веси, еми, корелы. Таким образом, в смысле этнической интерпретации чуди общая, легендарная часть всех русских летописей согласуется с конкретно-историческими сведениями новгородских и псковских летописей. На основании этого естественно предположить, что термин *чудь* восточные славяне впервые стали применять, войдя в контакт с эстами. Однако остается неизвестным, пользовались ли они этим термином до IX в.

Никто из исследователей никогда не сомневался в том, что *чудь* принадлежала к группе финно-угорских племен. Большинство ученых считают название *чудь* заимствованным либо из германских, либо из славянских языков (есть и собственно финно-угорское объяснение). Поэтому прежде чем говорить о различных этимологиях этнонима, нужно остановиться на древних контактах финно-угров Прибалтики с другими народами по археологическим и лингвистическим данным.

Контакты прибалтийских финнов с германцами были достаточно ранними: они начались примерно на рубеже нашей эры или немного раньше [Хакулинен, 1955, с. 43]. Они происходили позже, чем контакты с балтами, но были значительно более длительными, о чем говорит большое количество древнегерманских заимствований в прибалтийско-финских языках (больше всего — в финском и эстонском, меньше в других). Велико количество этих заимствований и во всех диалектах саамского языка, в том числе в кольских, причем контакты саамов с древними германцами имели место уже приблизительно с VII в. до н. э. Советский финно-угровед Г. М. Керт [1971, с. 13] вслед за шведским ученым К. Виклундом считает, что кольские саамы вряд ли восприняли германизмы через посредство пограничных финских саамов: скорее всего, они заимствовали их непосредственно от германцев, так как к тому времени их диалект уже отделился от других саамских диалектов. Более того, в кольских диалектах саамского языка встречаются германизмы, отсутствующие в прибалтийско-финских языках.

Саамы — древние жители Северной Европы, потомки арктического народа, проникшего в этот регион, видимо, еще раньше неолитической эпохи. Первоначально прото-саамы занимали широкие территории; они заселили Заволочье и обосновались у устья Финского залива, затем распространились на территорию современных Финляндии и Карелии. Прибалтийские финны — исконные жители

побережья Балтийского моря по крайней мере с 1-го тысячелетия до н. э. (некоторые лингвисты и археологи полагают, что с 3-го тысячелетия до н. э.).

В отличие от связей с балтами и германцами финны сравнительно поздно стали контактировать со славянами. Всего несколько слов финского языка заимствованы из праславянского в V в. н. э. (и то они оспариваются), большая же часть заимствований датируется древнерусским периодом.

Источником германизмов саамского и прибалтийско-финских языков были восточногерманские языки, скорее всего готский (характерно, что обратных заимствований финно-угорской лексики в германских языках не наблюдается). Готы и их соседи гепиды по преданиям, сообщенным Иорданом, обитали в Скандинавии — в южной Швеции; их колыбелью были либо южные шведские провинции, либо остров Готланд. Оттуда они отдельными группами в разное время мигрировали в южную Прибалтику и осели в устье Вислы. Первые письменные известия о них в этом регионе находим у Страбона в I в. н. э., затем у Тацита и Птолея (Gutones, Gotones). Готы оказались близкими соседями славян. Во II в. н. э. часть готских племен двинулась из Повисленья на юго-восток, теснимая другими пришельцами из Скандинавии. В поисках новых удобных земель готы двигались по Висле, Бугу и Днестру к Черному морю. На всем протяжении своего длительного пути готы должны были тесно соприкасаться со славянами. Об этом свидетельствует, например, их вклад в формирование черняховской культуры II—IV вв. (Среднеднепровский регион), которая, судя по археологическим данным, была полиэтничной: ираноязычные сарматские племена, славяне, готы [Седов, 1979, с. 76—78]. Восточнопоморско-мазовецкие памятники, оставленные готами, найдены в правобережье Вислы, Буга, в бассейнах Днестра и Припяти — в верховьях рек Стыри, Горыни, Тетерева. В Среднем Поднепровье О. Н. Трубачев [1968, карта № 17] находит германские гидронимы, хотя и единичные. В этом же регионе, как мы помним, позже фиксируется праславянское племя VII—VIII вв. дулебы (этноним германского происхождения). В. В. Седов [1979, с. 131—132] отмечает, что источник миграции дулебов определить невозможно, но на основании западногерманской этимологии их этнонима, предложенной О. Н. Трубачевым [1974, с. 52—53], помещает коренную дулебскую территорию ближе к западным германцам, между верховьями Одры и Вислы, допу-

ская, что племя дулебов сложилось в римское время; отсюда они затем мигрировали в Чехию, на Балканы и в Полесье. Думается, что если принять восточногерманскую этимологию названия *дулебы* [Королюк, 1979, с. 56—57], то их гипотетическая исходная территория и пути миграций могли бы очерчиваться несколько иначе, а также можно было бы лучше представить себе роль готского этнического компонента в истории Среднеднепровского региона в целом.

Наша краткая историческая справка показывает, что восточные германцы были хорошо знакомы и с финно-уграми Прибалтики, и со славянами (родство германцев со славянами изначально в рамках индоевропейской языковой общности, как и их территориальная близость друг к другу). Теоретически они могли передать предкам восточных славян этноним *чудь*, если он уже существовал в первых веках новой эры в качестве самоназвания какой-то финно-угорской этнической общности. Так же, как и вообще германцы могли передавать географические и этнографические сведения о Севере более южным народам: ведь ученые Греции и Рима этими сведениями располагали с античных времен.

Но было ли это автохтонное или германское название финно-угров? Здесь мы, к сожалению, окончательного вступаем в область догадок. «Подарили» ли готы, столь любившие дальние миграции, свое слово *þiuda* «народ» финно-уграм в качестве этнонима (словом «народ» обычно называют себя! от слова *þiuda* ведь возникли *тевтоны* — *teutones* и самоназвание немцев — *deutsch*) и сообщили ли они позже об этой чуди — *Thiudos* своим соседям-славянам, или все же восточные славяне пусть позже, но сами по себе, без помощи готов, познакомились с чудским племенем в V—VI вв. н. э., когда предки псковских кривичей уже пришли на берега Чудского озера? Почему саамы сохранили этноним *чудь*, якобы заимствованный от германцев, а финны-суоми не сохранили? Почему балты — ближайшие соседи эстов — не знают этого этнонима, хотя с германцами они, конечно, были близко знакомы? А восточные славяне, длительное время отделенные от финно-угров землями балтов, знают термин *чудь*, существовавший, видимо, гораздо раньше VI в.?

Может быть, не стоит недооценивать географических сведений древности: жители Прибалтики, безусловно, должны были знать друг о друге, даже если они не контактировали непосредственно. И может быть, о чуди были на-

слышаны уже висло-одерские праславяне за́долго до пришествия готов с севера. Но этноним этот в западнославянских языках не известен.

Возможно ли заимствование славянами термина *чудь* от германцев с лингвистической точки зрения? Ученые, положительно отвечавшие на этот вопрос, связывали возникновение термина *чудь* у русских со словом *чужой* в славянских языках. Русское слово *чужой*, старославянское ШТОУЖДЬ, ТОУЖДЬ и ЧОУЖДЬ, польское *ciudy* и др. объяснялись как старое заимствование из германского: прагерманское **fēuþa*, готское *þiuda* «народ», древнесаксонское *thjodh*, древневерхненемецкое *diota* и др. Однако это мнение уже давно оспаривалось. Так, С. П. Обнорский [1915, с. 84] отвергал заимствование из готского ввиду существования в старославянском двух форм ШТОУЖДЬ и ТОУЖДЬ; эти формы не могут быть выведены одна из другой. М. Будимир [1958], на наш взгляд, убедительно показал, что корень *teutā/toutā* мог быть известен славянам еще со времен индоевропейской языковой общности (ср. лит. *tautà*, латыш. *tautā*, др.-прусс. *tauto*, ирл. *tuath* «народ», оскское *touto*). Основываясь на этом, можно сказать, что и заимствование этнонима *чудь* славянами от германцев выглядит очень сомнительно (если связывать *чудь* и *чужой*).

Одновременно с объяснением происхождения этнонима *чудь* из прагерманского была сделана попытка совместить первоначальные границы расселения германцев у Балтийского моря с территорией, занимаемой прафиннами, и истолковать некоторые процессы в германских языках влиянием финского субстрата [Бубрих, 1926], при этом было высказано допущение о пребывании древней чуди севернее финнов в юго-западной части Финляндии в первой половине 1-го тысячелетия до н. э. Эта гипотеза не получила поддержки; впоследствии сам автор отказался от нее как от ошибочной, поскольку она не подтверждается ни археологическими ни лингвистическими данными. На основе германской этимологии объяснялось и название Чудского озера (нем. *Tschudische See*) из гот. **þiudisks saiws* «немецкое озеро», но автор этого объяснения М. Фасмер [1987, т. 4, с. 378] позднее сам пришел к выводу, что оно неверно. Русские летописи обозначают немцев *нѣмци* и понимают под *чудью* западных финнов (в том числе эстов). Поэтому *Чудское озеро* следует понимать как *Эстонское озеро*.

Исследователи пытались объяснить этноним *чудь* на

славянской почве или сопоставить его с названием Скифии, но в настоящее время эти гипотезы также отвергнуты и наибольшую популярность приобрело объяснение этнонима из финно-угорских языков. Видимо, так оно и есть: название *чудь* должно происходить из древних финно-угорских языков, но пока его объяснение наталкивается на большие трудности.

Трудности эти, скажем сразу, не только лингвистического порядка. Они вызваны неопределенностью сведений о давно исчезнувшем народе, расплывчатым характером области его возможного обитания, обилием разнообразных и трудно поддающихся систематизации преданий о чуди, многозначностью употребления этнонима у разных народов. Ведь созвучные русскому слову *чудь* наименования встречаются у саамов, у коми, у некоторых других народов, и не всегда бывает легко решить, кто у кого заимствовал этот термин, а может быть, он существовал в разных языках независимо.

Поистине «чудская» проблема создала такой конгломерат научных гипотез (насчитывается по крайней мере 17 совершенно различных точек зрения на этническую принадлежность чуди), что нельзя не вспомнить при этом строки из стихотворения А. Блока: «Чудь начудила, да Меря намерила...»; в них поэт сознательно использует случайное созвучие финно-угорских этнонимов с русскими словами.

Трудности изучения этнонима *чудь* начинаются уже с самого русского языка: в нем оказываются и другие обозначения чуди — *чухна*, *чухарь*. Их этимологическую связь с термином *чудь* еще надо доказывать.

М. Фасмер [1987, т. 4, с. 388—389] считает, что *чухна́* (насмешливое прозвище финнов, петерб., др.-рус. *чухно*, *семь чухновъ* в Псковск. 2-й летоп. под 1444 г.; I Соф. летоп. под 1496 г.) — форма, произведенная от *чудь* с экспрессивным суффиксом *-хно* (ср. *Михно́*, *Яхно́*); образование, характерное для Новгорода и отсутствовавшее в московских землях. В этом объяснении бесспорна только относительно поздняя фиксация этнонима *чухна* — середина XV в. Непонятно, почему форма *чухна́* стала насмешливым прозвищем, с чем это было связано. Непонятно, почему суффикс *-хн(о)* должен считаться экспрессивным (с уничижительным значением?) в антропонимах, если допустить, что в название *чухна* он попал по аналогии с личными именами. Ведь это вполне распространенный в западно- и восточнославянской антропонимии суффикс, употребляв-

шийся для образования разговорных уменьшительных форм личных имен. В особенности эти формы были характерны для древнепольских имен (ср. *Siechno*) — дальнейшее суффиксальное расширение сокращенных имен на *-sch* типа *Siroch*, *Szagnoch*. В восточнославянской области этот тип стал продуктивным в XIV—XVI вв. на Украине, в Белоруссии, в новгородских и псковских землях (имена Трухно, Дахно, Сахно и др.): уменьшительные формы такого рода образовывались как от христианских, так и от древнерусских (Жирохно — от Жирослав, Жиробуд и т. п.) двуосновных имен.

Что же касается формы *чухарь*, то М. Фасмер пишет, что она, по-видимому, образована от *чухна́* (способ словообразования при этом не раскрывается). Впрочем, тут же М. Фасмер допускает возможность преобразования из финно-угорского названия глухаря: саам. (кольский диалект) *чулч*, саам. (норвежский диалект) *чукча*, коми *чукчи*.

Таким образом, мы видим, что история разных форм наименований чуди в русском языке не так проста. Когда же исследователь сталкивается с названиями чуди в финно-угорских языках, вопросов возникает еще больше. Поэтому мы считаем, что для выяснения происхождения этого этнонима недостаточно разыскивать лишь звуковые соответствия, но следует рассмотреть употребление этого этнонима у различных народов, проанализировав при этом существующие научные гипотезы, и установить основное содержание термина *чудь*. Вполне вероятно, что в таком случае у нас появится и более обоснованная возможность объяснить значение этнонима, хотя главная цель все-таки в том, чтобы показать, какие пути перспективны для установления реальной истории чуди. Ведь память о чуди осталась только в преданиях, да еще в топонимах Русского Севера и Северо-Запада. С географических названий мы и начнем.

В топонимии Русского Севера, Северо-Запада и Приуралья широкое отражение нашел этнический термин *чудь*. Многие исследователи XIX и XX вв. на основании распространения этнонимов делали далеко идущие выводы о былом расселении соответствующих народов, сплошь и рядом впадая в грубейшие ошибки. Поэтому вспомним об ограниченных возможностях использования этнонимов для исторических выводов и отметим ненадежные названия: происшедшие от личных имен и фамилий типа Чудин, Чудинов, названия с основой *чудак* (чудь

тоже могла называться *чудаками*, но, естественно, далеко не во всех случаях название деревни Чудаково имеет отношение к чуди). Несмотря на ненадежность подобных топонимов, исследователи все-таки стараются их учитывать и картографировать в районах возможного расселения чуди [Майданова, 1962; Пантелеева, Янчевская, 1966].

Даже те топонимы, которые могут на самом деле происходить от этнического термина *чудь*, нужно анализировать с осторожностью. Вначале новгородцы называли этим именем главным образом эстов, так как именно с эстами они впервые познакомились, а затем перенесли его на других финно-угров, причем не только на западных финнов, и часто называли «чудскими» всякие остатки древности (чудские ямы, чудские копи Урала и Сибири), так же как финны приписывают всякие древние находки лопарям, а жители Псковской обл.— Литве.

На рис. 3 показаны те названия населенных пунктов и водных объектов, в которых содержатся основы *чудь*, *чухна*, *чухарь* и некоторые другие сходно звучащие в том случае, если местное население связывало названия с чудью. В качестве источника использованы в основном «Списки населенных мест Российской империи». Не следует думать, что все картографированные названия обязательно отражают расселение чуди. В этом смысле карта носит условный, ориентировочный характер.

Без сомнения, названия с чистой основой *чуд-* являются подлинными отражениями этнонима. Названия этого типа, распространенные в Новгородской, Псковской, Архангельской губерниях, в некоторых центральных областях, в Карелии и на Кольском полуострове, указывают на дорусское население (эсты, водь, ижора и др.) в этих областях.

В названиях с основой *чудин-* суффикс *-ин-* означает принадлежность, и топонимы типа Чюдин, Чюдино село, озеро Чудино, Чудины могут, действительно, отражать этноним, в то время как Чудиново, Чудинково и т. п. могут быть вторичными, за исключением тех случаев, когда есть прямые указания из исторических источников на проживание в данной местности того или иного финно-угорского народа. Так, относительно деревни Чудинова С.-Петербургской губернии Петергофского уезда известно, что это бывшая ижорская деревня, населенная также водью. Обращает на себя внимание тот факт, что в Белоруссии имеются названия с этой основой. Вероятно, они обязаны своим происхождением отдельным выходцам из Эстонии.

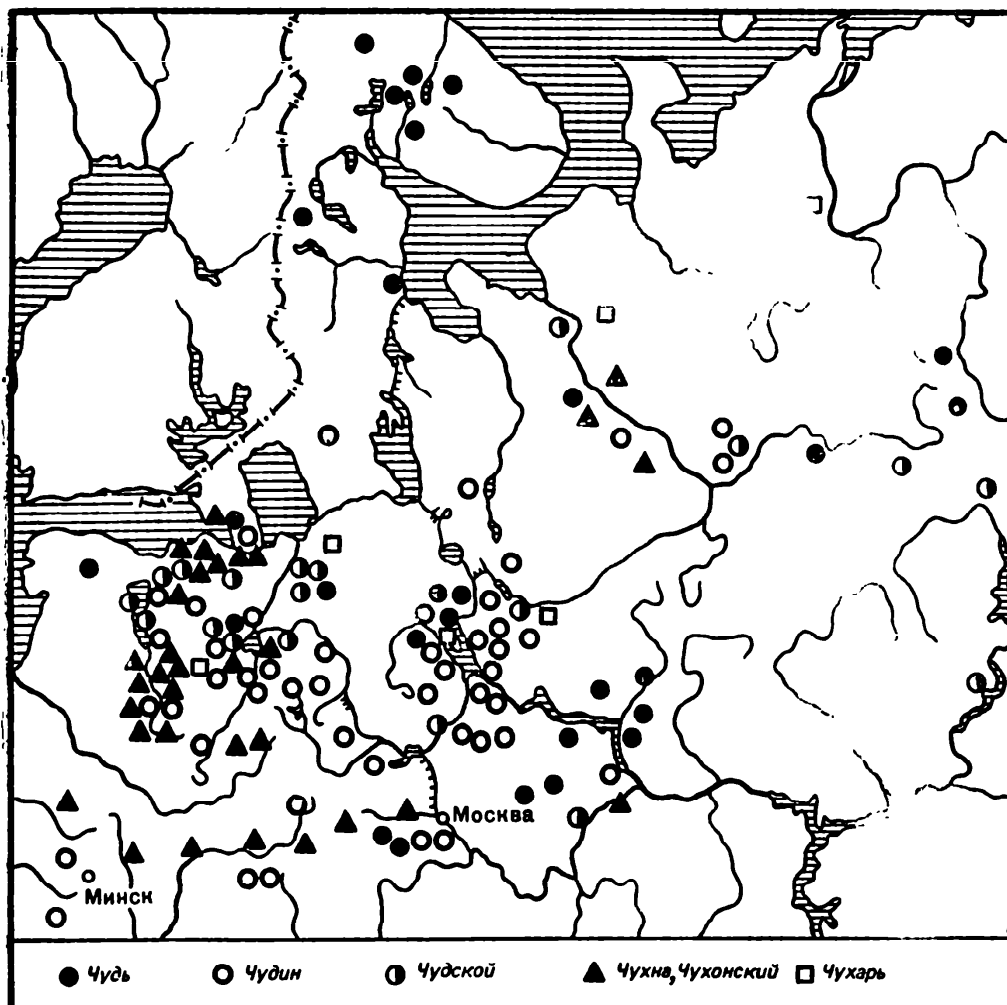

Рис. 3. Ареал чуди по данным топонимии

Названия с основой прилагательного *чудск-*, как нам кажется, в большинстве случаев отражают этноним, хотя это может не относиться к более восточным районам (Приуралье и дальше), где называют всякие остатки древности «чудскими». Ценны указания в источниках на население того или иного пункта: например, о деревне Чудской Конец Псковской губернии Зачеренского уезда известно, что она была населена эстонцами-сету. Само расположение таких названий Псковской губернии на границе с Эстонией указывает на соседнее население — эстов.

Топонимы типа Чухны, Чухонки, без сомнения, отражают этноним *чухны*, *чухонцы* — название эстов и ингерманландских финнов. В этом убеждает и исключительное распространение этих топонимов на Северо-Западе — в Псковской и С.-Петербургской губерниях (кроме деревни Чухнята с типичным топонимическим суффиксом

-*ята* в Пермской губернии). Два названия зафиксированы в Белоруссии, причем одно из них — город Чухны Сморгонского района — фиксируется на крайнем северо-западе Белоруссии, на границе с Литвой. Любопытно, что все названия присутствуют в форме множественного числа. Названия от этой основы с суффиксами *-ов* и *-ск* (от прилагательных) также отмечены исключительно на Северо-Западе (в С.-Петербургской, Псковской, Новгородской губерниях), т. е. в местах бытования форм *чухна*, *чухонец*. Этническую чересполосицу отражают пары названий: Чухонская Россия и Русская Россия, Антоши Чухонские и Антоши Русские. Форма Ондукси (вариант названия Антоши Новые) указывает на карельское население (от карелизованного христианского имени Антон?).

В отличие от топонимов, содержащих *чухна* и распространенных целиком на Северо-Западе, названия с основой *чухар-* (ср. *чухари* — наименование вепсов) распространены преимущественно на Севере и в центральных областях, смежных с Севером. Их немного (шесть названий). О деревне Чухарево Весьегонского уезда Тверской губернии известно из «Списков», что ее населяют карелы. Деревня Чукаренская (вариант Чухаревская) Архангельского уезда населена русскими «в смешении с чудью» (вепсами или близкими к ним прибалтийскими финнами?).

Есть и особые случаи типа деревня Чихачи Псковской губернии Опочецкого уезда. По сообщению Е. И. Исполатова [1916, с. 8], в народе ее называли Чухачи — от названия чуди, т. е. *чухон*, *чухачей* (которых в Новгородской губернии называли *чухарями*). Это обстоятельство заставляет шире изучить различные формы бытования названия чуди в русских говорах. Иногда следует учитывать и особенности самих говоров. Так, обращают на себя внимание параллельные формы Чухарево (Тухарево) Новгородской губернии Тихвинского уезда (ср. деревня Тухарево Костромского уезда). Колебание в написании может отражать действительные особенности консонантизма новгородских говоров; например, возможны колебания *ц* и *т'*, причем *т'* иногда может терять мягкость.

Прозвище дорусского населения в ряде областей было *чудаки* или *чужаки* (ср. дер. Чудаков Конец на Пидьмозере, которую, согласно «Спискам», населяли: «карелы и, возможно, чудь»). Не исключено, что некоторые названия типа Чухла, Чухлома, Чучепальская, Чучела, Чукча (Чуходская) и др. на Русском Севере тоже как-то связаны с чудью. Например, по словам жития св. Авраамия Чу-

хломского, еще в XIV в. в окрестностях Чухломского озера было много язычников. Язычники эти говорили «чудски», само же озеро называлось Чудским. Название деревни Чучела, зарегистрированное М. А. Кастреном в Пинежском уезде Архангельской губернии, связывается им с чудью (-ла — суффикс местного падежа?). Названия *чуча*, *чукча* (пермское, сибирское диалектное) — варианты обозначения чуди. Ввиду того что русские топонимы с основами *чукч-*, *чухч-* могут отражать и саамское слово *чухч* «глухарь», на нашей карте они не показаны. Отметим лишь, что они расположены почти исключительно в бассейне Северной Двины. Среди них, вероятно, есть и названия, связанные с чудью.

В целом отметим, что названия с основой *чуд-* распространены по всему Северу (наибольшая сосредоточенность на русском Северо-Западе и в северном Поволжье), в то время как названия с основой *чухн-* образуют четко выраженный ареал только на Северо-Западе, с основой *чухч-* на Севере. Можно сделать вывод, что топонимы с основами *чухн-* и *чухч-* (в тех случаях, когда последняя указывает на «чудское» население) отражают местные, локальные варианты названия дорусского населения Севера — чуди, в то время как топонимы с основой *чуд-* как будто бы отражают общеупотребительный вариант названия чуди среди русского населения Севера.

Термин *чудь* бытует в той или иной мере среди всех народов, населяющих Европейский Север — не только в СССР, но и у саамов Швеции, Норвегии, Финляндии. У русских название *чудь* относится к широкому кругу финно-угорских народов. В первую очередь это собирательный термин для всех прибалтийских финнов, а также для каждого прибалтийско-финского этноса в отдельности. Изучение конкретного языкового, фольклорного и этнографического материала определило и концепции Чуди у разных исследователей.

Еще в начале XIX в. академик А. Х. Лерберг [1819] включал в понятие чуди прибалтийско-финские племена: кревинги (южная Латвия), ливы, эсты, ингерманландцы (он имел в виду потомков древней води и ижоры), карелы и финны, также заволочская чудь. А. Х. Лерберг включает в понятие чуди даже племена, упоминаемые в летописи особо: мерю и весь (тогда не было известно о генетическом родстве веси с вепсами).

Д. В. Бубрих [1947] причисляет к чуди водь, волховскую чудь и весь. Весь, игравшая, по его мнению, боль-

шую роль в создании русской государственности, до 1251 г. не называлась чудью, а затем была включена в это общее понятие. В другом месте Д. В. Бубрих говорит более определенно: «Восточные славяне называли все прибалтийско-финские племена, вошедшие с IX века в состав Русского государства (в новгородской его части), общим названием Чудь. Сюда они относили из относительно западных прибалтийско-финских племен племена современной Эстонии (по крайней мере в восточной ее части), а из относительно восточных как племена между Наровой и Волховом, так и Весь за Волховом» [1958, с. 5].

Говоря об этнических группах прибалтийско-финских племен в 1-м тысячелетии до н. э., Х. А. Моора [1956] употребляет по отношению к части восточной группы (территория Великолукской и Псковской областей) термин «чудские племена». По предположению Х. А. Моора, народы, населявшие эту территорию, на юге непосредственно соприкасались с восточнославянскими соседями, которые, возможно, и стали называть по ним все прибалтийско-финские племена чудью. В юго-восточной Эстонии и северной части Латвии также обитали соседние «чудские племена» или находящиеся между чудскими и северо-западными эстонскими племенами. Однако северные или северо-восточные племена этой группы Х. А. Моора условно называет «карельскими» племенами. Таким образом, он отграничивает довольно определенную территорию (Великолукская и Псковская области, юго-восточная Эстония и северная часть восточной Латвии), население которой может быть названо «чудскими» племенами. Поскольку речь идет о 1-м тысячелетии до н. э., данный термин носит чисто условный характер, хотя он и не лишен, впрочем, некоторого основания.

Из отдельных племен в качестве чуди в первую очередь выступали эсты. Об этом убедительно говорят русские летописи — при описании походов на чудь в местности, занятые издавна эстонским населением (например, на город Оденпя — «Медвежья голова»). Начиная с XI в. эсты именуются в летописях чудью, а Эстония — Чудской землей. Кроме того, в понятие *чудь*, несомненно, входили *водь* и *ижора*. Академик П. Аристе [Ariste, 1965] отмечает, что деревню Wainkylä (Väinkylä) Ленинградской области — бывшую ижорскую деревню, в которой также проживает водь, русские называют Чудиново или Чуиново. Русские соседи до сих пор называют водь чудинами, чудью, а водский язык — чудским языком. Х. А. и

А. Х. Моора [1965] приводят данные о том, что в XII—XIV вв. в Новгороде водью называли не все водские племена, а только северо-восточные.

Территория северо-западного водского племени (на запад от Котлов и Ополя до реки Нарвы) еще в XV в. носила название *Чудь*, а ее население (северо-западная водь и ижора) — *чудинцы*. «В Чуди» находились Толдожский и Ополецкий погосты, расположенные к северо-востоку от города Ямы (ныне Кингисепп), а также часть Каргальского погоста. М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров [1959, с. 228] употребляют термин *чудь* по отношению к населению XI—XIV вв. на территории северо-восточной Эстонии. Находки из курганов свидетельствуют о проникновении смешанного водско-славянского населения на северо-восток Эстонии. «Мезокранный, более широко- и низколицый тип, фиксирующийся в этих курганах, конечно, связан с древней чудью. На юго-востоке Эстонии тот же тип представлен в краниологических материалах XIV—XVIII вв., а также у современного населения», — пишут исследователи [Там же].

В научной литературе XIX в. нередко под чудью понимаются население Кольского полуострова (*кольская чудь*) и жители Финляндии (летописные *емь* и *сумь*). Академик А. И. Шёгрэн [Sjögren, 1861] выдвинул теорию о том, что население Заволочья некогда состояло из племени *емь* (ямь), которое якобы переселилось из Заволочья на рубеже 1—2-го тысячелетий н. э. в Финляндию. Вепсы, по теории ученого, являются остатками этого племени, он называет их «первобытные финны». М. А. Кастрен, следуя своей гипотезе о переселении финнов с юго-востока на северо-запад, считает, что финны на своем пути осели на Двинской земле: «Древние обитатели Двинской земли (чудь в русских летописях и заволочская чудь у историков) — не просто финского происхождения, но настоящие финны» [Castrén, 1862, S. 98]. Впрочем, во взглядах М. А. Кастрена на этническую принадлежность чуди существует известная путаница (противоречия нередки в пределах одной и той же работы). М. Фасмер, говоря о чуди Псковской губернии, указывает, что *чудь* — старое название для собственно финского населения Псковской губернии до поселения русских [Vasmer, 1934, S. 368].

Термин *чудь*, входящий в название *заволоцкая чудь*, означает не только западные племена, но и относительно восточные. Одним из этих племен были вепсы. Имя *чудь*, *чухари* было даже официальным названием этой народно-

сти вплоть до 20-х годов нашего века. По данным этнографа Э. П. Малиновской [1930], вепсов Лодейнопольского уезда соседнее русское население называло чухарями. Кроме того, вепсы были известны как *кайваны* (ср. финский этноним *кайнуу*, *kaipulaiset*), но это прозвище считалось ругательным. Жителей села Исаева Вытегорского района Вологодской области до сего времени называют кайбанами, а прежде звали чухарями [Пименов, 1965, с. 188].

Точка зрения, что современных вепсов следует отождествить с летописной чудью, проникла в литературу давно. Уже в своей первой работе о финно-угорских народах эстонский ученый академик Ф. И. Видеман понимает под «новгородской чудью» вепсов. Он указывает, что вепсский язык очень близок южноэстонскому диалекту, и предполагает, что между южными эстами и вепсами существовал прямой контакт до того, как они были разделены поселениями славян [Wiedemann, 1838]. Некоторые советские исследователи также определяют чудь как вепсов. Д. В. Бубрих [1948, с. 121—122] считал, что термин *чудь* с самого начала относился не только к племенам у западных рубежей, но и к племенам с относительно восточным географическим положением. Это ясно из того, что на первых страницах летописи упоминается заволоцкая чудь. Впервые название *чудь* по отношению к вепсам документально засвидетельствовано в 1251 г. (часть населения у озера Кубенского, которое трактовалось уже не как весь, ибо весь Белозерья уже потеряла свое «реноме», а просто как чудь). Позднее это название по отношению к тому же населению начинает упоминаться все чаще и чаще. В наше время русское население называет вепсов чудью или родственными названиями.

Таким образом, по Д. В. Бубриху, термин *чудь* стал применяться к вепсам лишь с середины XIII в., а до того употреблялся по отношению к целому ряду других финно-угорских племен. Другой советский исследователь В. В. Пименов [1965] с полной определенностью считает, что заволоцкая чудь могла быть только вепсами и никем иным. Эта точка зрения встретила обоснованную критику (см., напр.: [Лашук, 1969, с. 215]), поскольку В. В. Пименову не удалось доказать широкого движения древней веси на северо-восток и вообще существования столь широкого ареала обитания веси, который он очерчивает.

Неоднократно под чудью русское население понимает карел. Этнограф И. Калинин [1913] свидетельствует, что

в Онежском уезде карелы называются чудью. Под названием обонежской чуди в Олонецкой и Новгородской губерниях в конце XIX в. были известны *карелы-людики* [Списки населенных мест... 1879, т. 27, с. XLIX]. В упоминавшейся уже работе М. А. Кастрена [Castrén, 1862, S. 100] высказывается мнение, что заволоцкая чудь древнерусских летописей обозначает карел, так как имени *корела* у Нестора нет. Вслед за М. А. Кастреном Д. К. Зеленин пишет: «Заволоцкой Чудью наши предки называли чаще всего карелов, но иногда, по-видимому, этим полу-географическим полу-этнографическим термином звались и коми (зыря.) и некоторые мелкие югорские народы. Самое имя от самоназвания *Sawolax* (теперь в Финляндии), примененное к слову „в́лок“... И эта Заволоческая чудь сохранилась до сих пор под названием карел на „Карельском берегу“ в Архангельской губернии и в разных местах бывшей Олонецкой губернии» [1929, с. 102]. Здесь стоит указать на неверность представления некоторых исследователей (идушего опять же от М. А. Кастрена) о том, что будто бы фин. *Sawolax* (ср. самоназвание небольшой группы финского населения Ленинградской области савакот и области Саво в Восточной Финляндии) как-то связано с русским названием Заволочья. Здесь, безусловно, случайное звуковое сходство. Реальность же собственно русского названия географической области *Заволочье* не подлежит сомнению ввиду наличия исторически известных волоков в данном районе.

В литературе бытует также мнение о том, что заволочская чудь — смешанное вепско-карельское население Заволочья. Наиболее четко эту мысль высказал В. И. Лыткин [1963], исследовавший прибалтийско-финские заимствования в коми-зырянских диалектах. Вепские и карельские заимствования в коми языке говорят, по его мнению, о каких-то древних связях между коми-зырянами и вепско-карелами: «Видимо, эти слова проникли в коми язык из языка летописной заволоцкой чуди, которая была еще тысячу с лишним лет тому назад в бассейне Северной Двины, в непосредственном соседстве с коми. По Ефименко, XVII век есть век утраты существования элемента чудской национальности. В XV—XVI вв. в Двинском крае заволоцкая чудь, видимо, обитала в виде остатков среди русского населения. Таким образом, заволоцкая чудь жила в бассейне Северной Двины по крайней мере начиная с IX в. н. э. и кончая XV—XVI вв., в первое время сплошной массой, а впоследствии островками среди

русских, заселявших этот край с запада и юго-запада, и отчасти среди коми, двигавшихся в Северо-Двинский край с юга, из пределов современной Кировской и Пермской областей» [1963, с. 4].

По народным преданиям, сохранившимся в памяти от эпохи новгородской колонизации, заволоцкая чудь занимала следующую территорию: почти все пространство Архангельской губернии, от Кандалакшской губы Белого моря до реки Коротаихи, за Большеземельской тундрой, берега Коротаихи, устье Печоры, берега Ижмы и Мезени в Мезенском уезде, Пинеги и Немнюги в Пинежском уезде, побережья Белого моря, известные под именем Зимнего и Летнего берега, устье Двины в Архангельском уезде, берега Онеги в Онежском уезде, побережья Кандалакшской губы в Кемском и, наконец, берега Двины в Холмогорском и Шенкурском уездах и впадающих в нее рек: Ёмцы, Мехреньги, Ваги и притоков последней. В Кемском уезде меньше всего указаний на пребывание чуди, а в Шенкурском и Холмогорском — больше всего [Ефименко, 1869, с. 32—33].

Предположение о том, что, помимо известных нам финно-угорских племен, существовало особое племя, впоследствии русифицированное, впервые попытался научно обосновать шведский ученый К. Б. Виклунд. Он пишет: «Лопарское слово *šudde* исконно и не может быть ни в коем случае заимствованием от русских, с которыми лопари в древнее время сталкивались. Точно так же и русское слово не может быть признано заимствованием из лопарского. В таком случае оно могло быть заимствовано обеими сторонами от какого-нибудь вымершего чудского народа и составляло настоящее название этого последнего... Тот факт, что слово начинается с *š*, не противоречит обычному предположению, что чудь была финнами, так как и теперь еще в восточной группе балтийско-финских языков встречаются слова с начальным *š*» [Wiklund, 1911, р. 195—196; Цит. в пер. А. Л. Погодина]. А. Л. Погодин [1912, с. 107] принимает гипотезу Виклунда и считает, что саамы заимствовали свой язык от вымершего финского народа в ту эпоху, когда они могли заимствовать у восточных финнов, т. е. в эпоху финно-угорской языковой общности (с точки зрения современных исследователей, скорее, в раннеприбалтийско-финскую эпоху). Этот финский народ жил в Новгородской и Тверской губерниях, а также в Костромской, Ярославской, северных уездах Московской губернии и еще севернее — в Вологодской

и Олонецкой губерниях. В языке его при многих звуковых явлениях, сближающих его с карелами и весью, были и иные явления, приближающие этот язык, скорее, к восточным финнам (развитие звука *š* и другие явления). Возможно, это была мера.

Впоследствии гипотеза об особом «чудском» наречии стала приобретать сторонников. А. И. Попов локализует «чудской» диалект в районе Водлозера Архангельской области. Население Водлозера в недавнем прошлом было известно русским под именем «чуди». Топонимия этого района ближе к вепсской или людиковской, но не имеет характера собственно карельской: Вавдиполь, Варишпилда, Коскосалма, Канзанаволок, Маткалахта, Калакунда и т. п. Указанные названия А. И. Попов считает «чудскими», понимая под этим термином принадлежность данных названий какому-то исчезнувшему в настоящее время прибалтийско-финскому диалекту, наиболее близкому к вепсскому языку: «данные вепсского языка подходят довольно близко к водлозерскому „чудскому“ диалекту XV—XVI вв., но далеко не полностью совпадают с ним... следует предположить некоторую обособленность водлозерского „чудского“ диалекта от всех известных нам ныне видов прибалтийско-финской речи» [Попов, 1958, с. 100].

Гипотеза А. И. Попова была подвергнута критике М. М. Хямяляйненом [1958], который не согласился с этимологией ряда слов из приведенных названий. Он относит их к вепсскому языку, южнокарельским и собственно карельским говорам и к другим прибалтийско-финским языкам, считая, что для предположения о вымершем прибалтийско-финском диалекте нет достаточных оснований. Однако А. К. Матвеев, изучая севернорусскую субстратную топонимию, пришел к выводу о том, что в бассейне Северной Двины (Заволочье) прослеживается особый ареал топонимии с формантом *-ньга*. «Так как ареал топонимии на *ньга* примыкает к территории распространения прибалтийско-финских языков (карельского и вепсского) и совпадает с территорией, которую некогда занимала летописная Чудь Заволочская, можно высказать предположение о принадлежности топонимии на *ньга* языку этого загадочного народа» [1960, с. 109]. Фонетический анализ топонимии на *-ньга* привел А. К. Матвеева к заключению о финно-угорском характере языка-источника и, более того, о прибалтийско-финском (или саамском) происхождении топонимии на *-ньга* (на основании чередования ступеней согласных). Правда, в историческом

плане топонимия на *-ньга* содержит два пласта: прибалтийско-финский (субстратный) и дофинно-угорский (субсубстратный). Возможно даже, что топоформант *-ng* (или *ng* + гласный) характеризовал дофинно-угорский пласт и впоследствии был воспринят и переосмыслен прибалтийско-финским языком заволочской чуди [Там же, с. 112].

Термин *чудь* в устах русского населения победно прошествовал и в Сибирь, где им стали называть ханты и манси, а затем распространили это название на все жившее в Западной Сибири народы вплоть до Алтайского хребта [Ефименко, 1869, с. 32]. Чудью, по сообщению В. И. Даля [1956, т. 4, с. 612], стали называть всякое финское (=финно-угорское) племя, особенно восточное (*чужаки*) и нередко говорили бранно — *чудь белоглазая*, «*Чудаки* и *чудаки*, сиб. *чудь* (т. е. странный и чужой), ж. сбр.: народ дикарь, живший по преданию в Сибири и оставивший по себе одну лишь память в буграх (курганах, могилах); испугавшись Ермака и внезапно явившейся с ним белой березы, признака власти белого царя, *чудь* или *чудаки* вырыли подкопы, ушли туда со всем добром, подрубили стойки и погибли. Чудь в землю ушла. Чудь живьем закопалась, чудь под землей пропала», — писал В. И. Даль [Там же].

Предания такого рода широко распространены на севере европейской части СССР и в Сибири. Вот одно из преданий о чуди, записанное в 1970 г. в городе Каргополе: «Чудь? Белоглазые племена? Так они пришельцы с севера! Каждую зиму приходили, вот горе!.. Коренное население было здесь великорусы, отбивались много лет: отбили чудь — ушла опять на север. А битвы, видно, большие были, потому что когда строят дома, то находят большие — как и нечеловеческие — такие большие кости. Были битвы — недаром ведь Валушки стоят! Где какая битва была — там и церковь поставлена, в честь этих битв с чудью, деревянная церковь. Церковь деревянную сожгли, стали на этом месте жить, колодец копать — нельзя колодцев копать, нельзя жить: везде огромные кости. Поставили на тех местах каменные церкви. Тут ведь не зря эти церкви, они как памятники над могилами этих убитых!» [Северные предания, 1978, с. 48—49].

Во время своих путешествий М. А. Кастрен слышал сведения, распространенные среди русских крестьян Заволочья, что пермяки, зыряне, карелы и др. принадлежат чудскому роду, однако они всегда отличаются от

старой, настоящей чуди, которая имела другую религию, поселения и образ жизни, чем русские [Castrén, 1862, S. 87].

В представлениях русского населения Севера легендарная чудь постепенно стала смешиваться с другими народами. Например, в преданиях жителей Олонецкой губернии заметно смешение чуди с «панами» (так назывались польско-литовские отряды, грабившие Север в Смутное время, в начале XVII в.). Даже воспоминания о нашествии татар слились в сознании населения с образом чуди — разбойников древности. В предании, записанном в Архангельской области фольклорными экспедициями МГУ, встретилось понятие «татары-чудь белоглазая». Во многих местах термины *чудь*, *чухна* получили значение бранной клички, обозначая диких, отсталых, бестолковых людей: вологод. *чухня* «бестолковый дурень», поговорка «грязный, как чуди». Каргопольцев дразнили: «чудь белоглазая, сыроеды». Пренебрежительный оттенок получили в дореволюционное время и наименования эстонцев и ингерманландских финнов *чухна*, *чухонец*, хотя в самих этих этнонимах не содержится никакого оскорбительного смысла (так же, как в названиях *вогулы*, *остяки*, *лопари*, *вотяки* и т. п.): старшее поколение жителей Псковской области до сих пор вполне нейтрально именуется Эстонию *Чухонщиной*; говорят, например: «Ушел в Чухны, работал на Чухонщине».

Термины *чудь*, *чухна* известны и среди самих финно-угорских народов. У южных эстонцев слово *tsuhkna* — собирательное наименование финнов, эстонцев, води, ижоры [Муст, 1954, с. 344]: видимо, в данном случае это слово заимствовано из русского языка. Многие водские жители, говоря по-русски, именовали себя *чудья* [Моора Х. А., Моора А. Х., 1965].

Вепсы Лодейнопольского уезда еще в 30-е годы называли себя только чухарями в отличие от вепсов соседних районов, употреблявших самоназвание *vepsä* [Малиновская, 1930]. Карелы понимали под чудью воинственный древний народ: «То был народ огромный и великий, говорит это предание, душегубы лютые; каждое лето приходили они с гор и убивали бездну народа, — а потом уходили на Ладугу» [Елисеев, 1880, с. 289]. Такого рода сказания о племени чудь были распространены в особенности между карелами Олонецкой губернии. А. В. Елисеев высказывает предположение, что карелы смешивают пабеги чуди с набегами финнов, которые могли сходиться

с гор (т. е. о отрогов гор восточной Финляндии) и уходить за Ладогу. Но тут же он добавляет, что, возможно, чудь — другое племя, хотя и близкородственное финнам, жившее в северо-восточной Финляндии.

Особый интерес вызывает употребление названия чуди у саамов: термин *čudde*, *čutte* (у русских саамов — чўддэ, чўттэ, чўдде, чўтте) в различных диалектных формах схож с русским названием и весьма широко употребляется в саамском фольклоре. В диалектах кольских, а также норвежских, финских и шведских саамов название чуди употребляется в значениях: «враг», «подозрительный человек», «преследователь», «разбойник». Повсеместно в саамских преданиях чудь — легендарный вражеский народ, грабивший лопарей. В значении «враг» иногда употребляется и слово *каръеле* «карел». В отличие от слова *руц* «шведы» (рус, фин. *guotsi*), кольские саамы термином *чудь* (*čudd'*) в большинстве случаев обозначают врагов вообще; словом *чудечуэрвь* называют предводителей отрядов иноземных захватчиков [Керт, 1961, с. 7, 216]. Д. Н. Островский [1889] считал, что чудь лопарских преданий — это финны-суоми. Позже эту точку зрения поддержал С. С. Гадзяцкий [1941, с. 174]. Вообще же саамский термин *чудь* — имя народа, встречающегося только в преданиях о разбойниках древности. Терские лопари хорошо помнили о чуди. В своих рассказах они не смешивали чудь с карелами. Чудь называли «некрещеной дичью» [Ефименко, 1869, с. 91]. Однако в фольклоре саамов есть и такие предания, в которых в сознании рассказчиков древняя чудь может смешиваться с карелами, русскими (позднейшие нападения новгородцев), шведами, финнами и норвежцами.

Русское и саамское названия чуди могут быть сопоставлены друг с другом [Wiklund, 1896]. Это слово обозначает некое прибалтийско-финское племя, теперь уже обрусевшее, в прошлом враждебное саамам. Э. Итконен [Itkonen, 1955, S. 43] считает саам. *čudde* (*čutte*) словом финно-угорского происхождения, судя по его фонетическому облику. Если встречающееся в России название прибалтийско-финских племен *чудь* связано с этим, полагает финский исследователь, тогда оно заимствование либо из финского (маловероятно), либо непосредственно из саамского.

Ю. Мягисте [Mägiste, 1950] сопоставляет саам. *čudde* с финским *suude* «клин». Он считает, что саам. *čudde* по происхождению было апеллятивом и по значению иден-

точно с этнонимами для воды (*vadja*, *vaaja*) и саамов (*lappi*). Первоначальной формой было, вероятно, **šūta*: **šūdan*, которая у прибалтийских финнов связывается с *suude* «клин». В русский язык слово *чудь* попало из саамского. Водь, предположительно называемая саамами *sūta*, совершала набеги на саамов, поэтому слово *sūta* позднее приобрело в саамском языке значение «враг».

Этимология Ю. Мягисте сталкивается с серьезными возражениями. Так, Э. Итконен [Itkonen, 1955] замечает, что звуковой состав *šūde* и *suude* не очень ясен, и с таким же основанием можно было бы к *šūde*, *šutte* подвести слово из самого саамского языка, т. е. швед.-саам. *šotte* «клин». Х. А. и А. Х. Моора [1965, с. 70] приводят другие соображения, скорее логического порядка: непонятно, как могли славяне получить этноним племени *чудь* от обитавших далеко на севере саамов, в то время как уже гораздо раньше они соприкасались на более южной территории с финно-угорскими племенами. Мнение о том, что водь совершала набеги на саамов, полагают авторы, не обосновано.

Существенно также уяснить, в какой степени вероятно заимствование слова *чудь* в саамском языке из русского. В этой связи обратим внимание на работу В. В. Сенкевич-Гудковой [1956]. В иоканьгском диалекте саамского языка существуют три варианта слова *чудь*. Во мн. ч. употребляется форма *чуда*, в ед. ч. два варианта: *чудтэ* и *чудтэлай*. Обе эти формы характерны и для названий других народов в ед. ч., напр. *саам* и *саамлай*. Ср. финские названия народов в ед. ч.: *suomalainen*, *karjalainen*. В. В. Сенкевич-Гудкова предполагает, что из двух вариантов саамского названия более древним является первый вариант. Это слово не может быть русским заимствованием в саамском языке, а представляет собой самоназвание племени *чудь* или же саамское название данного народа. Слово *чудь*, попав в русский язык, по случайному созвучию сблизилось со словами *чудо* и *чудной* (в диалектном значении). «Некоторым доводом в пользу нашего предположения является тот факт, что русские летописи все остальные финно-угорские племена называли так, как они сами себя называли: сумь, ямь, корела, меря и т. д.» — пишет В. В. Сенкевич-Гудкова [Там же, с. 103]. Она против перевода слова *чудь* как «враги» (фин. *vainolaiset* у Европеуса), так как в саамском языке понятия «война, вражда, враг» и т. д. выражаются корнем *тоарр-* или

туорр-, который этимологически не имеет ничего общего со словом *чудтэ*.

Итак, русские не могли заимствовать этноним *чудь* от саамов, а саамы не могли заимствовать его от русских. Аналогичный вопрос о заимствованиях названия *чудь* от русских возникал и по отношению к пермским народам. Но заимствование коми этого термина от русских маловероятно, хотя и не исключается. Во многих преданиях коми говорится о прямом генетическом родстве коми с чудью. Ю. Вихман в «Словаре зырянского языка» писал: «Коми-зырян *t'sud*, *t'sud* — народ (дикий, закапывался в землю живьем, чтобы не сдать врагам), который некогда жил в области зырян; он говорил по-зырянски, был языческим» [Wichmann, 1942, S. 304—305].

В конце XIX в. предания о чуди широко бытовали среди коми-зырян и коми-пермяков [Ефименко, 1869, с. 42—44]. Коми-пермяки, считавшие чудь своими предками, имели следующий физический тип: волосы темно-русые, почти черные, лицо продолговатое, кожа смуглая, глаза карие и темно-карие, нос прямой, узкий, губы тонкие, подбородок острый. Работы Л. С. Грибовой [1964] показали, что бытующий до сих пор у коми-пермяков культ «древних» отразил отношение народа к чуди как к дохристианским предкам коми-пермяков. Кроме того, коми-пермяки почитают так называемый старый народ. Они подразумевают какое-то древнее население Верхнего Прикамья, которое исчезло с приходом «нового» народа, т. е. коми. Его называют также «иным», «прежним» народом, «неверующим», «антихристианами» и чаще всего чудью (чуть, чучкёйез). О чудских кладбищах говорят, что здесь лежат не «наши», чужой, прежде живший народ, чудь, которая «сама себя захоронила».

В некоторых зырянских местностях бытует представление о чуди как о неизвестном народе, раньше жившем в области зырян. Одни похоронили себя в земле, другие ушли на север. Они оставили после себя могильные холмы или курганы с золотом и драгоценностями. По одному из зырянских преданий, зыряне при своем переселении зашли на берегах Ижмы чудь и слились с нею, а также с русскими и самоедами (ижемское наречие). Среди жителей города Пустозерска (бассейн Печоры), например, до сих пор известны предания о чуди, вошедшей в состав русского населения. Многие русские и зырянские семьи вели свой род от чудского племени [Лашук, 1958, с. 63]. Аналогичным образом в состав удмуртского народа вошли не-

которые роды и племена другого финно-угорского происхождения (ср. имена удмуртских родов Чудьёа, Чудна). Ижевский финно-угровед М. Г. Атаманов [1978, с. 123] предполагает прибалтийско-финское происхождение этих родовых группировок и их названий; нам кажется, что их происхождение могло быть и местным, если учесть данные о соседних с удмуртами коми.

Однако возникновение термина *чудь* в Прикамье — вопрос, остающийся дискуссионным. Пермский отдел Географического общества СССР в свое время даже организовал целую конференцию, посвященную чудю; материалы конференции были опубликованы в 1974 г. Пермские исследователи А. С. Кривощекова-Гантман, Е. Н. Полякова, В. В. Климов, В. А. Оборин почти единодушны в том, что термин *чудь* и предания о чудю были занесены в Прикамье русскими переселенцами. А. С. Кривощекова-Гантман [1974, с. 137] принимает в качестве первоначального значение русского слова *чудь* — «чужой, необычный, странный»; с течением времени слово обросло новыми переносными значениями: официальное *чудь*, устное *чуды* стали применяться к коми-пермякам, затем к нехристианам, язычникам, т. е. «поганым»; отсюда уже недалеко до понятия чертей, нечистой силы. Е. Н. Полякова [1974, с. 129] также говорит о развитии неэтнонимических значений из первоначального этнонимического. Во многих русских говорах Прикамья (на которые, несомненно, повлияло тесное соседство с пермскими народами) термин *чудь* изменил свой звуковой облик: зафиксированы такие слова, как *чучки, цуцки, чукчи, чучканы, чуды, чучи, чуча, цуца, чутки, чудки, чудаки*. Правда, автор допускает, что какие-то из этих слов могли произойти не от слова *чудь*, а возникли иным путем, но совпали с ним по значению.

Интересно, что в преданиях, записанных в Пермской области, *чудь* и *чуды* выступают либо как великаны с богатырской силой, либо, наоборот, — как маленькие человечки, которые в траве передвигались, как в лесу. В словах *чучканы, чучкари* наблюдается явно неодобрительный оттенок — «необразованные, отсталые люди» (ср. в соликамских говорах: «Раньше-то мы как чучканы жили, ничо не знали, ничо не понимали»). Е. Н. Полякова приходит к выводу, что чудью в Прикамье называют не какие-то конкретные племена и народы определенной территории и определенной эпохи, а древнее, дорусское население различных эпох. Что же касается преданий о чудю, то В. А. Оборин [1974, с. 120], хотя и считает их занесенны-

ми в Прикамье первыми русскими переселенцами, но отмечает тот факт, что чудь могла быть в числе предков коми-пермяков. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре не просто копируют русские предания о чуди, но имеют местную историческую основу.

Представления о некоем исчезнувшем древнем народе, подобном чуди, есть и у других народов Севера и Сибири, но названия употребляются уже иные. Обские ханты связывают древний народ с великанами, обладавшими колдовской силой; ненцы, наоборот, с духами-невидимками (сиртя, сихиртя). Л. В. Хомич [1970] отмечает, что название *сихиртя*, малорослого народа, отличного от ненцев, употребляется в ненецких преданиях как равнозначное чуди.

Таким образом, мы видим, что термин *чудь* многозначен, не может быть приписан какому-то одному из ныне существующих финно-угорских народов. К уже упомянутым многочисленным научным гипотезам нужно добавить еще мнение А. К. Матвеева [1960, с. 118] о том, что заволоцкая чудь представляла собой древнейшее саамское население, ассимилированное вепсами. В свою очередь, этнографы тоже уделили много внимания этнической принадлежности древнего населения Приуралья. Л. П. Лашук [1968] пишет, что оленные самоеды, появившиеся в Приуралье около X в., застали в тундре и на морском побережье население, обитавшее в подземных жилищах, где затянулся каменный век. Он критикует как устаревшую гипотезу Г. Н. Прокофьева [1940], согласно которой приморские охотники сиртя входили в круг древних племен, на основе которых формировались также луораветланы, нымыланы, эскимосы и некоторые другие народности крайнего северо-востока Сибири (так называемые палеоазиаты). Л. П. Лашук предполагает, что культура сиртя связана с уральским этногенезом; может быть, сиртя были родственны саамам.

В любом случае совершенно ясно, что загадка чуди пока далека от своего разрешения. Фактически в руках исследователей в основном фольклорные данные и топонимия. Конечно, это уже немало. Например, сравнительный анализ преданий о чуди привел Ю. И. Смирнова [1972а; 1972б] к выводу о существенном типологическом сходстве подобных преданий у разных народов Северной Европы. Исследование тематики и повторяющихся мотивов (чудские ямы; нападающие враги начинают рубить друг друга; уничтожение нападающих врагов с высокого

места и т. д.) показывает, что события, описываемые в преданиях о чуди, происходили до эпохи применения огнестрельного оружия. Характерны поразительные совпадения (генетические или синхронные) в преданиях карел, саамов, русских, коми и даже башкир (в связи с преданием о Рахте Рагнозерском). Происхождение преданий о чуди, очевидно, не может сводиться к одному источнику и связываться с фольклорной традицией какой-либо одной этнической группы. Несмотря на то что, как мы видели, этноним *чудь* приобрел весьма широкое значение и его нельзя в настоящее время отождествить с названием или самоназванием лишь одного определенного народа, данные фольклора саамов, русских, коми и ненцев показывают, что под чудью, видимо, подразумевался какой-то особый народ. Предания о чуди древние; они существовали на Севере еще до появления здесь русского населения.

Каждая из наук, занимающихся проблемой чуди, — лингвистика, археология, этнография, фольклористика — располагает своими собственными методами для исследования этого древнего народа. Можно полностью согласиться с В. В. Седовым, когда он пишет: «Совместные решения этногенетических проблем представителями разных наук возможны только при том условии, что выводы каждой отрасли науки покоятся на собственных материалах, а не навешаны данными смежной науки» [1979, с. 17].

Мы уже говорили о различных формах этнонимов *чудь*, *чухна*, *чухарь* и обратили внимание, во-первых, на сходство этих слов между собой (хотя убедительно доказать их этимологическое родство пока не удастся); во-вторых, на тот факт, что слово *чухарь* в севернорусских говорах обозначает не только народ (вепсы), но и птицу «глухарь». Любопытно, что другие севернорусские диалектные слова *чуча*, *чукча*, обозначающие *чудь*, также, по-видимому, можно связать с саамскими диалектными словами *чухч*, *чукча* «глухарь», и коми-зырянским *чукчи* (диалекты вычегодский, печорский, ижемский, удорский); в том же значении можно упомянуть и диалектное верхнесольское *чукар* «глухарь». Саамское и коми-зырянское слова считаются этимологически родственными и возводятся к эпохе прафинно-пермской языковой общности. Нам кажется, что такое совпадение не случайно. Эти современные омонимы — название народа и название глухаря — когда-то были тесно связаны между собой семантически.

Л. П. Лашук [1969, с. 209] полагает, что русские называли вепсов чухарями, т. е. «глухими к русскому языку»; сходным образом, как мы помним, П. Вереш [1977, с. 47] объясняет этноним *манси*, связывая его со словом, обозначающим глухаря в мансийском языке. В отличие от самоназваний типа «говорящий человек», соседи, чуждые этнические группы могут называться «немыми, глухими», и т. п. В силу этих общих соображений трактовка Л. П. Лашука была бы приемлемой, но, к сожалению, она касается только формы *чухарь* и не объясняет названия *чуча*, *чукча* и т. п., «птичьи» аналоги которым имеются в саамском и в коми-зырянском языках, но не в русском. Правда, в диалекте инари саамского языка слово *šihčä* «глухарь» может употребляться и в бранном смысле — «дурак» [Itkonen, 1986, S. 108]. Таким образом, можно проследить логическую связь между обозначением глухаря и пренебрежительными наименованиями людей. Но мы точно не знаем, какое понятие в русском языке возникло раньше: *чухарь*-этноним или *чухарь*—обозначение птицы. Выяснение истории этих слов потребовало бы специального исследования, которое увело бы нас далеко от чуди. При этом семантические связи этнонима *чухарь* совершенно не обязательны для этнонима *чухна* и тем более для термина *чудь*. Так что «дело о чуди» все больше осложняется сопутствующими обстоятельствами. Наконец, следует учесть, что *глухарь* был тотемом целого ряда родовых подразделений уральских народов и не исключено, что проблему чуди нужно рассматривать с этой точки зрения и в широком этнографическом контексте.

Вероятно, на этом следует поставить точку, так как, не имея достаточных научных данных для дальнейших обоснованных выводов о чуди, мы не хотим углубляться в область безудержной фантазии. Ведь рискованные сопоставления делать легче всего: достаточно заметить внешнее сходство — и гипотеза готова. Например, у некоторых читателей после прочтения этого раздела могла бы возникнуть законная мысль: а не связано ли пермское и сибирское название *чукча* «чудь» с именем народа *чукчи* на Чукотке? Тем более что находятся исследователи, предполагающие древние связи всего населения Северной Евразии. Здесь придется сразу же развеять возможные иллюзии. Ни данные этнографии, ни данные лингвистики, особо важные в решении таких вопросов, не свидетельствуют в пользу древних связей протосаамов или самодийцев с палеоазиатами. Во всяком случае, пока следы таких кон-

тактов реально не обнаружены. Два одинаково звучащих термина *чукча* в русском языке — не более чем случайное совпадение. Самоназвание всех чукчей *луораветланы* «настоящие люди», а *чукчи* — это русская и якутская формы самоназвания тундровых чукчей — *чаукчу*, *чавчу*, мн. ч. *чавчуват* со значением «имеющие оленей». Оказывается, в самом чукотском языке этот этноним звучит совсем иначе, чем в русском, и вряд ли имеет какое-то отношение к чукчам-чуди (разве только можно предположить, что преобразование слов *чаукчу*, *чавчу* в *чукча* произошло под влиянием тех русских переселенцев с Европейского Севера, которым было известно слово *чукча* в значении «глухарь»).

Так что вывод из этого один: поиски следов уральской чуди нужно продолжать. С нашей точки зрения, перспективно все же искать следы чуди в истории сложения уральских народов и арктических народов Северной Евразии, где исследователей, вне всякого сомнения, ожидают удивительные находки и открытия.

Большинство древних этнонимов, как мы видели, трудно поддаются объяснению. Иногда в научной литературе слышится предостерегающий голос осторожных исследователей. Итальянский языковед В. Пизани справедливо писал: «Этимологизирование собственных имен, неясных для нас ни в своем значении, ни со стороны принадлежности их определенному народу, — это дело щекотливое и использовать его для широких обобщений — вещь опасная» [1956, с. 188].

Тем не менее в книге мы никак не можем обойти этноним *русь*, хотя он не менее загадочный, чем *чудь*, и к тому же остродискуссионный термин. Но кто сказал, что нужно обходить остродискуссионные вопросы? Ведь они-то как раз и вызывают у нас наибольший интерес, а в спорах рождается истина. В данном случае загадочно лишь одно происхождение этнонима *русь* (в чем его немалое преимущество перед *чудью*), но никак не принадлежность определенному народу.

Этноним *русь* тем более важно рассмотреть, что в книге идет речь не только о названиях народов, но и о названиях стран, государственных объединений. *Русь* — как раз пример такого этнонима, который в силу исторических обстоятельств и большой политической значимости стал названием древнерусского государства: *Русь*, *Русская земля*.

Война «северных» и «южных»: полемика вокруг Руси

Литература, посвященная происхождению названия *Русь*, чрезвычайно обширна, и вряд ли можно внести в изучение этого вопроса что-то принципиально новое. Тем не менее постоянно появляются работы на эту тему, накапливающие дополнительные исторические и филологические данные. Безусловно, есть смысл в том, чтобы время от времени проводить обзор научных гипотез и рассказывать о новых работах, потому что жгучий интерес к истории названия *Русь* как среди исследователей, так и в широкой читательской аудитории по понятным причинам никогда не утихает.

Прошло то время, когда кипели страсти вокруг концепций норманистов и антинорманистов: бурная полемика главным образом вызывалась тем обстоятельством, что вопрос о происхождении названия *Русь* самым тесным образом увязывался с концепцией возникновения самой древнерусской государственности. Те ученые, которые считали, что без пришельцев-норманнов Киевская Русь как государство не могла бы образоваться, во что бы то ни стало стремились доказать и германское (скандинавское) происхождение этнонима и хоронима (названия территории). С другой стороны, патриотов-русофилов такая постановка проблемы не устраивала, и они пытались обосновать исконно славянское, или скифское, или какое угодно, только не германское происхождение этнонима *русь*.

Здесь мы несколько упрощаем этот ученый спор, хотя суть его была именно такова. На самом деле среди обеих сторон было немало достойных ученых, филологов и историков, как русских, так и иностранных, которые имели дело с конкретным материалом, искренне верили в его достоверность и в правильность своей научной гипотезы.

С конца 30-х годов в нашей стране научная полемика приобрела совсем уж политическую окраску. Числиться «норманистом» стало небезопасно, так же как, например, небезопасно было говорить о роли финского этнического компонента в формировании некоторых народов нашего Севера: многие финно-угроведы были репрессированы, им было предъявлено обвинение в «финском буржуазном национализме».

В наше время, к счастью, чисто филологический вопрос о происхождении названия *Русь* благополучно отде-

лен от гораздо более важного исторического вопроса о происхождении Древнерусского государства. Самостоятельное образование государства восточными славянами, для чего имелись все исторические, политические и экономические предпосылки, с несомненностью доказано советскими и рядом зарубежных историков. Одновременно выяснилось, что роль норманнов (викингов) в создании других государственных объединений в Европе (например, в Польше) и в политической жизни Европы в целом сильно преувеличивалась. Концепции представителей школы норманистов были существенно пересмотрены и подвергнуты убедительной критике. Большая заслуга в этом деле принадлежит советским ученым В. Д. Грекову, М. Н. Тихомирову, В. А. Рыбакову, А. Н. Насонову, П. Н. Третьякову, В. Т. Пашуто, польскому историку Х. Ловмянскому и многим другим. Из современных исследователей следует упомянуть В. В. Седова, Е. А. Мельникову, В. Я. Петрухина и др. Дискуссия о норманнах продолжается и в наши дни.

Историография вопроса о происхождении этнонима *русь* в наиболее полном виде содержится в изданном на украинском языке «Этимологическом словаре летописных географических названий Южной Руси» [Этимологічний словник... 1985, с. 117—126]; автор этой словарной статьи — известный киевский топонимист А. С. Стрыжак — систематизировал большой материал и насчитал 15 различных научных гипотез. Сведения об этнониме можно получить и из книг А. И. Попова [1973], В. П. Кобычева [1973], Г. А. Хабургаева [1979], Х. Ловмянского [1985] (комментарии Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина к этой работе имеют самостоятельную научную ценность) и многих других авторов. Мы перечислили здесь лишь работы на русском языке, дающие относительно подробные сведения. Разумеется, мы не будем подробно рассматривать все научные гипотезы и расскажем лишь о тех, которые, с нашей точки зрения, заслуживают наибольшего внимания.

В самом общем виде существующие объяснения этнонима *русь* можно разделить на две категории: гипотезы «внешнего» и гипотезы «автохтонного» происхождения этнонима, если иметь в виду территориальный (а не языковой) принцип.

Заметим прежде всего, что в качестве обозначения восточных славян термин *русь* появился относительно поздно; свидетельством тому служит тот факт, что у са-

мых близких и родственных славянам балтов не было этого общего наименования восточных славян.

Пути возможного проникновения термина *русь* в Среднее Поднепровье с севера неоднократно описывались историками. Например, на широком историко-географическом фоне рассматривает эту проблему Д. А. Мачинский [1984], который перечисляет древние водные пути, связывавшие между собой северные и южные области Европы; эти пути в течение веков использовались для миграций, военных походов и торговли. Одним из таких путей был проложенный готами не позднее середины IV в. путь в Причерноморье через Финский залив, озера Ладожское и Онежское, далее через верхнее Поволжье, Волго-Окское междуречье, Оку, Сейм, Псел, Днепр. О существовании указанного пути говорит хорошее знакомство готов с прибалтийскими финнами и балтийской голядью. Д. А. Мачинский предполагает, что названия *русь* и *рос*, известные из разных источников, — две формы одного и того же этнонима: прибалтийские финны, уже в первые века нашей эры хорошо знакомые со скандинавами, называли последних *ruotsi*, *rots* (из др.-герм. *drott* «дружина»). В связи с этим автор предполагает, что служившее готам племя *rosomani* (возможно, *rosomani*, т. е. «люди рос») проникло на юг по описанному пути через причерноморские земли. В дальнейшем прокладывались и другие торгово-военные водные пути, в том числе знаменитый путь «из варяг в греки»; в этом большую роль играли скандинавы. Конец VIII—середина IX в. были решающей эпохой в разработке водных маршрутов, определивших пути развития Руси.

В середине IX в. как восточные славяне, так и европейский Запад знали о скандинавском происхождении пришельцев — русов (варягов) и отличали их от славян. Отличали их от славян и византийцы; арабы еще плохо дифференцировали русов и славян. Именно самые северные окраины обитания славян были, по мнению Д. А. Мачинского, первоначальной базой русов. Исследователь вполне доверяет летописной легенде об изгнании варягов и приглашении другой их группы на договорных началах. «После изгнания варягов начались племенные усобицы и славяно-финно-балтская племенная верхушка скоро осознала, что для нормального функционирования уже проложенного балто-волжского торгового пути, дававшего ей определенные доходы, необходима некая организующая суперэтническая сила, которой в данном истори-

ческом контексте могли стать варяги, прирожденные корабельщики, воины и торговцы. Приглашенная на договорных началах группа скандинавов так же, как и предшествовавшие, именовалась „Русью“, но поскольку она навсегда связала свою судьбу с судьбой местного населения, а ее потомки вошли в состав русской аристократии и дали великокняжескую династию, имя „Русь“ закрепилось именно за этой группой скандинавов. Первичное этническое содержание термина „русь“ быстро сменилось социальным, когда по сообщению летописи и варяги, и славяне, и прочие „прозвашася русью“, т. е. образовали тот слой полиэтничной военно-торговой аристократии, во главе которой Олег двинулся на Киев, а потом оттуда — на Царьград. В Поднепровье процесс славянизации Руси усилился, хотя наряду со славянским языком еще употреблялся и шведский и преобладали скандинавские имена. С середины X в. процесс славянизации Руси возобладал, и к концу X—началу XI в. на землях среднеднепровского „домена Руси“, вокруг Киева, Чернигова, Переяславля складывается славянская „русская земля“ — ядро Древней Руси... Древняя Русь складывалась на полиэтничной основе... варяги-русь, находившиеся в IX в. в зените своей политической и творческой активности... сыграли роль катализатора начавшихся процессов, роль дрожжей, брошенных в тесто, которому приспело время стать многослойным пирогом-государством. Правда, все социально-экономические предпосылки для возникновения государственности имелись в IX в. и в чисто славянской среде и можно было бы обойтись и своей закваской, но с варяжскими дрожжами получилось быстрее и лучше», — пишет Д. А. Мачинский [1984, с. 19—20].

Мы привели столь подробную цитату потому, что в ней в сжатом виде отражены характерные особенности концепции северного происхождения этнонима *русь* с подкрепляющими историческими соображениями. Не будем полемизировать по поводу «варяжских дрожжей»; отметим лишь, что и в этом смягченном варианте, с признанием предпосылок славянской государственности, роль варягов кажется нам преувеличенной. Кроме того, были не просто предпосылки: к моменту появления варягов существовала уже восточнославянская государственность как таковая. Отметим также, что несмотря на всю важность древних торгово-военных водных путей (которыми пользовались готы, варяги и другие пришельцы, а также, безусловно, само местное население), экономику и поли-

тику восточнославянских земель и складывавшегося на них государства определяли и многие другие факторы.

Если этноним *русь* возводить еще к готскому периоду, как это делает Д. А. Мачинский, то естественно привлечение названия *росомоны* — южного народа неясной этнической принадлежности, упоминаемого в источниках. Весьма привлекательна попытка связать русов и предполагаемых росов (росомонов) и одновременно объяснить оба названия как варианты одного и того же скандинавского этнонима. Но *росы* или *росомоны* — достаточно абстрактное понятие. К тому же большинство лингвистов считает, что *рус* или *рос* в данном случае — совершенно различные корни, несопоставимые между собой.

Один факт остается непреложным: прибалтийские финны действительно до сих пор называют Швецию Ruotsi, а шведов — ruotsalaiset. В карельском и вепсском языках этот этноним в форме ruotš был даже перенесен на финнов евангелического вероисповедания. Финское обозначение норманнов проникло и в пермские языки: коми-зырянское (роч) и удмуртское (зуч) названия русских заимствованы не из русского языка, а, скорее всего, через вепсский — около 900 г. Саамское слово ruoš'sâ «русский» — тоже старое заимствование из зап.-фин. rōtsi, ruotsi значения «Швеция, шведский язык, швед». Тот факт, что у саамов это имя стало обозначать русских, а не шведов, показывает, что термин употреблялся на восточной периферии западнофинской территории. Э. Итконен полагает, что первоначально термин обозначал варягов, или шведских викингов. Саамы знали варягов не как морской народ, а как обитателей района Ладожского озера. Варяги смешались со славянами, и постепенно это имя перешло и на славян [Itkonen, 1955, S. 41].

Тот факт, что прибалтийские финны называют Швецию Ruotsi, не может не учитываться сторонниками северного происхождения этнонима *русь*. Но интерпретируется этот факт по-разному. Некоторые исследователи придерживаются той точки зрения, что *русь* и *варяги* — одно и то же и, следовательно, *русь* и Ruotsi — слова скандинавского происхождения. Шведский ученый Р. Экблум еще в 1915 г. выдвинул объяснение термина *русь* из западноскандинавского корня *rōf(r)s- со значениями «гребля», «рыбная ловля», «место причала». По предположению Р. Экблума, около 800 г. этот корень был заимствован в прибалтийско-финские языки в форме *rōtsi, что затем в восточнославянском дало форму *русь* [Ekblom,

1957]. Смысл этнонима, таким образом, разъясняется как обозначение гребцов, мореходов (в древнеисландском языке есть подобные слова от этого же корня и с таким значением — *Rofsmenn*, *Rófskarlar*), что соответствует представлению об основных занятиях варягов, викингов. Кроме того, это название сближается с именем местности в Швеции *Roslagen* (районы Упланда и Эстергётланда) на побережье Ботнического залива; производится от древнешведского слова *göfeg* «дорога или узкий пролив, по которому можно плыть на лодке».

Скандинавская этимология подверглась критике со стороны многих исследователей. Прежде всего справедливо указывалось, что отождествление варягов и *руси* — не первоначально; по исследованиям А. А. Шахматова, рассказ «Повести временных лет» о призвании варягов в 862 г. (которые привели с собой «всю русь») есть позднейшая вставка летописца. В начальном летописном своде (1093 г.), реконструированном А. А. Шахматовым, варяжские дружины стали называться *русь* лишь после своего появления в Киеве. Советский скандинавист Е. А. Рыдзевская [1978, с. 140] отмечала, что термин *русь* не может быть скандинавским. Эпоха викингов его не знала; в рунических надписях страна восточных славян называлась *Гардар*, в древнесеверной литературе — *Гардар* или *Гардарики**, а единичное именование *Rusia* представляет собой исключительно книжный термин. В памятниках, написанных не на латинском, а на местных языках, этноним *русь* и производные от него географические названия появляются не раньше XIII—XIV вв. Таким образом, собственно скандинавское происхождение этнонима невозможно; более правдоподобным Е. А. Рыдзевская считает возникновение этнонима *русь* через посредство финского названия шведов — выходцев из местности *Roslagen*, хотя сопоставление *Ruotsi*—*Roslagen* небезупречно в фонетическом отношении.

Другой аргумент — общего порядка — заключается в том, что прибалтийские финны могли заимствовать название *Ruotsi* из германских языков гораздо раньше эпохи викингов. Судя по форме и до распространению этого этнонима, этимология которого не может считаться выяс-

* Древнеисландское название *Русь Гардарики* часто интерпретируется как «страна городов»; Е. А. Мельникова [1977] показала, что эта форма более поздняя, а до XII в. употреблялась форма *Гардар*; этимология этого слова скандинавская — «хутор, двор, усадьба».

ненной, он относится к старому наследию западногерманских языков и восходит ко времени ранних контактов финнов с германцами, устанавливаемых археологически. Западногерманский языковед Г. Шрамм [Schramm, 1982] подробно анализирует звуковые соответствия в названиях *русских*, *руси* в прибалтийско-финских, коми, удмуртском языках и доказывает, что славяне восприняли термин *русь* не от самих шведов, а от прибалтийских финнов как от населения контактной области. Это заимствование произошло точно так же, как, например, венгры восприняли термин *pémet* «немец» через посредство славянского населения на своей новой дунайской родине; в позднем средневековье то же славянское обозначение немцев вошло и в тюркские языки.

Аналогию образованию раннеславянского этнонима *Rusь* «шведы» из прибалт.-фин. *Rōtsi* (фин. *Ruotsi*, эст. *Rootsi*) языковеды давно заметили и в других парах этнонимов, ср. др.-рус. *Сумь* (*сумь* «финны»): фин. *Suomi* и эст. *Soome* *Маа*, в которых есть четкие соответствия корневых и конечных гласных в языке-источнике и заимствующем языке.

Было и такое предположение, что слово *Русь* — не заимствование из финского *Ruotsi*, а оба названия, хотя и родственные между собой, могли развиваться независимо одно от другого из одной основы, причем проникновение в финские языки общей исходной формы должно было произойти очень давно [Ловмянский, 1985, с. 182]. Аналогию этому видят в возникновении финского названия *Руси* — *Venäjā* «страна венедов», которое первоначально обозначало территорию западных славян, а затем было заимствовано финнами не от славян, а, возможно, через готов с Вислы, поддерживавших с балтийскими финнами оживленные торговые связи. В отношении распространения термина *Русь* — *Ruotsi* допускается и посредничество черноморских готов, якобы перенесших его с юга на север. Оба предположения встретились с критикой [Там же, с. 281, коммент. В. Я. Петрухина].

Для гипотезы о независимом развитии слов *Русь* и *Ruotsi* из одного корня нет никаких данных. Финские и славянские языки относятся к разным языковым семьям. Ограниченность лексического гнезда слова *Ruotsi* в финском языке указывает на его вероятное заимствование, а не на исконно финское происхождение. Точно так же употребление термина *Русь* исключительно в сфере этнонимии и топонимии противоречит его исконно славян-

скому происхождению. Что же касается роли причерноморских готв в возможном переносе термина *Русь* на север, то ни археологические материалы, ни письменные источники не содержат никаких сведений о контактах этих готв в VI—XI вв. с прибалтийской и северными областями Руси.

Лингвисты, исследовавшие происхождение термина *Русь*, в отличие от историков, занимающихся этой же проблемой, стремятся оперировать конкретными языковыми фактами, а не общеисторическими аргументами. Чисто лингвистический вопрос нельзя решить, опираясь лишь на данные археологии или на то или иное толкование текста письменных памятников.

Факты языка свидетельствуют, что этноним *русь* в древнерусском языке стоит, во-первых, в ряду иноязычных этнонимических образований; во-вторых, он тяготеет к северной зоне — к территориям, населенным финскими и балтийскими народами.

В самом деле, собирательные этнонимы древнерусского языка в форме женского рода и единственного числа сосредоточены в лесной зоне, в ареале финно-угров и балтов, они, как правило, являются передачей самоназваний этих народов: *весь*, *ямь* (*емь*), *пермь*, *либь*, *корсь*, *жмудь* или же *мордва*, *литва*, *меря* и т. д. Другую группу составляют иноязычные этнонимы южных, степных областей (*хазары*, *болгары*, *ясы*, *касоги* и др.) — названия в мужском роде и во множественном числе. И уж совсем по иному типу образуются названия собственно славянских племен — с суффиксами *-ене(-ане)* для множественного числа и *-енин (-анин)* для единственного числа мужского рода: *словѣне*, *словѣнинъ*. Другая характерная форма славянских этнонимов — на *-ичи* (*вятичи*, *дреговичи*).

От собирательных имен на *-ь* трудно было образовать форму единственного и множественного чисел этнонимов. Обозначение русской национальности до сих пор существует в форме прилагательного — *русский*, *русские*. В древнерусском языке была форма *русин*, но она отличается по образованию от других собственно славянских обозначений: односложных *серб*, *чех*, *лях*, с суффиксами *-ак* (*словак*, *поляк*) или *-енин* (*словенин*). С другой стороны, *русин* полностью соответствует производным формам типа *чудин*, *литвин*, *мордвин*, *угрин* от собирательных имен, применяемых к чужеземным народам. Имя *русин* сохранилось только как специфический термин для славянского населения Галиции. Необычная форма *русичи* в

«Слове о полку Игореве», которую некоторые ученые ставили под сомнение (в единственном числе тогда должно быть — *руситин*), возможно, представляет собой авторскую формулу высокого слога, подобно *россам* в литературе XVIII в., в отличие от нейтрального *русские* [Ковалев, 1982, с. 38].

Таким образом, обращение к языковым фактам, в первую очередь анализ словообразования этнонима *русь*, привело многих лингвистов к выводу о западнофинском источнике заимствования термина *русь*. Подкрепляет этот вывод и различный характер употребления терминов *русь* и *словене*. Г. А. Хабургаев [1979, с. 215—222] развивает стройную концепцию возникновения и расширения значения понятия *русь*. По мнению исследователя, следует доверять сообщениям летописей об иноязычном северном происхождении этнонима, что хорошо ощущали авторы ранних летописных известий, связывая его с норманнскими колонистами. На этом основании была создана или поддержана уже существовавшая в то время легенда об участии скандинавов («варягов») в создании Древнерусского государства: для того времени слово и обозначаемое им явление воспринимались как нечто единое. Подобное смешение понятий, вполне естественное для древнерусских летописцев, вряд ли оправдывает современных историков и филологов, допускающих то же самое.

Тем не менее летопись, определенно указывая на связь первоначальной руси с варягами, в то же время отличает ее от варягов: «Игорь же совкупивъ вои многи. Вар(я)ги [и] Русь и Поляны [и] Словѣни...» (944 г.) и т. п. Г. А. Хабургаев помещает очаг первоначального употребления термина *русь* у восточных славян в северо-западные — повгородские земли: процесс формирования новгородской диалектно-этнографической группы мог включать и ассимиляцию славянскими поселенцами закрепившихся здесь выходцев из Скандинавии. Процесс смешения восточных славян с норманнскими поселенцами к югу от Ладоги в IX—X вв. трудно представим во всех деталях. Тем не менее ясно, что в районе Новгорода, во-первых, возобладала славянская речь, на которую постепенно перешли и потомки местных скандинавов. Во-вторых, эти, уже ставшие славяноязычными, скандинавы, видимо, долгое время сохраняли культурные традиции своих предков: отсюда и предания о происхождении новгородцев «отъ рода варяжьска», и сохранение скандинавских имен среди старейших знатных людей в дружинах первых русских

князей. Но не существует никаких доказательств отличия этих вельмож, как и князей с норманнскими именами, от остального древнерусского населения в языковом отношении.

Потомков норманнских переселенцев Южного Приладожья местные финны продолжали называть, как и прежде, Ruotsi, так как смена этим населением шведской речи на славянскую не имела для финнов существенного значения. Название *русь* затем постепенно распространилось и на восточных славян, причем новгородские славяне в условиях складывания полиэтничного политического объединения в бассейне Волхова, естественно, должны были утратить свое древнее племенное имя *венеды*, доставшееся им в наследство от первых славянских поселенцев Северо-Запада, но сохранившееся финноязычными соседями.

Западнофинская гипотеза происхождения этнонима *Русь* кажется нам наиболее убедительной и лингвистически обоснованной. Тем не менее есть еще одна исключительно интересная «северная» гипотеза, о которой необходимо рассказать. Она касается вопроса о так называемой прибалтийской руси, о *руссах* и *ругах*, об острове Рюгене, о прародине славян и об их миграциях.

Здесь речь идет о «полабско-поморской» гипотезе, в которой принимается, что этнический термин *русь* первоначально бытовал на западославянских землях (бассейны нижнего течения Лабы, Одры, Вислы и бассейны Немана и Западной Двины) [Етимологічний словник..., 1985, с. 122]. Поморскую русь помещали в разных местах указанной территории, например в области славянского племени вагров, близ границы государства Каролингов. Но большинство исследователей связывали эту русь с островом Рюген в Балтийском море; по-немецки остров именуется Rügen, в латинском языке он обозначался как Rugia, в польском Rana из древнего славянского имени Rujana и т. д. Среди западославянских племен *раны* (*ружане*, *рушане*, *руяне*, *рус(с)ы*, *руги*) были известны своей храбростью. В то же время историкам средневековья было знакомо племя *ругии*, которое они относили к германцам (готам), выходцам из Скандинавии.

Попытку доказать существование прибалтийской руси и определить ее местоположение на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X—XIII вв. предпринял Н. С. Трухачев [1981]. Прежде всего он стремился объяснить разнообразие име-

нований указанного западнославянского племени, *Рушане* и *руги* (Rugiani, Rugi) — формы названий, унаследованные от германских *ругов*, которые в процессе миграции германских племен на юг в первых веках нашей эры покинули свою родину, но ее название — Ругия — закрепилось в памяти соседних народов. Имя *раны* (Rani) происходит от собственно славянского наименования страны Рана. Употреблявшийся в источниках по отношению к ранам термин Rutheni объясняется тем, что немецкие авторы пытались фонетически воспроизвести самоназвание племени *русины*.

Но в немецких источниках X в. киевские русы тоже иногда назывались ругами, хотя немцы знали подлинное самоназвание русских еще в первой половине IX в.: Rhos в «Бертинских анналах» под 839 г. и Ruzzi, которых «Баварский Географ» в середине IX в. помещает между хазарами и уличами (историки пришли к выводу, что время составления «Баварского Географа» еще более раннее — первая четверть IX в. до 821 г.). Прилагая к киевским *русам* то же обозначение, которое они привыкли применять к прибалтийским *ранам* (*русинам*), немецкие источники тем самым отождествляли их между собой. «Вариант названия Rugi несколько не схож фонетически с другими вариантами, которые объединяли киевских и прибалтийских русов (например, Rutheni). Возможность случайного фонетического сходства между названиями Киевской Руси и Руси прибалтийской, таким образом, устраняется, и мы получаем право объединить восточных и прибалтийских русов в одну этническую группу. Одноплеменность киевских и балтийских русин удостоверяется также и русской летописью: она отождествляет их, применяя к тем и другим одно и то же название „Русь“» [Трухачев, 1981, с. 166].

По поводу данных русской летописи следует сделать отступление. Речь идет о текстологическом комментарии, который обычно делается сторонниками «полабско-поморской» гипотезы. «Повесть временных лет» при описании племен севера Европы помещает русь среди скандинавских народов: между шведами, норвежцами и готами, с одной стороны, и англами (аглянами) — с другой. Х. Ловмянский [1971] считает, что это явно не та русь, которую летописец отождествляет с восточными славянами и особенно с Киевом. Удивляет и полное молчание летописи о датчанах, хотя их вряд ли стоит отождествлять с русью (имена руси и датчан современники не смешивали). Ве-

роятно, «Повесть временных лет» смешивала датчан с англами, называя тех и других аглянами (англы — выходцы с полуострова Ютландия; кроме того, уже после завоевания в V—VII вв. Британии англосаксонское ее население подвергалось сильному датскому и норвежскому влиянию). Еще более вероятно, считает Х. Ловмянский, что летописная *русь* в указанном контексте должна привязываться не к Дании, а к какому-либо другому объекту на Балтийском море, а именно — к острову Ругии. Этот остров с VII в. был заселен славянами (Rugini в англосаксонской хронике Беды Достопочтенного под 731 г.).

Исследователи отмечают, что отождествление этнонимов *руги* и *русы* в трудах средневековых немецких авторов вовсе не было случайным заблуждением. Иногда у одного и того же автора термины *Ругия* и *Русь* (*руги* и *русы*) были однозначны и взаимозаменяемы. Н. С. Трухачев полагает, что сознательный акт этнического отождествления, хотя и вовсе не означавший, что немецкие источники считали киевских русов выходцами с острова Рюген. Подобное отождествление наблюдается с X в. и в течение нескольких столетий, причем прибалтийская русь четко локализуется на южном побережье Балтийского моря, иногда прямо на острове Рюген. Даже после того как прибалтийские русы в конце XIV в. вымерли, источники продолжали называть их страну Русью.

Далее Н. С. Трухачев [1981, с. 168 и сл.] делает попытку с данными западноевропейских источников сопоставить известия арабских авторов об «острове русов», описание которого, по его мнению, никак не подходит к географическим объектам в Восточной Европе и, наоборот, очень подходит к острову Рюген. При этом, толкуя некоторые арабские свидетельства, исследователь допускает ряд явных натяжек и неточностей. Так, одним из аргументов «за» Н. С. Трухачев [1981, с. 169] считает указание ибн-Русте (начало X в.) на титул *хакан*: «Русь имеет царя, который зовется Хакан-Рус»; «Тот факт, что и у киевских, и у прибалтийских русов на острове князья носили титул кагана, — еще одно свидетельство в пользу одноплеменности тех и других». Но, как известно, титулом *хакан* (*каган*) в данном случае могли именоваться исключительно князья Киевской Руси: он был заимствован от соседей-хазар. Употребление титула *хакан* в Южной Прибалтике совершенно невероятно. Все другие аргументы Н. С. Трухачева сводятся к доказательству того, что Рюген мог быть «островом русов», из чего вовсе не сле-

дует, что он был таковым в действительности. Зато Н. С. Трухачев подрывает собственную систему доказательств, когда пишет [Там же, с. 175], что многие арабские ученые имели обыкновение использовать материалы из работ своих предшественников, часто не указывая источников. Поэтому случалось, что один и тот же автор иногда приводил о русах противоположные сведения, относившиеся к разным эпохам и к разным русам.

Существование поморской руси, принимаемое Н. С. Трухачевым, А. Г. Кузьминым, В. Б. Вилинбаховым и др., ставит под сомнение Х. Ловмянский [1971]. Польский историк, стремясь тем не менее объяснить употребление этнонима Rutheni «руссы» по отношению к балтийским славянам, замечает, что уподобление названий *руяны* (*раны*) или *руги* руссам началось довольно поздно и внезапно. Из немецких источников он прежде всего называет жития Оттона Бамбергского, составленные немногим позже «Повести временных лет». В польской ученой среде переделка известных полякам имен *Русь*, *руссы* на книжный термин Rutheni произошла в XII в. Х. Ловмянский предполагает, что стремление отождествить руссов и ругов было свойственно Киеву, русской историографии, которая повлияла на ученые труды западных авторов. Немецкие источники именуют княгиню Ольгу королевой ругов. Адальберт узнал о ругах во время своего пребывания в Киеве. У Адама Бременского использованы английские источники; *руссы-руги* были известны и во Франции. Иными словами, представление о тождестве руссов и ругов должно было распространиться в Европе и благодаря династическим связям киевских правителей.

Отождествление руссов и ругов произошло в Киеве, но не в славянской среде, поскольку термины *Ругия*, *руги* неизвестны русскому летописанию. Это случилось в норманнской среде после прибытия Олега в Киев, т. е. не раньше конца IX в. Норманны знали о славянах, живших на острове Ругии, и сблизили по созвучию слова *руссы* и *рузи* (мн. ч. от *ругъ*). (Х. Ловмянский — сторонник местного, киевского происхождения этнонима *руссы*.) Кроме того, норманны помнили о том, что некогда остров Ругия был населен германским племенем. Сведения, которыми располагали норманны, повлияли на местных киевских славян, признававших ругийское происхождение варяжской руси. Выражение летописи «они взяли с собою всю русь» следует понимать, как «взяли всех варяжских жителей Ругии». Автор «Повести временных

лет» хорошо знал, что в его время в Ругии жили одни славяне; он сделал вывод, что вся варяжская русь удалась за море во главе с Рюриком. Таким образом Х. Ловмянский считает возможным разрешить проблему «двух концепций начала Руси», о которой писал А. Г. Кузьмин [1969].

Стоит ли говорить о том, что изложенные представления — не более чем излишне усложненная историческая конъектура.

Этнонимом *руги* в связи с *русью* занимались и другие исследователи. Например, В. П. Кобычев [1973] привлекает его для доказательства паннонской прародины славян (Паннония — римское обозначение части современных стран: Венгрии, Югославии, Австрии), в частности объясняя присутствие этнонимического термина *русь* в районе Закарпатья. Но предполагаемое им тождество рогов или руссов, на наш взгляд, еще пуждается в серьезной дополнительной аргументации; в особенности вызывает сомнение привлечение (но без этимологий) для доказательства ругской гипотезы топонимов Швейцарских Альп типа *Rusnacht*, *Ruti* или паннонских *Rusidava*, *Riusiava* и т. п. Здесь может быть чисто случайное фонетическое сходство.

По-иному подходит к этнониму *русь* и возможной связи его с некоторыми обозначениями прибалтийских славян А. В. Назаренко [1980], который отмечает, что всем ученым, занимавшимся русью, присущ один общий методический момент: проблема происхождения данного этнонима ставится и решается в прямой зависимости от той или иной концепции происхождения руси как этноса. Но происхождение племени *русь* далеко не ясно современной науке. Подобный образ действий привел к тому, что лингвисты, увлекшись поисками потенциальных прототипов имени *русь*, до сих пор не дали его анализа в том виде, в котором он донесен до нас языковыми памятниками, порой весьма древними. Другими словами, бытование лексемы *русь* в той или иной языковой традиции остается совершенно неизученным как лингвистический факт. Автор исследует все аллографы (различные написания) топонима и этнонима *русь* в немецких латиноязычных источниках IX—XI вв., не связывая себя заранее никакой этноисторической теорией. Сравнительный анализ вариантов привел А. В. Назаренко к реконструкции гипотетической праформы этнонима с основой *Rūt-, осложненной формантами -jan, -agi и др., и к допущению,

что этноним *Rūt- был известен южнонемецким диалектам еще в додревневерхненемецкую эпоху, по крайней мере уже около 600 г., т. е. задолго до появления в начале IX в. первых достоверных сообщений о народе *русь*. Совпадение древневерхненемецкого Rûz(z)- и средневерхненемецкого Rûzen с др.-рус. *роусь* не означает, что древневерхненемецкий термин должен был быть непременно заимствован из древнерусского языка. Автор предполагает возможность общего прототипа для двух этнонимов.

Наверное, достижение каких-то реальных результатов при анализе этнонима *русь* возможно именно при таком подходе, который продемонстрировал А. В. Назаренко. И тогда было бы ясно, какой гипотезе отдать предпочтение: полабско-поморской, готской, ругской, западно-финской, русской или какой-либо еще.

А теперь — о гипотезе местного, южного, или автохтонного, происхождения этнонима *русь*. Гипотеза эта занимает (в разных вариантах) очень большое место в концепциях антинорманистов. Даже некоторые норманисты признавали, что упоминаемые в византийских и арабских источниках обозначения этнонима могут свидетельствовать о его южном происхождении.

«Южная» гипотеза происхождения названия *русь* по сравнению с «северной» гипотезой обнаруживает не меньшую, а, может быть, еще большую зависимость от соответствующей этноисторической концепции. Идущее еще от М. В. Ломоносова, развитое в XIX и в начале XX в., в особенности С. А. Геденовым, Д. И. Иловайским, М. С. Грушевским, В. А. Пархоменко и др., это представление было поддержано в 30—50-х годах крупными советскими историками. Советская историческая наука серьезно обосновала тезис о внутреннем развитии древнерусского государства в Среднем Поднепровье. «Территория древнерусского государства, — писал А. Н. Насонов, — складывается в результате внутреннего процесса (с развитием нового способа производства и с распадом родоплеменных связей) на развалинах родоплеменных объединений. Оно складывается там, где появляется знать в процессе развития феодальных отношений и как результат классовых противоречий — организация принуждения» [1951, с. 24]. Еще до Киевского государства, в VI—IX вв. существовала цепь общественных образований, приведшая к возникновению в IX в. славянского государства в южнорусских степях, чему также способст-

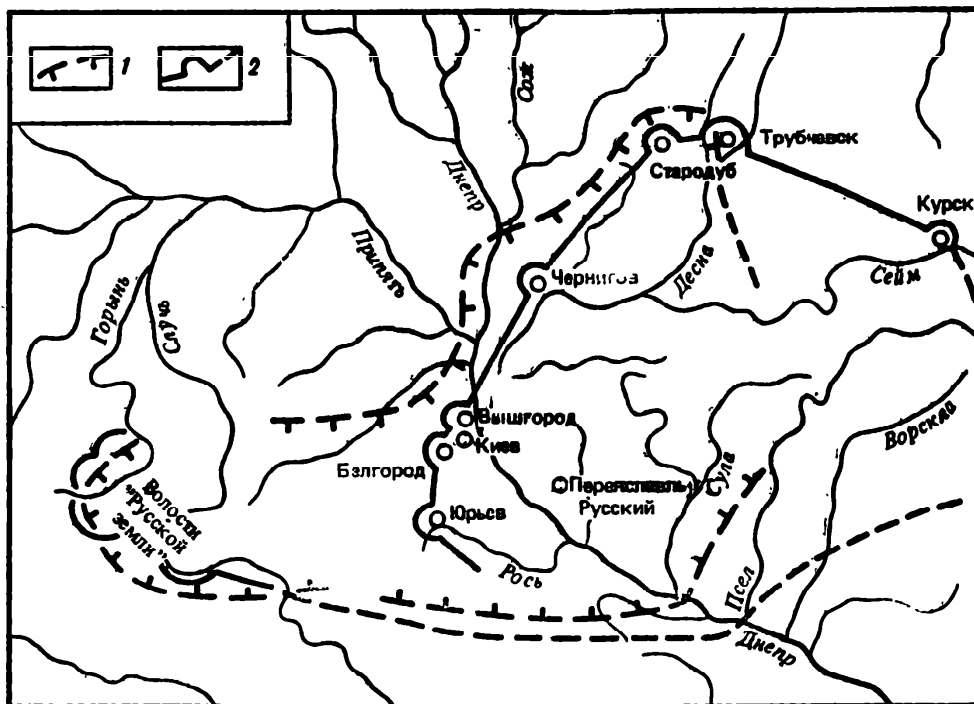

Рис. 4. Границы древнейшей Русской земли (по: [Третьяков, 1970])

1 — по А. Н. Насонову; 2 — по Б. А. Рыбакову

вовало ослабление хазарского господства на указанной территории. Принимается допущение, что образовавшееся государство уже в самом начале получило название *Русская земля*, которое было не племенным, а территориальным, географическим; Русская земля послужила ядром будущего Киевского государства. Пределы древнейшей Русской земли IX в. реконструируются на основании источников (рис. 4); она включала территорию по обеим сторонам Днестра: Киевская область (кроме земель деревлян и дреговичей), Переяславская и Черниговская (кроме северной и северо-восточной частей). Эти три феодальных полугосударства-княжества вошли затем в состав Киевской Руси. Таким образом, Русская земля не была старой племенной территорией; ее пределы не определялись этническим признаком. Позже название *Русь* распространилось на всю русскую народность и на ее территорию. Варяги, пришедшие на Русь, должны были принять ее имя, в результате чего византийцы стали смешивать русь-славян и русь-норманнов. «Смешение, — продолжает А. Н. Насонов, — происходило не только потому или, вернее, не столько потому, что русь называла себя варягами, сколько потому, что варяги, приезжавшие на юг

России в Киев и там остававшиеся, принимали имя руси, называли себя русью» [Там же, с. 37].

Возникает естественный вопрос: откуда же появилось в Среднем Поднепровье имя *Русская земля*? Историки попытались ответить и на него. Так, А. Н. Насонов считает, что «Русская земля получила свое название от имени местного южного населения, что имя местного, исконного происхождения, что оно в изучаемую эпоху было уже народным и, может быть, когда-либо в очень далеком прошлом было племенным» [Там же, с. 41].

В изложенном сжатом виде, без конкретной аргументации, эта концепция могла бы показаться слишком гипотетичной. В самом деле, допускается существование восточнославянского государства до Киевской Руси, реконструируется его территория. На основании этого допущения предполагается, что государство должно было называться *Русская земля*, следовательно, имя местного происхождения. А затем уже естественно искать ему объяснение либо в местных географических названиях, либо в этнонимах, причем не обязательно славянских, а, скорее всего, неславянских, в этнонимах ближайших народов древности. Именно так, следуя логике вещей, и поступали сторонники южного происхождения Руси, работавшие отдельные сложные вопросы упомянутой концепции.

Аргументация историческая представляется во многом убедительной. Лишь существование особого славянского племени русов на Днепре между полянами и уличами [Рыбаков, 1953] вызывает наибольшие возражения как не подкрепленное ни данными археологии, ни летописными сведениями. Эта гипотеза встретила справедливую критику прежде всего среди археологов (см., напр.: [Третьяков, 1970, с. 75—80]).

Но аргументация лингвистическая — а ведь именно она играет решающую роль при определении генезиса этнического имени — остается чрезвычайно слабым местом «южной» гипотезы.

Прежде всего исходным пунктом соображений о языковой принадлежности этнонима *русь* являются опять-таки общеисторические рассуждения. Так, П. Н. Третьяков [1968] предположил, что *русами* называлось население пеньковской культуры в днепровской части ее ареала; в составе этого населения были не только славяне, но и, видимо, сармато-аланы. В. В. Седов [1982, с. 111] пишет: «Происхождение этнонима *рось-русь* остается невыяснен-

ным, однако несомненно, что он не славянский. Все названия восточнославянских племен имеют славянские форманты: *-ичи* (кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи, уличи) или *-ане, -яне* (поляне, древляне, воляняне). Тюркским языкам не свойственно начальное „р“, поэтому тюркское происхождение этнонима рось-русь невероятно (этноним русский в тюркских языках приобрел форму орос-урус). Остается предположить иранское начало рассматриваемого племенного имени. Очевидно, в процессе славянизации местного ираноязычного населения этническое название его было воспринято славянами». Автор, один из немногих археологов, хорошо знающих лингвистическую литературу, приводит вполне весомые аргументы против того, чтобы считать *русь* славянским этнонимом, но допущение о его иранской принадлежности сделано методом «от противного»: если не славяне и не тюрки, то, конечно же, иранцы, ибо, по археологическим данным, в Среднем Поднепровье могли проживать древние иранские племена. Всякая гипотеза имеет право на существование, но методом «от противного» можно было бы доказывать принадлежность этнонима *русь* и любому другому народу (готам, например?), который когда-либо имел отношение к рассматриваемой территории. В том числе и любому мифическому народу, упоминаемому древними авторами.

Название *русь* сближали и с библейским *рош* (упомянутый в «Книге Иезекииля» некий народ в Причерноморье VI в. до н.э.), и с народом *hgōs, hgus* в сочинении сирийского автора Псевдо-Захарии (или Захарии Ритора) середины VI в. н. э., и с народом *росомоны*, который, по данным Иордана, в IV в. был в числе подвластных Германариху племен (видимо, *росомоны* жили между Днепром и Доном), и с сарматским племенем *роксоланы* (II в. н. э.). При этом, сопоставляя формы названий, исходили из этимологического тождества корней *рус-* и *рос-*, что необходимо еще доказывать (см. ниже о возникновении названий *россы* и *Россия*). Исследователи, критиковавшие «южную» гипотезу, показали лингвистическую и историческую несостоятельность многих из приведенных и других отождествлений. Прежде всего форма типа *рос* возникла книжным путем в византийской традиции. Она же повлияла, вероятно, и на *hgōs* сирийского автора, и на ранние западноевропейские сведения. На Руси эта огласовка не была известна до XV в. Отождествление этнонима *русь* с библейским *рош* маловероятно из-за легендар-

ного контекста упоминания о последнем в Библии: «обрати лице твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеа и Фувала...» (Иез., гл. 38). В пророчестве говорится, видимо, обо всех народах к северу от Израиля. Кроме того, слово *рош* может толковаться и как нарицательное — «глава».

Легендарный характер носит и упоминание о народе *hros* у Псевдо-Захарии: следуя античной литературной традиции, средневековые географы населяли границы известной им земли мифическими племенами, такими, как амазонки, циклопы и др. Люди *рос* в «Церковной истории» Псевдо-Захарии отличались могучим сложением. Они были настолько рослыми и кости их были так велики, что никакие лошади их не выдерживали, и люди вынуждены были совершать пешие военные походы. Фантастичность этих представлений очевидна, в результате чего отождествление названий *hros* и *русь* в настоящее время отвергнуто, хотя некоторые исследователи и усматривают здесь намек на земледельческий, а не скотоводческий облик народа *рос*, жившего, как полагают, на границе с Хазарией (а славяне были именно земледельцами).

Х. Ловмянский [1985, с. 188] готов признать название *hros/hrus* у Захарии «первым подлинным упоминанием о руси, не вызывающим оговорок», но тут же упоминает об армянском источнике, откуда название попало в сочинение Псевдо-Захарии, в котором *hros* фигурирует в конце списка кавказских народов. В целом Х. Ловмянский все-таки констатирует, что «в византийских, арабских и вообще южных источниках название *русь* распространяется только с IX в.», что не мешает ему предположить, что оно было известно здесь и ранее, и опять-таки — методом исключения — благодаря иранским народам [Там же, с. 189—190], хотя автор и сомневается в связи названий *роксоланы* (Птолемей, II в. н. э.) с византийским *Ῥῶς* «русь». Связь эта «представляется весьма проблематичной с точки зрения и языка, и исторических условий, поскольку сомнительно, чтобы кочевой народ, который быстро прошел от Меотиды (Азовского моря) к нижнему Днестру, мог оставить после себя такой длительный топонимический след, как название Русь» [Там же, с. 187].

Этимологию этнонима *русь* из индоиранских, точнее, индоарийских языков разрабатывает О. Н. Трубачев [1977; 1981], который предполагает связь корней *рос-* и *рус-*, не ставя между ними безоговорочно знак равенства. На основании данных древнерусской литературы

и топонимии (Лукоморье летописей XII в.; Синее море = Азовское море, Синяя вода = Дон, Русское море = Черное море) автор допускает, что в V—VI вв. славяне вышли на берега Черного и Азовского морей. Первоначальный этноним *рос* тяготел к Тавриде, Приазовью и Северному Причерноморью; в Крыму в VIII—IX вв. должен был существовать особый народ *росы*, известный грекам. Этот древний инородный этноним с появлением славян постепенно насыщался новым этническим содержанием. Индоарийскую этимологию этнонима *русь* О. Н. Трубачев подкрепляет сопоставлением с этимологическим значением этнонима *куман* (рус. *половцы*) «беловатый, беловато-желтый». Возможно, что существовала региональная традиция (дославянская и дотюркская) названия Северного Причерноморья «Белой, Светлой стороной». Уже ранее имя *русь* производили от иранских слов со значением «светлый, блестящий» (ср. осет. *gūxs/goxs* «свет, светлый», перс. *guhš* «сияние» и т. д.). О. Н. Трубачев [1981, с. 11] полагает, что иранская праформа **gauhšna* с ее придыхательным согласным и суффиксом *-na-* не так подходит в качестве источника слова *русь*, как возможная местная бессуффиксная древнеиндийская форма *rukṣa-* с близким значением (она должна была измениться в **russ-* в результате упрощения группы согласных).

Необходимо заметить, что некоторые исследователи связывали *русь* с русским словом *русый* (цвет волос). *Руть* при этом мыслится как собирательное имя со значением «скопище рыжих, русоволосых людей», а словообразование здесь такое же, как в слове *чернь*. Значение этнонима *русь* в этом случае также приближалось бы к значению этнонима *куманы* (*половцы*), хотя цветовые обозначения в этнонимии тюркских народов имеют, как мы прежде видели, более сложную природу.

Г. Шрамм [Schramm, 1982, S. 30—31] критикует это объяснение (нет других славянских этнонимов, которые бы возникали по таким внешним признакам людей), а также критикует этимологию О. Н. Трубачева. Форма *rukṣ-* должна была дать *-š-*, а не *-s-*: народно-диалектное упрощение *kṣ* в *s(s)* Г. Шрамм считает труднодопустимым. Кроме того, как показывает имя *Гълебъ* (Глеб), восточные славяне в IX в. передавали иноязычное *и* через *ъ*; следовало бы ожидать славянского **Rъs-* с последующим переходом в **Ros-*, но никак не в *Rusь*. И *у* в *русь* — долгое, как показывает греческая форма. Индоарийский этноним в Среднем Поднепровье Г. Шрамм квалифицирует как тер-

риториально невозможный. Другое дело — иранский этноним, но иранская форма гаохспа «светлый» звучит совершенно иначе.

Кроме лингвистических контраргументов, Г. Шрамм выдвигает и соображения исторического порядка. По гипотезе антинорманистов, *Русь* в «узком смысле слова», т. е. первоначальное ядро Киевского государства, — это небольшая область вокруг Киева, Чернигова, Переяславля, а Крым находится в 700 км от этой территории. В Крыму русские впервые оказались только в X в. Кроме того, исследователь вообще считает произвольными всякие построения относительно *росов* как южных соседей полян и северян. Племя *росов* не упоминается никакими русскими письменными источниками в качестве славянского или неславянского племени. Если же искать предков руси за пределами Среднего Поднепровья, то сразу же отпадает главный аргумент антинорманистской теории, что *Русь* в «узком смысле слова» находилась именно в Среднем Поднепровье.

Но существует еще одна гипотеза автохтонного происхождения этнонима *русь* — и на этот раз этноним прочно связывается со Средним Поднепровьем — с бассейном реки Рось. Название этой реки сопоставлялось с этнонимом *росс* (греч. Ῥῶς), причем считалось, что корни *рос-* и *рус-* одного происхождения и взаимно заменяемы. Лингвистический анализ показывает, что это не так. Первоначальной формой названия Рось было — Ръсь, в косвенных падежах — на Рси, по Ръси и т. п. Сравнивали же Рось и *росс*, забывая, что последнее имя — из греческого Ῥῶς: в этом названии ῶ отражает не краткий, а долгий славянский *ō*, который соответствует русскому *у* в *Русь*.

Жители берегов реки Рось называются в летописи не *русь*, а *поршане*. Таким образом, ясно, что в X в. в названии Ръсь еще был краткий глухой гласный *ъ*, прояснившийся под ударением только в XII в. С этим можно сравнить название города и реки Ръша (современные город Орша и река Оршица) в «Ипатьевской летописи» [Соловьев, 1957, с. 135].

Исследуя название реки Рось, украинская топонимистка И. М. Железняк [1987, с. 144] отказалась от того, чтобы объединить его с этнонимом *русь*, и тем самым избежала традиционного изначального смешения обеих проблем. Гидроним Рось происходит от индоевропейского **gos-* в значении «вода, влага», причем различные варианты это-

го названия позволяют отнести его к пласту гидронимов позднеславянского периода.

Однако гидронимов с корнем *рос-* (как, впрочем, и *рус-*) очень много не только в Среднем Поднепровье, но и на других территориях Европы. Но нет такой единственной реки Русь, с которой можно было связать племя *русь*, да притом еще таким образом, чтобы оно происходило именно с берегов этой реки. А ведь только так можно было бы убедительно доказать автохтонность этнонима. И немаловажная деталь: исконные славянские этнонимы образуются по совершенно другой модели. Летописец Нестор, повсюду аккуратно отмечая, какие этнонимы славян обязаны своим возникновением рекам, ни слова не говорит о том, что народ *русь* получил свое наименование по какой-либо реке.

Есть и другие объяснения этнонима *русь*: например, сторонники яфетической теории Н. Я. Марра связывали русских и этрусков, что совершенно невозможно ни исторически ни лингвистически. Мы не будем останавливаться на всех остальных объяснениях, они столь же мало убедительны. На наш взгляд, только гипотеза «северного» (в западнофинском варианте) и гипотеза «южного» (кроме варианта, исходящего из связи с гидронимом *Рось*) происхождения этнонима *русь* в основном в настоящее время конкурируют между собой. У каждой из этих гипотез есть свои сильные и слабые стороны, причем западнофинский вариант пока лучше всего обоснован лингвистически. Не исключено, что с накоплением новых лингвистических и исторических фактов можно будет обратить серьезное внимание и на так называемую полабско-поморскую гипотезу.

Процесс первоначального возникновения и последующего распространения названий *Русь*, *Русская земля* на все древнерусское государство интересовал многих историков. Сторонники «северной» гипотезы связывали название *Русь* со Старой Ладогой, городом Старой Руссой и рекой Руссой, откуда варяги, пришедшие в Киев, принесли с собой это название. «Южная» гипотеза, напротив, предполагает постепенное распространение названия *Русь* на север из Киевской земли — ядра древнерусского государства по мере расширения этого государства и включения в него других земель. При этом, по мнению А. Н. Насонова, «на Руси народное сознание долго противопоставляло „русь“ как обитателей юга „словенам“, обитателям севера» [1951, с. 39]. Трудности определения первоначального названия позволяют отнести его к пласту гидронимов позднеславянского периода.

чальной принадлежности этнонима *русь* какому-то особому племени в Среднем Поднепровье (позже это имя первыми приняли поляне) заставили многих антинорманистов говорить о территориальном характере названия *Русь*. Оно должно было быть не этническим (племенным), а географическим именем определенной территории. Поскольку в формировании древнерусского государства, кроме полян, принимали участие и другие племена (северяне и часть других), то центральная территория этого государства получила название не от полян, а от географического имени *Русь*. Только тогда исконное географическое значение названия *Русь* сменилось на политическое и постепенно стало применяться к другим землям, входившим в подчинение этому центру, а процесс формирования древнерусского государства шел довольно быстро [Ловмянский, 1985, с. 191]. С IX в. термин *русь* приобрел и новый смысл: он временно обозначал социальный слой, наиболее активный в образовании государства (княжескую дружину). Впоследствии первоначальное, более узкое географическое значение названия *Русь*, а также его классовое значение были забыты и словом *Русь* стали обозначать всех восточных славян.

Указанная точка зрения об изначальности *Русской земли* в узком смысле слова — не единственная среди историков. Есть много свидетельств тому, что название *Русь* в широком значении употребляется и в русских и в иностранных источниках, в том числе, как показал Д. С. Лихачев, среди наиболее ранних упоминаний о Руси в «Повести временных лет». Кроме того, в процессе становления Древнерусского государства в него вошли балтийские, финно-угорские и другие этнические элементы, что привело к довольно раннему употреблению термина *Русь* как надэтнического обозначения населения всего Древнерусского государства и как обозначения самого государства в целом [Там же, с. 278, 284, коммент. В. Я. Петрухина].

О весьма раннем употреблении термина *Русь* в широком значении, возможно, свидетельствует и народное сознание. Во всех русских говорах нарицательное слово *русь* означает «мир, белый свет». *Совсем на руси* — в тверских говорах значит «на виду, на открытом месте, на юру» [Даль, 1956, т. 4, с. 114].

Решение вопроса об «узком» или о «широком» первоначальном термине *Русь*, несомненно, помогло бы прояснить и пути его распространения с юга на север, или, наобо-

рот, с севера на юг, а может быть, выявило бы одновременное его появление в северных и южных районах складывавшегося Древнерусского государства (существует и такая точка зрения).

Тупиковая ситуация, в которую, по сути дела, зашел вопрос о возникновении терминов *Русь*, *Русская земля*, а также ряд сложных проблем собственно исторических концепций происхождения Древнерусского государства вызывают к жизни попытки исследователей применять новые методы анализа известных письменных источников. Одну из таких интересных попыток осуществил ленинградский историк Г. С. Лебедев [1983], применивший метод моделирования к этнонимам «Повести временных лет». Рассмотрена была наиболее древняя, недатированная часть «Повести», причем Г. С. Лебедеву удалось показать, что характеристики, данные племенам в ее вводной части, представляют собой связную и строгую систему оценок, состоящую из четырех уровней: А — генеалогический (происхождение и способ расселения); Б — этнический (языковой); В — политический (организация управления); Г — морально-этический (характеристика и оценка нравов и обычаев). Эти оценки выражены особыми устойчивыми формулами. В результате оказалось возможным построить четырехмерную матрицу, в которой каждое племя занимает одну и единственную позицию. Это свидетельствует о том, что в «Повести» представлена строгая классификация восточноевропейских племен, подчиненная системе ценностей, с позиций которой излагалась не только начальная, но и дальнейшая, датированная история восточного славянства. При картографировании групп этнонимов, объединенных общими характеристиками, воссоздается этногеография Восточной Европы, описанная с позиций указанной системы ценностей.

Формализация летописной классификации позволила Г. С. Лебедеву интерпретировать этногеографическую карту «Повести временных лет», основу которой составляют четыре славянских племени: поляне, дреговичи, словене-полочане и словене-новгородцы (обе последние группы автор отождествляет с ильменскими словенами). «Четыре славянских „княженья“, протянувшиеся с юга на север вдоль „Пути из варяг в греки“, — как бы каркас древнейшей Руси, ее становой хребет. В этом направлении шло не только расселение славян, но и создание на его волне первичных предпосылок государственности... Этногеографическая карта ПВЛ позволяет реконструировать важные

элементы пространственной организации и политической структуры Киевского государства, наметить ранние этапы его формирования... Первичное восточнославянское объединение по конфигурации, частично по составу населения, совпадает с „Русской Землей“ в узком смысле слова (по А. Н. Насонову), с ядром Киевской державы конца IX—X вв.» [Там же, с. 109—112].

Вот к каким выводам привел Г. С. Лебедева строгий формальный анализ текста «Повести временных лет». Но сделанные выводы относятся лишь к исторической базе формирования Русской земли. Что касается лингвистов, занимавшихся сложной и противоречивой проблемой происхождения этнонима *русь*, то подобное моделирование текстов источников до сих пор никем не производилось. Не исключено, что мы еще увидим работы такого рода, которые по крайней мере позволили бы установить первичный очаг употребления этнонима *русь* у восточных славян и увидеть направление и пути его дальнейшего распространения. Тогда догадки и версии, подчас весьма остроумные, уступили бы место неопровержимым доказательствам.

Название *Русь* в древнерусских источниках входит во многие составные хоронимы: Белая Русь, Великая и Малая Русь, Угорская Русь, Черная Русь, Червоная Русь, Галицкая Русь, Киевская Русь и др. К некоторым из них восходят более поздние этнические наименования: *великоруссы* (или собственно *русские*), *белорусы*, *малороссы* (устаревшее наименование украинцев).

Откуда же происходят эти региональные названия Руси — Великая и Малая, цветовые обозначения? Выяснение этих вопросов имеет не только научное, но и важное политическое значение. Исследования историков и филологов неоспоримо доказали единство всех восточнославянских народов в древности и в средневековье, что отражено и в их наименовании *Русь* — для всей территории Киевского государства. Лишь значительно позднее, в XIV—XV вв., на основе единой древнерусской народности формируются восточнославянские народности, образовавшие в XIX в. нации: *русские*, *украинцы*, *белорусы*.

Уже с начала XI в. в результате развития феодальных производственных отношений начинается процесс распада Киевского государства, обособления отдельных земель-княжеств. В первой половине XIV в. князь Иван Данилович Калита создает Московское великое княжество, его преемники в XV в. продолжают расширение этого кня-

жества, объединившего земли бывших древнерусских племен — кривичей, вятичей и новгородских словен. Фактически Московское великое княжество играло роль Великой Руси, и его население стало основным ядром великорусского народа [Державин, 1944, с. 98].

Но само название *Великая Русь*, как и *Малая Русь*, имеет более раннюю историю. Русская земля уже в X—XII вв. охватывала огромное пространство — от Невы до Западного Буга, Карпат и Черного моря, поэтому к ней уже иногда в русских, византийских и западных источниках применялся эпитет *Великая* [Соловьев, 1947]. Исходное значение этого названия — «большая» (по размерам), переносное — указание на величие, мощь государства. Понятия *Великая* и *Малая* (Major и Minor) были употребительны в сочинениях средневековых географов и по отношению к некоторым странам обозначали их внутренние политические подразделения (ср. Великая Польша и Малая Польша). «Малая» часть страны — ее метрополия, исторический центр; «Великая» — колония, расширенная территория. В начале XIV в. византийские авторы понимают под Великой Русью всю огромную территорию Руси. В дальнейшем церковно-территориальное и политическое дробление государства вызвало появление понятия *Малая Русь*: ею с 1305 г. стала Галицкая митрополия, а одновременно и Галицкая Русь. Соответственно за оставшейся после выделения юго-западной Руси частью территории сохранилось название Великой Руси. Таким образом, противопоставление Великой и Малой Руси носило первоначально политический, а не этнографический характер. В XVI в. под влиянием греческого языка термин *Великая Россия* был введен вместо прежних терминов *Русь*, *Русия* в царский титул, а после воссоединения Украины с Россией в 1654 г. царь Алексей Михайлович стал официально именовать себя самодержцем «всея Великия и Малыя России», а затем и «Белыя России».

Термин *Малая Россия* в XIV в. был прежде всего употребителен именно в юго-западных русских землях. Галицко-волынский князь Юрий II (польско-мазовецкий князь Болеслав Тройденович, принявший православие) объединил два южных княжества под своей властью и именовал себя титулом «Dux totius Russiae Minoris» или «Князь всей Малой Руси». Этот титул впервые появляется в грамоте 1335 г. — наиболее раннем историческом документе, в котором Галицко-Волынское княжество именуется *Малой Россией*. Академик Н. С. Державин

[1944, с. 109] предполагает, что на решение князя Юрия назвать так свое княжество могло повлиять, с одной стороны, наличие на северо-востоке Руси более мощного Московского княжества, т. е. Великой России; с другой — существование соседней с Галицко-Волынским княжеством Малой Польши с древнейшей польской столицей Краковом — важнейшим культурным и политическим центром всего польского государства. В Москве понятие *Малая Русь* практически не употреблялось до конца XVI в. Южная Русь называлась *Русь*, *Русская земля*, иногда *Червоная Русь* или *Дольняя Русь* в отличие от «верхних» земель [Соловьев, 1947, с. 33]. В XVII в. впервые появляется понятие *великороссы* и названия *Великая Россия* и *Малороссия*, особенно популярные в Киеве, постепенно переносятся в Москву. В конце XVII в. московские правящие круги употребляли название *Малая Россия* уже в этнографическом смысле, имея в виду всю землю, населенную украинцами. В это же время этнографическое содержание стало вкладываться и в понятие *Белая Россия*.

История цветовых обозначений древнерусских территорий еще более сложна, чем история названий *Великая* и *Малая Россия*. Мы уже упомянули Червоную Русь. Это имя относилось к территории, на которой в конце XI в. сложилось мощное Галицкое княжество. Оно возникло на западнорусских землях хорватов (центр — Перемышль) и дулебов, впоследствии бужан или волынян (центры — Владимир Волынский и Червень). Земли эти лежали на северо-западных склонах Карпат, в верховьях рек Днестр, Прут, Серет. Название бывшего галицкого города *Червень* (*Червенъ*), точное местоположение которого неизвестно, появляется в древнерусских летописях под 981 г. Форма этого названия связана с древнерусскими и церковнославянскими словами червень «красный цвет, краснота», прилагательными в краткой форме *червенъ* «красный» [Нерознак, 1983, с. 185]. Можно думать, что обозначение *Червоная Русь* (т. е. «красная») связано с названием города *Червень*, хотя включение первого в «цветовой» ряд *Белая—Черная—Красная* (*Червоная*) *Русь* свидетельствует о каких-то иных глубинных мотивах всех этих наименований. Поэтому этимологическая связь двух названий — *Червень* и *Червоная Русь* — могла не иметь решающего значения для названия юго-западной территории.

Черная Русь — термин, издавна применявшийся к юго-западной части Полоцкого княжества: бассейн верховьев

рек Нарева, Немана и его притока реки Шары. Эти земли, населенные западной группой восточнославянских племен (впоследствии вошедших в состав белорусской народности), рано подпали под власть Литовского государства. Уже князь Миндовг (ум. в 1263 г.), объединивший литовские племена, подчинил себе Черную Русь с главными городами Новгородком, Городво (совр. Гродно), Слонимом и Волковыйском и сделал своей столицей Новгородок (Новогрудок), позже подчинив себе и Полоцк. Черная Русь, так же как и Берестейская земля (Подляшье), как предполагает М. К. Любавский [1909, с. 108], образовалась на бывшей территории ятвягов, ранее оттесненных сюда восточнославянской колонизацией с юго-востока. На Подляшье и в Черной Руси до сих пор много селений с названиями Ятвезко, Ятвяск и т. п.

Как *Черная Русь*, так и в особенности *Белая Русь* — названия, вызывавшие наибольшее недоумение исследователей. Попытки объяснить их цветом одежды населения, его антропологическим типом не увенчались успехом. Выдающийся украинский и русский филолог А. А. Потебня (1835—1891) первым предположил, что *Белая Русь* первоначально означала «вольная, свободная, неподчиненная» [1891, с. 118 и сл.]. В самом деле, в русских говорах прилагательное *белый* широко употребляется в этом смысле. *Белый* или *обельный* — «свободный от подати» (ср. *белая земля*, *белое место*, «церковная земля»); *белые крестьяне* «свободные от всех податей и повинностей». *Белыми* называл народ свою веру, царя и отечество [Даль, 1956, т. 1, с. 153] (ср. также пословицу *На Белой Руси не без добрых людей*). *Белый свет* или *белсвет* — это «вольный свет, открытый мир, свобода на все четыре стороны; весь свет, мир, вся земля наша и все люди».

Наименование *Белая Русь* впервые исторически засвидетельствовано в XIV в., хотя предполагают, что оно было известно значительно раньше. В XV в. этим термином все чаще называют северо-восточную Русь. Возможно, что он обозначал «вольную, великую или светлую» державу, в то время как противоположный ему термин *Черная Русь* (т. е. *Литовская Русь*) означал «подчиненная, меньшая страна» [Соловьев, 1947, с. 33]. Но в разные эпохи термин *Белая Русь* менял свое содержание. Так, в начале XVII в. в Москве понимали под *Белой Русью* не только Белоруссию, но и украинские Киев и Волынь. Поляки в XVI в. называли всю Белоруссию *Черной Русью*, а Великодержавию — *Белой*.

Особенности употребления названия *Белая Русь*, а также русского нарицательного слова *белый* заставили исследователей предположить, что «слово „белый“, возможно, совмещало некогда множество значений. То значение, с которым слово дожило до нас, именно значение цвета, есть продукт позднейшей смысловой дифференциации» [Державин, 1944, с. 121]. Помимо значения «вольный, свободный», Г. А. Ильинский [1928] предположил и другое основное значение слова *белый*: «находящийся севернее» (ср. противопоставление севера и юга в паре *Белая Русь/Червонная Русь*). По объяснениям других авторов, север, наоборот, должен был обозначаться черным цветом, юг — красным, запад — белым. Эта система цветовой символики была заимствована славянами у восточных народов. Но и это объяснение уязвимо для критики, так как существует много случаев употребления указанных названий цветов в других значениях.

Топонимический материал дает много примеров применения цветowych обозначений в географических названиях. Поскольку *Белая, Черная, Червонная Русь* — хоронимы, т. е. разновидности топонимов, стоит остановиться на этом вопросе подробнее, чтобы дать читателю представление об употреблении цветowych названий в других категориях топонимов. Вот например, гидронимы — названия водных объектов. Изучая гидронимию Новгородских и Псковских земель, т. е. Русского Северо-Запада, мы обнаружили, что, за исключением белого и черного, остальные цвета в гидронимах встречаются в единичных случаях. В «Списках Генерального Межевания» XVIII в. находим озеро Бурое Валдайского уезда, Зелень-озеро Островского, река Сивец Белозерского, река Синяя Псковского (ныне Синяя, латыш. Зилупе, причем в латышском названии та же мотивация гидронима). Названия типа речка Золотая Псковского уезда, Серебрянка Опочецкого могут представлять собой цветowych обозначения, но больше отражают другие характеристики воды и реки: чистоту воды, красоту места и т. д., иногда же указывают на месторождения золота и серебра. Устаревшее и диалектное обозначение красного цвета — *чермный* — попадает чаще (ср. озеро Череменец Лужского, река Черменица Опочецкого уездов). Но слова *белый* и *черный* встречаются в огромных количествах в географических названиях, причем *черный* занимает одно из самых первых мест по частоте употребления в гидронимах. Правда, следует учесть, что некоторые названия могут быть образованы не

от цветowych обозначений, а от местных географических терминов. Например, *бель* «заболоченный береговой лес» в Полесье; «болото с березняком, сенокос на болоте, небольшое болото, заболоченное низкое место» в Белоруссии; «болото» в северных областях [Мурзаев, 1984, с. 80] или *черень*, *черное болото* «торфяное болото, торф, добываемый в нем» в Псковской области [Там же, с. 611].

Значение слов *белый* и *черный* в гидронимах иногда уточняется благодаря связи между собой на местности самих географических объектов и их названий. Так, река Белая Устюженского уезда вытекает из озера Чистого, в связи с чем стоит привести объяснение местными жителями названия озера Белое Порховского района в «Псковском областном словаре» [1967, вып. 1, с. 167]: «Белое — вода белая, чистое озеро». Имеются также сложные и составные названия с лексемой *белый*: речки Белоручьевка Боровичского и Беломойка Порховского уездов, озера Белые Луки Череповецкого и Белая Вода Новоржевского уездов.

Словосочетание *белая вода* встречается в псковских говорах. Оно означает: вода во время ее цветения; вода мутноватая, когда ветер и волны перемешают верхние слои и разобьют «цвет»; мутная весенняя вода главным образом из реки Великой; вода, вспенившаяся после продолжительной бури и оставшаяся белой, как молоко, до замерзания [Там же].

Лексема *черный* также широко употребительна в названиях рек и озер европейской части СССР. *Черная речка*, пишет Э. М. Мурзаев, — это «речка по болоту, собирающая болотные воды, черные по цвету из-за наличия большого количества органических веществ; глухая стоячая река; старица, сообщающаяся с рекой во время высокого уровня; открытая незамерзающая речка в Сибири; родниковая вода, ручей; речка, начинающаяся из источников» [1984, с. 612]. Значение лексемы *черный* в гидронимах подчеркивается благодаря взаимосвязи на местности близких по значению гидронимов, ср. речка Черная, приток Мшаги (от *мох* «болото»). Названия «черных» и «белых» рек и озер часто противопоставлены в одном и том же регионе; так, есть озеро Белое, в которое заходят две заводи из озера Черного. Речка Чернавка протекает через озеро Белое, впадая в озеро Врево; речка Черная впадает в речку Белую.

По поводу семантики цветowych обозначений в гидронимах стоит напомнить наблюдения А. В. Суперанской,

проанализировавшей большое количество примеров из разных языков, в том числе ряд славянских гидронимов. В частности, автор приходит к следующему выводу: «Цветовые названия встречаются слишком часто, для того чтобы быть случайными. В то же время набор их слишком беден для того, чтобы они могли отражать какие-либо реальные признаки объектов. Все это заставляет думать, что они служат или служили своеобразными местными географическими терминами» [Суперанская, 1970, с. 126]. С этим можно согласиться, заметив лишь, что в ряде случаев, как показывают приведенные нами примеры, реальные признаки объектов все же отражаются цветовыми обозначениями в гидронимах. А. В. Суперанская приводит также сведения об употреблении слов «черный», «белый» по отношению к правым и левым притокам, к направлению (меридиональному или широтному) течения рек и т. п. Например, там, где названия *Черная* и *Белая* парны, они могут относиться: к двум притокам, с разных сторон впадающим в одну реку; к двум притокам, с одной стороны впадающим в одну реку; к двум истокам одной и той же реки. На Украине такие *Черные* реки бывают обычно западнее и севернее своих *Белых* «напарниц». В других славянских областях и для других языковых семей это соотношение может быть иным.

Цветовые обозначения встречаются и в названиях морей (Черное море, Белое море), и в этнонимах (*черные* и *белые угры*), и в таких нарицательных словах, как названия ветров. Исследователи считают, что китайская символика цветов была перенесена в Европу кочевыми народами — гуннами, аварами, тюрками, монголами. Но эта система цветовых обозначений с переходом от одного народа к другому могла видоизменяться. «Так, в Азербайджане *черный* ветер — западный, *белый* ветер — восточный. Возможно, это связано с названиями морей: *Черное море* расположено к западу от Азербайджана, а одним из прежних названий Каспийского моря было *Ак-Дениз* (белое), так как для китайцев, монголов и ряда тюркских народов, обитавших на востоке, оно находилось на крайнем западе. С перемещением тюрко-монгольских народов к западу оно перестало быть для них западным и утратило это название» [Суперанская, 1970, с. 120—121]. Правда, следует принять во внимание, что Черное море называлось так древними персами задолго до пришествия тюрко-монгольских народов в Европу и Юго-Западную Азию (др.-перс. *Axšaina* «темноокрашенный»). Поэтому древние

системы цветообозначений в ориентации по странам света нуждаются в дополнительном изучении.

Возвращаясь к соотношению *Белая/Черная/Червоная Русь*, заметим, что было много гипотез (и столько же их критических разборов) относительно возникновения этих названий. Некоторые из гипотез прямо связывают названия с влиянием системы ориентации, принятой у тюркских и монгольских народов. Польский лингвист В. Маньчак считает, что три разных обозначения Руси первоначально возникли в татарской среде и были приняты славянами: северная часть Руси стала называться *Черной Русью*, западная — *Белой*, южная — *Червоной*. Позже значение этих названий подверглось изменениям. Во-первых названия всегда носили книжный характер и не могли стойко укорениться в народном сознании. Во-вторых, произошли изменения в политической ситуации: в 1480 г. Московская Русь освободилась из-под власти татарского хана и термин *белый* стал употребляться в значении «вольный» и т. д. [Mańczak, 1975, s. 38].

Совершенно с другой точки зрения подходит к названию Белоруссии и вообще к цветовой символике в географических названиях В. В. Иванов [1981]. Географическая схема «цветовых» названий, связанная с ориентацией, может быть недостаточна для их объяснений. Цветовой эпитет возникает и благодаря другим факторам — религиозному, политическому. Так, для эпохи татаро-монгольского ига правдоподобно было бы объяснять эпитет *красный* (т. е. *Червоная Русь*) связью восточных славян, остававшихся в западных землях, с константинопольским патриархом, в то время как «белые» русские зависели от Золотой Орды. Согласно данной гипотезе (западногерманского языковеда И. Кноблоха), здесь можно провести аналогию с употреблением тюркского *кызыл* «красный» в сочетаниях типа *кызыл алма* «красное (= золотое) яблоко» — обозначение христианского собора и соответственно христианского города (Будапешта, Вены). В то же время церковное использование эпитета *белый* по отношению к некрещеным частям славянского населения засвидетельствовано уже у византийского императора Константина Багрянородного в X в.: «некрещенные хорваты, которые также называются белыми».

Использование цветовых различий, соотнесенных с частями света, было известно и европейским народам, хотя большинство ученых соглашается в том, что та символика, которая была характерна для азиатских куль-

турных традиций, проникла в Центральную Европу вместе со степными кочевниками Евразии во время великого переселения народов. В. В. Иванов обращает внимание на многозначность эпитета *белый* в названиях городов. Так, столица Хазарии, по сообщению Ибн-Фадлана, делилась на две части, называвшиеся Белыми и Черными Хазарами. Из текста Ибн-Фадлана неясно, почему они так назывались. Если «Белым» город назывался из-за своего географического положения (на западном берегу Волги), то это согласуется с общеевразийской символикой сторон света: «белый»=«западный». Но эпитет *белый*, употребляемый в связи с городом, может символизировать особую роль последнего (религиозную, архитектурную). В Европе имеется много примеров подобного рода: название Вены (кельтск. *Vindobona*, нем. *Wien*, из др.-ирл. *find* «белый»), вост.-ром. *Alba Julia* (совр. венгр. *Gyulafehérvár*) и др., в которых «белый» город — это особо значимый город. У славян это Белград (Београд) в Югославии, восточнославянские Белгород, Бела(я) Церковь.

К примерам, указанным В. В. Ивановым, можно было бы добавить еще *Белый город* — исторический центр Москвы, сформировавшийся вокруг Кремля и примыкающего к нему полукольца Китайгородской стены. Важность Белого города для древней Москвы несомненна, но это значение эпитета *белый* представляется нам в данном случае вторичным. Поскольку слово *город*, как известно, имело первоначальное значение «ограда, забор», затем «огражденное место» (а в родственных индоевропейских языках этот корень выступал и в значениях «дом», «хлев», «огороженный участок земли»), что сближается с понятием *двор*, то вспомним русское диалектное выражение *белый двор* в значении «огороженное место вокруг дома». В одной из олонецких былин (запись А. Ф. Гильфердинга) читаем: «Поднята у этих дочерей подворотня чугунная, въехать бы туда русскому могучу богатырю на широк туды ему на белой двор» [Словарь русских народных говоров. Вып. 2. 1966, с. 233]. Первоначальный смысл славянских названий типа Белгород мог быть различным. Филолог В. П. Нерозник [1983, с. 35] приводит три возможные версии объяснения этих имен. Согласно одной из них (выдвинул югославский языковед П. Скок), название связано с водой, поскольку все населенные пункты с этим именем локализуются у воды (версия, на наш взгляд, крайне неубедительна, так как известно, что все древние города и укрепления славяне ставили у воды). Другая

версия объясняет эпитет *белый* в фольклорном значении «белый, прекрасный». И наконец, слово *белый* наделяется цветовым или пространственным значением. В. П. Нерознак считает более вероятными последние два объяснения и достоверным толкование имени Белгород как «белый, прекрасный город».

Таким образом, мы видим, что эпитеты *белый, черный, красный* в географических названиях (рек и озер, городов) обязаны своим происхождением различным мотивам номинации, и это следует учитывать при анализе обозначений крупных территориальных регионов *Белая / Черная / Червоная Русь*.

Но вернемся к гипотезе В. В. Иванова, также заслуживающей серьезного внимания, поскольку она учитывает символику цветов с культурно-исторической точки зрения. Значимость «белого» города в европейской традиции определяется и наличием в нем функционально важного христианского собора (ср. Белая Церковь). Но истоки такого символического употребления эпитета *белый* восходят к дохристианским временам, «как это легко установить при анализе римской легенды об озере, связываемом со священным горным лесом Alba (Titus Livius, V, 15). Недавнее исследование Ж. Дюмезиля убедительно показало, что легенда восходит к общеиндоевропейскому преданию об озере, в котором скрывается сияющее сокровище; из этого озера проистекают все реки мира. Отзвуки этой легенды обнаруживаются, с одной стороны, в кельтской и италийской традициях, с другой — в индоиранской, что удостоверяет общеиндоевропейское их происхождение. При этом необходимо подчеркнуть, что в римском варианте легенды с нею связывается и происхождение самого города Рима. При допущении, пока еще чрезвычайно гипотетическом, дохристианских (языческих) индоевропейских истоков первого (цветового) компонента названия Белоруссии следовало бы обратить внимание на чрезвычайно широкое распространение именно в белорусском (и прилегающих к нему) ареалах легенд о чудесном происхождении озер, в некоторых своих частях (в частности, связываемых с волотами), оказывающихся исключительно архаическими» [Иванов, 1981, с. 165].

Цвета *белый, черный и красный* входят в основной треугольник цветов, установленный новейшими нейро-семиотическими исследованиями. Система названия цветов может считаться общечеловеческой. Она совпадает с системой цветовых символов в ритуалах и мифологии

различных народов и совпадает с той символической системой цветов, которая отражена в названиях Белой, Черной и Красной Руси [Там же, с. 167]. Соотнесение трех основных цветов с тремя сторонами света тоже может иметь глубокие нейропсихологические истоки, но конкретное распределение цветов по сторонам света зависит от определенной культурной традиции. Например, общевразийская система (север — черный цвет, запад — белый, юг — красный; для востока возможно использование желтого или синего цвета) сильно расходится с другими системами в Центральной и Южной Азии и Америке. В. В. Иванов считает, что схема соотношения Белой, Черной и Красной Руси, по надежным данным XVI—XVII вв., в общих чертах совпадает с общевразийской схемой, причем позднейшее алтайское (тюркское) влияние могло несколько видоизменить первоначальную древнеславянскую символику.

Таким образом, небольшой экскурс в историю названий региональных областей древней и средневековой Руси вскрывает глубокие корни этих наименований, уводящие нас в психологию и культурные традиции древних народов Европы и Азии.

Нам остается в этой главе рассказать о причинах возникновения и о соотношении двух названий: Русь и Россия. Этот вопрос вызывал всегда и большой интерес, и немалые споры исследователей. Ранее мы говорили о том, что существование особого восточнославянского племени росов (русов), отличного от других восточнославянских племен, исторически недоказуемо. Во всех древнерусских письменных источниках употребляется только форма *Русь*, и этим именем называлось все население Древнерусского государства.

Откуда же возник такой разнобой в наименовании нашей страны — Русь и Россия? Этому есть свое историческое объяснение. Наиболее подробно вопрос о двух наименованиях России исследован А. В. Соловьевым [1957], который обратил внимание на то, что подобное расхождение двух форм, кроме русского языка, есть только в новогреческом. В других иностранных языках большей частью употребляется только одна форма с корнем *рус-*, а в венгерском и польском — с *рос-*. По всей очевидности, истоки формы с огласовкой *о* следует искать в византийских средневековых документах, потому что на Руси вплоть до XV в. она была совершенно неизвестна. Прослеживая параллельное существование византийской и

славянской форм на всем протяжении истории, А. В. Соловьев предполагает, что первое употребление формы *рос-* (под византийским влиянием) наряду с *рус-* (*rhos*, *rhgus*) фиксируется в конце VI в. в сирийской хронике Псевдо-Захарии. Но первым наиболее достоверным свидетельством следует считать сообщение немецких «Бертинских анналов» под 838 г. о прибытии из Византии людей народа *Rhos* ко двору императора Людовика в Ингельсгейм. Таким образом, византийский и германский дворы слышали *o* в названии русов. Все же арабские источники с IX по XI в. и позже называют страну *Rūsiya*, ее народ — *Rūs*, всегда с долгим *y*.

Имя *Россия* (Ῥωσία) впервые появляется в середине X в. у Константина Багрянородного, причем оно, по видимому, возникло по образцу греческих и латинских названий других стран с суффиксом *-ia*. Возможно также, что имя это было известно грекам еще в эпоху мирных переговоров с Русью в 907 и 911 гг. Различались также «внешняя» и «внутренняя» Россия. А. В. Соловьев толкует соответствующие греческие выражения как «дальняя» и «ближняя» Россия, что более, по его мнению, соответствует тогдашнему словоупотреблению. Понятие «дальней» России охватывало пространство от Новгорода до Киева; «ближней» Россией должны были считаться русские поселения в Тавриде, на Босфоре Киммерийском.

В народном византийском произношении наряду с формой *рос-* слышалось и *рус-*, и греки отождествляли это имя с прилагательным ῥοῦσιος «красный, рыжий». В средневековых западных источниках с XI в. повсюду употребляются названия *Russia*, *Ruscia*, *Ruzzia*, реже *Ruthenia*, но иногда их авторы под византийским влиянием употребляют и имя *Rossia*.

Все русские памятники XI—XIV вв. за редчайшими исключениями употребляют названия *Русь*, *русин*, *Русская земля*. Византийская огласовка *Рос/Россия* остается чуждой русскому языку. «Это тем более удивительно, что греческая огласовка была известна в церковных и придворных кругах, поскольку они пользовались греческим языком...» [Соловьев, 1957, с. 140].

С середины XV в. увлечение классицизмом привело к тому, что стали объяснять истоки русского народа связью с роксоланами, росанами древних авторов (Страбон). В русской письменности XV—XVI вв. появились новые формы *Росия*, *Росея*. В «Грамматике», опубликованной во Львове в 1591 г., говорится, что она издана в наставле-

ние «многоименитому российскому роду». Митрополит киевский и галицкий Михаил Рогова стал именоваться «архиепископ всея России», в то время как его предшественники писали «всея Руси» или «всея Русии» [Державин, 1944, с. 94].

В первой половине XVII в. в Московской Руси утвердились византийские термины *Российское царство*, *Великая Росия*, *Малая Росия*, а также еще более книжные греческие формы *росский* и *росс*. Порождением греко-латинской учености явились и термины *роксоланы*, *Роксолания* в применении к русским, к России. В высоком «штиле» XVIII в. слова *Россия*, *росс* господствовали, и лишь начиная с произведений Н. М. Карамзина возрождается народная форма прилагательного *русской*. В самом начале XIX в. русские поэты еще отдают дань классицизму, особенно в патриотических произведениях высокого стиля. В 1814 г. в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» А. С. Пушкин употребляет термины *Россия*, *росс*, *россияне*, *росский*:

«Не се ль Минервы росской храм?»
«Возрев вокруг себя, со вздохом росс вещает»...
«Бессмертны вы вовек, о росски исполины...»
«О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!»

И тут же, в этом же стихотворении переход к употребительным народным формам:

«И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля...»
«За Русь, за святость алтаря...»
«Сразились.— Русский победитель!»

В начале XIX в., однако, выражения *росс*, *росский* уже явственно ощущались как архаические. В сатирических стихах, эпиграммах русские поэты высмеивали пристрастие славянофилов к архаике. Сравним у К. Н. Батюшкова («Певец в Беседе любителей русского слова», 1813 г.):

«Хвала, беседы сей дьячок,
Бездушный Политковский!
Жует, гнусит и вдруг стишок
Родит славяноросский».

А. С. Пушкин («Из письма к кн. П. А. Вяземскому», 1816 г.) писал:

«И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами».

В наше время двойственность форм *Русь / русский* и *Россия / российский*, вызванная долгим византийским влиянием, сохраняется, хотя не употребляются слово *росс* и прилагательное *росский*. Двойственность эта не исчезла и из нозогреческого, польского языков. В польском языке начиная с XVIII в. стали различать русских, или великороссов (*Rosya, gosyanin, gosyjski*), и подвластных Речи Посполитой украинцев и белорусов, впоследствии только украинцев (*Ruś, rusin, ruski*) [Соловьев, 1957, с. 155].

Так, сложными путями благодаря собственному развитию и изменениям содержания термина, благодаря иноземному влиянию и ученой традиции дошли до наших времен простая и близкая *Русь* и гордое имя — *Россия*,

ГОСУДАРСТВА НА КАРТЕ МИРА

Современная политическая карта мира сильно отличается хотя бы от той карты мира, которую мы знали после второй мировой войны. Главным признаком современного политико-административного деления можно считать появление большого числа новых самостоятельных государственных образований на месте бывших колониальных и зависимых территорий.

В СССР изменения в политическом устройстве мира регулярно отражаются в «Ежегодниках Большой Советской Энциклопедии» и в справочниках, издаваемых Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР (ГУГК). Списки названий стран включают названия государств и территорий мира. Обозначение «территория» применяется как наиболее нейтральное и общее по отношению к тем землям, которые обладают зависимым статусом, не являются суверенными, самостоятельными государствами. В юрисдикции зарубежных стран есть различные категории таких земель. Например, во Франции применяются понятия: заморский департамент или заморская территория, территориальная единица. Заморскими департаментами Франции считаются острова Реюньон в Индийском океане, Гваделупа и Мартиника в Вест-Индии, Французская Гвиана — территория в северо-восточной части Южной Америки (с 1946 г.). Новая Каледония, состоящая из четырех регионов в юго-западной части Тихого океана, также относится к заморским территориям Франции. А вот Коморские Острова — республика, расположенная на одноименных островах в Мозамбикском проливе Индийского океана, имеет статус территориальной единицы Франции.

Соединенные Штаты Америки имеют целый ряд владений вне пределов своей основной территории, состоящей из 50 штатов и столичного федерального округа Колумбия. В числе этих владений Пуэрто-Рико и Виргинские острова в Карибском море, Восточное Самоа, Гуам и др. в Тихом

океане. Владения США обладают различным политическим и юридическим статусом. Так, Пуэрто-Рико (официально — Содружество Пуэрто-Рико) с 1952 г. имеет статус свободно присоединившегося к США государства. В ноябре 1986 г. США аннексировали подопечную территорию ООН — Микронезию (общее название группы островов в западной части Тихого океана), острова Каролинские, Маршалловы и Марианские. Все они получили статус содружества и ассоциации с США.

В других странах есть и иные обозначения владений. Так, Новая Зеландия имеет владения: остров Ниуэ, острова Кука и Токелау, которые называются островными территориями. По данным «Географического энциклопедического словаря» (М., 1988, с. 307), термин *территория* для обозначения административно-территориальной единицы в ряде зарубежных государств употребляется наряду с основной административной единицей «по признакам меньшей обжитости, худшей освоенности и др., с ограниченными правами местного управления».

Термин «территория» в советской картографической практике бывает единственно приемлемым в тех случаях, когда официальный статус какой-либо административно-территориальной единицы недостаточно определен. Такова, например, территория *Сянган* (Гонконг) на юго-востоке Китая, включающая остров Сянган и участок на полуострове Цзюлун. Эта земля в 1842—1860 гг. была отторгнута Великобританией у Китая и затем в 1898 г. арендована ею у Китая на 99 лет. На северо-западе Африки имеется большая территория *Западная Сахара* с административным центром Эль-Аюн. Фронт освобождения (ПОЛИСАРИО), созданный в 1973 г. и действующий среди населения этой земли (с 1884 г. владение Испании: *Рио-де-Оро*, затем *Западная Сахара*), выступил за ее независимость. В 1976 г. Испания официально передала власть в Западной Сахаре представителям Марокко и Мавритании. Фронт освобождения объявил о создании в Западной Сахаре Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР), которая пока еще признана не всеми государствами (на 1 апреля 1987 г. САДР была признана 69 государствами).

В зависимости от политической ситуации и от сложившейся картографической практики в справочниках, издаваемых различными учреждениями, число государств и территорий может колебаться в ощутимых пределах.

Официальные наименования и переименования госу-

дарств мира, принятые в нашей стране, санкционируются Министерством иностранных дел СССР, причем основным документом считается «Политическая карта мира», издаваемая ежегодно. Изменения в названиях государств, в том числе, например, употребление национальных транскрибированных форм вместо прежних переводных, происходят по разным причинам. Во-первых, может измениться само официальное наименование той или иной страны. Во-вторых, эта страна может обратиться к другим государствам с просьбой об изменениях в передаче ее названия. Таким образом у нас были заменены, например, переводные названия стран Берег Слоновой Кости и Острова Зеленого Мыса: с 1986 г. они пишутся Кот-д'Ивуар и Кабо-Верде (транскрипция с французского и португальского названий). Ливия обратилась к другим государствам с просьбой употреблять арабское слово *джамахирия* «республика» в официальной форме ее наименования. Теперь официальное название этой страны в русском языке звучит так: Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия. В то же время русские названия всех остальных арабских джамахирий включают привычное для нас слово *республика*: Ливанская Республика и др.

Изменения в названиях государств происходят столь же часто, сколь часто меняется политическая ситуация. Это живой, постоянно текущий процесс. До недавнего времени официальное название Бирмы было — Социалистическая Республика Бирманский Союз. Теперь это Союз Мьянма.

Однако изменения в передаче названий происходят не только по политическим мотивам, но и в результате колебаний в самой картографической практике. Так, в различных справочниках и атласах варьируются названия *Федерации Сент-Китс и Невис*, расположенной на одноименных островах в Карибском море, в северной части архипелага Малые Антильские острова. До 1987 г. страна называлась у нас Сент-Кристофер и Невис. Оказывается, что наименования Сент-Кристофер и Сент-Китс — это фактически одно и то же, так как остров носит имя Св. Кристофера, а англ. Kit — уменьшительная форма личного имени Christopher. В самой федерации допускаются четыре различных варианта названия государства, что приводит к путанице в передаче названия на другие языки.

Мы видим, что название почти каждой страны имеет

две формы: «обиходную» и официальную. Обиходные наименования — это Бахрейн, Бутан, Индонезия, Иордания, Мальдивы, Пакистан, Того, Уругвай. Официальные наименования соответственно Государство Бахрейн, Королевство Бутан, Республика Индонезия, Иорданское Хашимитское Королевство, Мальдивская Республика, Исламская Республика Пакистан, Тоголезская Республика, Восточная Республика Уругвай. Интересны два последних названия. В то время как Того — передача собственно африканского названия, официальное название Тоголезская Республика содержит форму прилагательного *тоголезский*, идущую от французского языка: *тоголез-ский*, ср. также *конголез-ский*. Что касается Уругвая, то эта страна, будучи испанской колонией, до 1815 г. носила название Восточный Берег. Затем она именовалась Восточной Провинцией, а с 1830 г., завоевав независимость, получила название *Восточная Республика Уругвай*, сохранившееся и донныне.

Существует целая наука (или система правил в прикладной ономастике) о передаче географических названий с одного языка на другой. Издаются специальные справочники, содержащие основные правила транскрипционной передачи собственных имен на русский язык. Один из таких справочников — книга Р. С. Гиляревского и Б. А. Старостина «Иностранные имена и названия в русском тексте» (3-е изд. М., 1985), в которой приведены правила передачи имен с 18 европейских языков на русский. Эти правила достаточно подробно разработаны. Вся передача топонимов на географических картах в СССР регламентируется «Инструкциями по передаче географических названий на картах», выпускаемыми ГУГК. Правила, естественно, касаются и названий государств.

Нормализации подлежат не только собственно транскрипция иностранного названия, но и правила ударения, склонения обиходных и официальных форм имен. Например, в названиях стран, содержащих всегда склоняемые слова *республика*, *королевство* и т. п. (играющие роль географического термина), можно сказать: «в Республике Венгрия», или «в Республике Венгрии», если собственная часть названия имеет форму женского рода. Если же она имеет форму мужского, а тем более среднего рода, то рекомендуется ее не склонять. Можно сказать: «в Сингапуре», «в Непале», «в Лихтенштейне», но следует говорить: «в Республике Сингапур», «в Королевстве Непал», «в Княжестве Лихтенштейн».

Стандартизация географических названий и наличие разработанной системы правил их передачи на другие языки сильно облегчают и упорядочивают работу картографов и топонимистов. Однако есть целая категория собственных имен, в том числе названий государств, которые выпадают из общей системы правил, являются исключениями. Речь идет о таких случаях, когда название страны передается традиционно или переводится: Англия, Бразилия, Соединенные Штаты Америки; в недавнем прошлом — Острова Зеленого Мыса, Берег Слоновой Кости и т. д. Традиционная передача собственных имен не учитывает никаких действующих и обязательных в наше время правил; она является исторически сложившейся. Так, мы говорим *Франция* вместо «Франс», *Индия* вместо «Бхарат», *Япония* вместо «Нихон» или «Ниппон», *Финляндия* вместо «Суоми», *Австрия* вместо «Эстеррайх», *Греция* вместо «Эллас» или «Эллада» и т. д. Иногда по традиции закрепляется неправильная передача ударения: *Пéру* вместо «Перу́», *Гондурáс* вместо правильного «Он-дúрас» (в последнем случае, кроме ударения, искажены произношение и транскрипция названия). Некоторые традиционно передаваемые названия объясняются их заимствованием через посредство других языков. Например, форма *Финляндия*, видимо, возникла благодаря шведскому и немецкому влиянию; *Албания* вместо «Шкипери» также издавна известна русским из языков соседних народов.

Приведем еще некоторые примеры традиционно передаваемых названий современных государств:

На языке оригинала	Следует читать	Русская форма
Argentina	Архэнтáна	Аргентина
Brasil	Бразíл	Бразилия
Colombia	Колóмбия	Колумбия
Danmark	Дáнмарк	Дания
Equador	Экуадóр	Эквадор
España	Эспáнья	Испания
Honduras	Он-дúрас	Гондурас
México	Мéхико	Мексика
Norge	Нóрге	Норвегия
Paraguay	Парагуáй	Парагвай
România	Ромáния	Румыния
Sverige	Свéрие	Швеция-
Uruguay	Уругуáй	Уругвай

При сопоставлении названий одной и той же страны в разных языках выявляются очень интересные особенности. Названия современных новых государств, как правило, передаются во многих языках одинаково (действует международный стандарт). Например, *Буркина-Фасо* или *Бурунди* точно так же, как в русском, звучат в финском, шведском, английском и французском языках: *Burkina Faso*, *Burundi*. Но более старое и лучше известное европейцам наименование *Бирма* уже имеет различные варианты. В финском и шведском, например, это *Birma* — форма, явно заимствованная через посредство англ. *Burma* (произносится: бёмэ). Русская форма *Бирма* ближе к французской (*la Birmanie*). Еще более старое заимствование — название европейской страны *Нидерланды* (*Голландия*). В финском языке это переводное название *Alankomaat* (букв. «нижние, низменные земли») и параллельное *Hollanti*. В шведском и английском это формы, близкие к языку оригинала: *Nederländerna* и *(the) Netherlands*, а также параллельное *Holland*. Наконец, во французском языке находим снова переводное название «низменные земли»: *(les) Pays-Bas*.

Как возникли эти параллельные названия *Нидерланды* / *Голландия* в разных языках, в том числе и русском?

Название *Нидерланды* (*Nederlanden*) впервые появляется в конце XV в. и далеко не сразу становится общепризнанным. Название же *Голландия* (*Holland*) имеет более древнюю историю. Оно, как полагают, происходит от соединения слов *holt* «лес» и *lant* «страна», т. е. «лесная страна» (есть и другие объяснения). Историческая область *Голландия* (гораздо меньшая, чем позднейшие *Нидерланды*) была в древности заселена фризскими племенами. В средние века *Голландия* становится графством, которое росло территориально (присоединило часть *Фрисландии*, *Зеландию* и другие земли) и в разные времена входило в состав Священной Римской империи, бургундского государства, владений *Габебургов*.

После *Утрехтской унии* 1579 г. *Голландия* входит в состав *Республики Соединенных Провинций* и, будучи самой развитой экономической провинцией *Северных Нидерландов*, становится политическим и экономическим центром буржуазной республики. В самом конце XVIII в. *Нидерланды* были завоеваны французами и вошли в *Батавскую республику*. После *Венского конгресса* 1815 г. было образовано *Королевство Нидерландов* (в равное время оно было известно в Европе под разными названиями,

в том числе и как *Королевство Голландии*), — это название и по сей день является официальным для страны, а *Голландия* представляет собой две провинции (разделенные в 1840 г.): Северная Голландия с центром в Харлеме и Южная Голландия с центром в Гааге.

Как видим, названия *Голландия* и *Нидерланды* прошли сложный исторический путь, и оба они стали хорошо известны в Европе, отчего и возникли параллельные наименования страны. Хотя Голландия фактически является лишь частью Нидерландов, в обиходной русской речи оба имени употребляются как взаимозаменяемые синонимы. Имя *Нидерланды* в голландском языке также означает «низменные земли» (отсюда и соответствующие кальки в европейских языках). Действительно, страна расположена на побережье Северного моря в низменной затопляемой местности, в низовьях рек Рейна, Мааса и Шельды.

Есть в русском языке и другие параллельные названия государств, например *Англия* и *Британия*. Первое из них связано с этнонимом *англы* — названием древнегерманского племени, жившего первоначально на полуострове Ютландия и принявшем участие в англосаксонском завоевании Британии (V—VI вв.). Что же касается последнего названия, то оно было известно уже античным географам и произошло от названия кельтского племени бриттов, населявшего Британию до прихода англов и большей частью истребленного англами. Название *Британия* относилось к современной территории Англии, Уэльса и части Шотландии. Таким образом, исторически Англия (в VII—VIII вв. Англосаксонское королевство) составляла лишь часть *Британии*, ядро Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Но в представлении и самих англичан, и других европейских народов названия *Англия* и *Британия* стали синонимами.

Названия государств, подобно названиям народов, могут быть совершенно разными в родном и иностранных языках. Мы уже говорили о *венграх* и об их самоназвании — *мадьяры*. Соответственно страна венгров называется в языках соседних народов *Венгрией*, а самими венграми — *Magyarország*. Албанцы называют свою страну *Shqipëri*, а все соседние народы — *Албанией* (*Albanu*, *Albanie*, *Albania* и т. д.). Формы названий страны *Польши* в разных языках хотя и происходят от одного корня, но зависят от региона и традиции употребления. Ближе всего к собственно польскому названию Польши — *Polska* —

славянские наименования этой страны: в чешском языке *Polsko*, в сербохорватском *Пдљскā*, в болгарском *Полша*, в русском — *Польша*. Германские языки передают название Польши близко, но несколько иначе: *Polen* в шведском и немецком, *Poland* в английском, в финском языке — *Puola*. А основой наименования страны в романских языках стало древнее латинизированное название *Polonia*: итал., португ., исп. *Polonia*, франц. (la) *Pologne*.

До сих пор мы обращали внимание преимущественно на форму названий государств в русском языке. Теперь стоит подробнее рассказать о происхождении и значении некоторых из современных названий, для чего иногда потребуется совершать экскурсии в историческую географию различных стран мира. Дополнительные сведения читатель найдет в «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонова [1966] и в энциклопедических справочниках.

Значительную часть названий государств составляют имена, образованные от этнонимов. Это один из основных принципов номинации стран.

В Советском Союзе, образованном по федеративному принципу, имеются 15 союзных и 20 автономных республик, 8 автономных областей, 10 автономных округов. По крайней мере половина названий союзных республик определено происходит от этнонимов: Россия, Грузия, Эстония, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения. Название *Грузия*, например, своим источником имеет слово *гурз / гурдж* (неизвестной этимологии): так называли этот народ на Востоке и затем в России. Из слова *гурзин* с перестановкой звуков в русском языке появился этноним — *грузин*, а от него название страны — *Грузия* (Грузинская ССР образована 25.02.1921 г.). Самопазвание грузин — *картвелы*, страны — *Сакартвело*. Исторически Грузия имела разные названия. В 1-м тысячелетии до н. э. западная часть Грузии называлась *Колхида* по имени населявшего ее народа *колхи*. Колхида была известна древним грекам; именно в Колхиду, согласно мифу, отправляются аргонавты за золотым руном. Другое древнее название грузин было *иберы*; иберов античные географы II в. до н. э. помещают в Закавказье между колхами и кавказскими албанами. По имени иберов (в России позже усвоили это имя в форме *иверы*) Грузию стали также называть Иберией.

Все среднеазиатские республики носят названия позднего происхождения, возникшие при советской власти.

сульманство, в результате чего в среднеперсидском и армянском языках оно именовалось *тачик* «араб». С тем же значением употреблялся китайский термин *да-ши*, затем турецкий термин *теджик* в XI в. принял значение «перс», и в том же веке *тази* стало самоназванием ираноязычного населения Среднеазиатского междуречья в отличие от тюркских кочевников. Эта этимология академика В. В. Бартольда не общепринята. Другие исследователи сопоставляли названия *таджики* и *таты* (ираноязычный народ в Азербайджане) и т. д.

Другие названия союзных республик, видимо, образованы не от этнонимов, а от хоронимов или имеют иное происхождение. Таково наименование Армянской ССР. Имя *Армения* известно с VI в. до н. э. (греч. Ἀρμενία, др.-перс. Armaniya-, Armina-), но его этимология не установлена. Армянские предания рассказывают о родоначальнике армян по имени Хайк. С ним связано самоназвание армян *хай* (*хайк*), а страны — Хайястан. Этноним хай и страна Хайяса упоминаются еще в древнехеттских источниках XIX в. до н. э. Автор «Истории Армении» Моисей Хоренский (Хоренаци), живший, как полагают, в 370—493 гг., сообщает родословную Хайкидов. Среди потомков Хайка были Арменак и Арам. «Рассказывают, что Арам совершил много воинских подвигов в боях, что он раздвинул пределы Армении на все стороны; что все народы стали называть нашу страну его именем: Греки — Армен, Парсы и Сирийцы — Армни» [Хоренский, 1893, с. 22].

Интересна и история названия соседней с Арменией республики Закавказья — Азербайджана. В древности на территории Азербайджана было много государств, в том числе в его северной части — Албания, в южной — Малая Мидия, или Атропатена. Античные писатели, по видимому, передавали знакомыми им словами Албания, албаны сходно звучащее местное название, ср. армянское обозначение Ахванк (Ран), грузинское Ран, арабское Арран. Полагают, что албаны были одним из автохтонных северокавказских народов. Упоминание о них впервые встречается в античных источниках с IV в. до н. э.; во II в. н. э. они были известны как союз 26 кочевых племен.

Название *Азербайджан* часто необоснованно объясняют из иранских языков как «страна огней», учитывая то обстоятельство, что эта страна была одним из центров зороастризма. В действительности, как показали академик

Это этнонимические названия: Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения (официально — Казахская, Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская ССР). Элемент *-стан* — ираноязычный, со значением «страна». Этнонимы, лежащие в основе названий этих республик, известны с древности; так, *киргизы* упоминаются в китайских документах II в. до н. э. Это название неясного происхождения, по-видимому монгольского или древнетюркского. Этноним *кыргыз* известен был в бассейне Енисея; как уже отмечалось ранее, исследователи связывают с ним и наименование хакасов.

Имя Туркмения (Туркменистан) обязано своим возникновением основному населению республики — туркменам. Оно относительно новое: существует лишь с конца 1924 г., когда была образована Туркменская ССР, выделенная из Туркестанской АССР. В свою очередь, Туркестаном называли в XIX — начале XX в. территорию в Средней и Центральной Азии, населенную тюркскими народами. Что же касается этнонима *туркмены*, то он известен с древности. *Туркменами* (это имя связано с этнонимом *тюрк*) в письменных источниках X в. назывались народы, распространившиеся в VIII—X вв. от реки Талас до Каспийского моря; прежде их называли *огузами*.

Основной народ Казахстана — *казахи*. Этноним *казак* — самоназвание казахов — пережил своеобразные изменения в русском языке. С XVIII в. казахи ошибочно именовались киргиз-казаками или киргиз-кайсаками; самоназвание *казак* было восстановлено только в 1925 г., а с 1936 г. в официальное употребление входит русский вариант передачи казахского самоназвания — *казах, казахи*, который был известен еще с XIX в.

Узбекистан получил свое наименование по узбекам — тюркскому народу, имеющему большую историю. Часть оседлых узбекских племен в древности носила имя *сарты*. Что касается этнонима *узбеки*, то, как полагают, он впервые появился в XIV в. и связан с личным именем золотоордынского хана *Узбека*, одного из потомков Тимура. Некоторые исследователи отмечают, что имя самого *Узбека* происходит от народа *узы (озы)*, жившего некогда в Средней Азии.

Таджикистан — единственная среднеазиатская республика, основное население которой не тюркоязычно, а ираноязычно. Этноним *таджик* объясняли по-разному, в частности по имени племени *тай* (III—VII вв.), жившего западнее Евфрата. Ираноязычное племя *тай* приняло му-

В. В. Бартольд и известный востоковед И. М. Дьяконов, оно восходит в конечном итоге к личному имени Атропат, принадлежавшему сатрапу последнего ахеменидского царя Дария III Кодоманна (IV в. до н. э.). Имя его типично иранское и означало «хранимый священным огнем». Провинция, находившаяся под управлением Атропата, получила в греческом языке название Атропатена. Древнейшая мидопарфянская форма этого имени — Атурпаткан, которая затем в результате ряда закономерных изменений через средневековые формы Атурбадган, Адурбайган, Адарбайджан и др. дала современное имя Азербайджан [Дьяконов, 1956, с. 262]. На территории Азербайджана, по сообщениям арабо-персидских авторов, говорили на языках аррани (в Албании) и азери (азерби) — в Атропатене. Последнее название в более точной транслитерации выглядит как *āzarī*; предполагают, что это был особый иранский язык, видимо литературный, близкий к современному талышскому (талыши — народ, проживающий сейчас на юго-востоке Азербайджанской ССР и на севере Ирана).

Название *Молдавия* (ССР Молдова) — продолжение исторического территориального имени *Молдова*. По предположению некоторых лингвистов, этот этноним возводится к слову *molīd* «сосна». Возможно, это заимствование из германских языков (ср. нем. *Mulde* «лощина» [Никонов, 1966, с. 272]). М. Фасмер [1986, т. 2, с. 642] считает название Молдавии (рум. *Moldovă*, стар. *Moldava*) производным от имени реки Молдова в Румынии.

Название *Украина* интересовало многих исследователей. Очевидна его этимологическая связь со словами *край*, *окраина*. Писатель и литературовед В. Б. Шкловский в книге «О теории прозы» [1983, с. 352] размышляет об этом имени следующим образом: «...интересный вопрос, когда появилось название „Украина“ — край чего-то, — большого; и бóльшего. То есть выделение Украины в скрытом виде определяет существование другого государства, в котором Украина — у края. Наверняка, это боевой край. Но в полной степени это не вражда. В этом названии скрытая форма незавершенности процесса». Подобные поэтические и философские ассоциации не лишены смысла, что подтверждается употреблением термина по отношению не только к сегодняшней Украине, но и к другим историческим древнерусским областям.

Украина в значении «окраинная территория» упоминается в летописях в связи с Волынской землей [Етимо-

логічний словник... 1985, с. 166]. В Ипатьевской летописи под 1189 г. читаем: «И еха и Смоленська в борзѣ и приѣхавшю же емоу ко Оукраинѣ Галичьской и взъ два города Галичькыи». Или под 1213 г.: «Данилоу же возвратившюся к домови. и ѣха с братомъ. и приа 'Берестии. и Оугровескъ. и Верещинъ. и Столпъ Комовъ. и всю Оукраиноу». Это собственное имя образовано из нарицательного др.-рус. *оукраина* «пограничная местность». Действительно, Украина Галичская — область Волынского княжества, пограничного с Польшей. Но Украиной назывались и юго-западные окраины Московского государства (*украина за Окою*), и пограничные земли Пскова. *Украина Терская* — диалектное название южного побережья Кольского полуострова; в архангельских говорах *укра́й* «с краю, на берегу», *укра́йной* «крайний». *Украиной* довольно рано (с конца XII в.) стали называть окраинные территории Переяславских и Киевских земель; позже это имя распространилось на все земли, носившие название Малороссии.

О Белоруссии уже говорилось ранее в связи с цветовыми обозначениями Древней Руси. Названия двух союзных республик — Литовской и Латвийской ССР — происходят от гидронимов, о чем тоже говорилось в разделе о балтах.

Названия советских автономных республик большей частью образованы от этнонимов: Каракалпакская, Абхазская, Марийская, Калмыцкая, Чечено-Ингушская АССР и др. Так, Башкирская АССР получила свое наименование от *башкир*. Этот этноним (древние формы — башкурт, баджгур, башгирд и др.) происходит, по мнению Н. А. Баскакова [1980, с. 202], от двух тюркских слов — *баджа* «свойяк, свойственник» и *огур* «огуз, название рода». В названии Татарской АССР присутствует этноним *татары*, образованный от личного имя Татар (потомок Чингисхана). В свою очередь, личное имя вождя имеет соответствие в названии монголоязычного или тюркоязычного племени, упоминаемого в енисейско-орхонских памятниках древнетюркской письменности и в Словаре Махмуда Кашгарского [Там же].

Но есть в названиях автономных республик и образованные от географических имен, например Дагестанская АССР, или *Дагестан*. Дагестанцы — это не особый народ, а все жители Дагестана. В Дагестане проживает множество народов (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, русские и др.). *Дагестанские языки* — лишь общее назва-

ние для ветви иберийско-кавказских языков, состоящей из нескольких языковых групп. Само же имя *Дагестан* возникло в XVII в.; оно означает «горная страна» (из тюрк. *даг* «гора» и иран. *стан* «страна»). Аналогичным образом *Нахичеванская АССР* названа не от какого-либо народа, а по главному административному центру — городу Нахичевань (в середине XVIII в. существовало Нахичеванское ханство, с 1920 г. Нахичеванская советская республика, с 1923 г. автономный край в составе Азербайджанской ССР, с 1924 г. преобразован в НАССР).

Основные принципы образования названий государств, с которыми мы познакомились на примере союзных и автономных республик СССР (то же касается автономных областей и округов), действуют и в отношении других стран мира. Но способы образования и пути возникновения названий достаточно разнообразны.

Прежде всего вернемся к официальным формам названий государств. Во многих из них отражены политический строй, господствующая религия и особенности политико-административного устройства страны: республика (народная, народно-демократическая, социалистическая) или монархия (абсолютная или конституционная), а также, если она есть, федеративность. Ср., например: Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка, Султанат Оман (абсолютная монархия, глава государства — султан), Исламская Республика Пакистан, Королевство Саудовская Аравия (абсолютная теократическая монархия), Чешская и Словацкая Федеративная Республика, Великое Герцогство Люксембург (глава государства — великий герцог). В числе федеративных государственных образований Союз Советских Социалистических Республик, Соединенные Штаты Америки, Мексиканские Соединенные Штаты, Федеративная Республика Бразилия, Федеративная Республика Германии, Федеральная Исламская Республика Коморские Острова, Швейцарская Конфедерация, Объединенные Арабские Эмираты (федерация эмиратов на востоке Аравийского полуострова: Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Эль-Фуджайра, Умм-эль-Кайвайн, Аджман и Рас-эль-Хайма) и др.

В официальных названиях государств отражаются самые различные формы политических объединений (ср. Кооперативная Республика Гайана, Содружество Доминики). Особенно часто возникают составные названия в случаях политических объединений островных территорий: Сент-Винсент и Гренадины, Тринидад и Тобаго (Карибское

море), Папуа—Новая Гвинея (в юго-западной части Тихого океана). Иногда при этом происходят любопытные трансформации в названиях государств. Так, в 1964 г. в результате объединения африканских стран Танганьики и Занзибара на карте появилось новое государство с именем, искусственно образованным из начальных слогов обоих названий: *Танзания* (Объединенная Республика Танзания). Ср. также Конфедерацию *Сенегамбия* (из двух стран — Сенегал и Гамбия).

На всех населенных континентах мы находим названия стран, происшедшие от этнонимов. Больше всего таких имен в Евразии, где государственные образования возникали с глубокой древности. В Европе это Бельгия (*белги* — кельтское племя, завоеванное Римом в I в. до н. э.), Болгария, Греция, Дания, Италия (Виталия 500 г. до н. э. — по имени племени *виталов*), Румыния, Швеция и др. В Азии с соответствующими народами связаны названия Бангладеш (население — *бенгальцы* или на языке хинди *банга*, прежде историческая область Бенгалия); Бирма (*бама* — древнее самоназвание бирманцев), Лаос (по народу *лао* или *лава*, в португальской передаче с показателем множественного числа), Монголия (от этнонима *монголы*), Таиланд (народ *таи* и англ. *land* «страна»), Турция (*турки*) и др. В Африке Ботсвана (население — в основном *тсваны*), Бурунди (от этнонима *барунди*), Мавритания (название было дано в древности европейцами, ср. наименование *мавры* — из греч. и лат.), Малави (население *малави*), Эфиопия (из греч. названия населения; букв. «страна людей, обожженных солнцем») и др. В Новом Свете названия стран по этнонимам менее многочисленны: кроме Никарагуа и Мексики (последнее — косвенно, через название города Мехико), о которых мы уже говорили, можно отметить, например, Парагвай (тоже косвенно — по названию реки Парагвай, левого притока Параны, а гидроним, в свою очередь, связан с индейским этнонимом *парагуа*). Пожалуй, можно сказать, что для обеих Америк, государственные образования которых в современном виде начинали складываться лишь с эпохи великих географических открытий, способ называния государств по этнонимам не характерен. То же самое относится, по-видимому, к Океании (ср. Папуа).

Другие способы номинации также широко представлены в названиях государств. Например, упомянем некоторые государства, одноименные с их столицами: в Америке Бразилия, Гватемала, Панама, Сальвадор (столица

Сан-Сальвадор), в Африке Алжир, Джибути, Тунис, в Азии Аомынь, Кувейт, Сингапур, в Европе Андорра (столица Андорра-ла-Вьеха), Люксембург, Монако, Сан-Марино.

В Африке многие государства называются по имени крупных географических объектов на их территории. С названием рек и озер связаны страны Гамбия (река Гамбия), Заир (второе название реки Конго — Заир), Замбия (река Замбези; у обоих имен общая основа, но они полностью не совпадают), Конго (река Конго), Нигер и Нигерия (река Нигер), Сенегал (река Сенегал), Чад (озеро Чад). Страна Кения названа по имени горы Кения, Намибия — по пустыне Намиб.

Многочисленны «островные» государства, и часто они бывают одноименны с островами и архипелагами, на которых расположены. Так, государство Бахрейн находится на одноименном архипелаге в юго-западной части Персидского залива. На одноименных островах в Вест-Индии расположены Гваделупа, Гренада, Доминика, Куба, Сент-Люсия, Ямайка и др.; в Тихом океане — Науру, Тонга, Фиджи и др.; в Европе — Ирландия, Исландия, Мальта (по имени одного из крупных островов, принадлежащих Республике Мальта).

Есть и обратные примеры: остров может получить свое наименование по имени государства. С тех пор как испанцы в 1521 г. познакомились с самым крупным островом Индонезии — Калимантан, в Европе он стал известен как Борнео — по имени султаната *Бруней* в северо-западной части острова. Даяки, населявшие остров до малайцев, не имели для него общего названия. У малайцев северная часть острова стала называться Берунай, южная — Кемантан, оба эти названия распространились на целый остров и стали его параллельными обозначениями. Государство *Бруней* существует до сих пор; его официальное наименование — *Бруней-Даруссалам*.

Нередки в названиях государств такие термины, которые указывают на географическое расположение (по странам света и т. п.). Одновременно это может иметь значение для различия одноименных государств с разными политическими системами. Ср. Центральноафриканская Республика, Южно-Африканская Республика, Восточный Тимор, Западное Самоа, Западный Берлин (особая политическая единица в центре ГДР, находящаяся под оккупационным режимом трех западных держав).

Экваториальная линия Земли также сыграла свою

роль в наименованиях государств двух континентов: Экваториальная Гвинея в Африке и Эквадор в Южной Америке. *Эквадор*, или буквально «Республика Экватора» (исп. República del Ecuador), получил свое наименование с провозглашением независимости в 1830 г.; до этого с 1822 г. территория называлась Область Кито в составе Великой Колумбии. Индейцы — коренные жители Эквадора — еще в древности заметили, что солнце над их землей дважды в году перемещается с одной стороны небосклона на другую и что в такие дни в полдень ни люди ни предметы не отбрасывают тени. Наблюдения индейцев отразились и в названии столицы страны Кито, которое в переводе с древнего языка киту означает «две половины» [Студенцов и др., 1973, с. 71]. Земному экватору в этой стране поставлен памятник «Линия экватора»: каменный шар на вершине четырехгранной пирамиды, опоясанный символической золотой полоской, разделяющей Землю на две половины.

Ряд названий стран обязан своим возникновением эпохе географических открытий. Имена, данные нидерландскими, испанскими, португальскими мореплавателями, звучат до сих пор. В честь Христофора Колумба названа страна *Колумбия*. Архипелаг в Тихом океане *Филиппины* (теперь существует одноименное государство) был открыт Магелланом в 1521 г. и назван им *Острова Св. Лазаря*: открытие совершилось в день св. Лазаря по католическому календарю. В 1543 г. испанское правительство решило колонизовать острова и присвоило им другое имя — *Филиппины* — в честь наследника престола, впоследствии короля Филиппа II.

Подобным же образом, как и прежнее название Филиппин — *Острова Св. Лазаря*, появились имена католических святых (также католических праздников, дней открытия или основания) на политической карте мира: *Доминика* и *Доминиканская Республика* (ср. последнее — от города Санто-Доминго, ср. исп. domingo «воскресенье»), *Мартиника* (открыт в 1493 г. Колумбом в день св. Мартина), *Сальвадор* (исп. el Salvador, букв. «спаситель», т. е. Христос) и др. В Европе есть только одно такое название: небольшое государство *Сан-Марино* на Апеннинском полуострове, в центре Италии. Это средневековое название по имени святого патрона некоего каменщика Маринуса из Далмации, который в IV в. поселился на горе Монте Титано и основал общину, ставшую независимым государством.

Помимо названий, восходящих к именам католических святых, на карте мира есть и персональные мемориальные названия в честь конкретных исторических деятелей. Кроме Колумба, короля Филиппа II и др., этой чести удостоился, например, голландский принц Мориц Оранский. По латинской форме его имени — *Mauritius* — в 1598 г. был назван остров Маврикий, один из Маскаренских островов в Индийском океане (теперь Государство *Маврикий* на этом и ряде других соседних мелких островов). А большая латиноамериканская страна *Боливия* (до 1825 г. испанская колония Верхнее Перу) была названа в честь Симона Боливара (1783—1830), руководителя борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке. Боливар был в 1819—1830 гг. президентом Великой Колумбии, созданной на территории нескольких освобожденных им стран.

Некоторые имена стран обязаны своим возникновением так называемым топонимическим переносам. Остров *Гренада* в Вест-Индии, занимаемый одноименным государством, получил свое название в честь южноиспанского города Гренада (Гранада), бывшего в XIII—XV вв. столицей Гранадского эмирата. Земля, открытая голландцем А. Тасманом в 1642 г. и названная им «Земля Штатов» (т. е. Нидерландов), позже стала именоваться *Новой Зеландией*, по имени голландской провинции Зеландия (в переводе — «морская земля»). А *Новой Каледонии*, населенной меланезийцами, название дал ее первооткрыватель Дж. Кук в 1774 г., употребив для этой цели старинное латинское название Шотландии — Каледония.

Испанские первооткрыватели снаряжали экспедиции в Америку в поисках богатых земель, в поисках золота. Это отразилось и в названии некоторых государств: *Коста-Рика* («богатый берег», вначале название побережья — *Costa del Oro* «берег золота»), *Пуэрто-Рико* «богатая гавань», *Аргентина* «серебряная» (название 1826 г., но оно связано со значением имени «реки серебра» — *Rio de la Plata*, данным в 1526 г.). Бывшее название Аргентины — «Объединенные провинции Серебряной реки».

Некоторые же латиноамериканские страны получили совершенно случайные (или, скажем мягче, недостаточно обоснованные для названия целой страны) названия. Так, имя *Бразилия* (португ. *Brasil*) происходит из португальского языка: от слова *brasil* «фернамбук, красный сандал». Дело в том, что из этого дерева в Бразилии добывали ярко-красную краску, название которой, в свою очередь,

происходит от *brasa* «жар, горящие, раскаленные угли».

Но еще более случайной ассоциации названа *Венесуэла* (исп. *Venezuela*). В 1499 г. члены испанской экспедиции увидели на берегу залива Маракайбо (теперь также Венесуэльский залив) индейскую деревню, построенную на сваях. Это напомнило им итальянскую Венецию, и испанцы назвали деревню *Venezuela*, т. е. «маленькая Венеция». Название затем распространилось на всю территорию, а с 1830 г. стало именем самостоятельного государства.

Есть, конечно, в Америке и страны, названия которых происходят из местных индейских языков. Этимология их не так легко устанавливается, как в случае имен Аргентина, Боливия, Венесуэла и др., данных испанскими и португальскими первооткрывателями и имеющих исторически известную мотивацию. Индейские имена иногда уходят в большую древность. Порой же на всю страну распространяется имя какого-нибудь индейского поселения, о котором европейцы узнали, впервые ступив на данную территорию. Именно таково, скорее всего, происхождение названия *Перу*. Государство инков, которое испанцы встретили на этой земле в XVI в., называлось иначе — Тауаптинсуйу. Вероятно, источником имени *Перу* послужил гидроним Биру: так называлась река в том месте, где высадились испанские конкистадоры, плывшие от Панамского перешейка.

Освободительное движение в бывших колониальных и зависимых странах привело к появлению на политической карте мира множества новых названий государств. Особенно характерен этот процесс для Африки. В колониальную эпоху карта этого континента пестрела такими названиями территорий и географических объектов внутри них, которые прямо указывали на страну, владевшую колонией: Англо-Египетский Судан, Бельгийское Конго, Испанская Сахара, Португальская Гвинея. Помимо этих имен, были и образованные из сочетания местного африканского названия (племени или географического объекта) с английским словом *land* «страна»: Басутоленд, Бечуаналенд, Ньясаленд. В настоящее время из подобных названий государств, связанных с языками европейских завоевателей, остались только: *Кабо-Верде* (= Острова Зеленого Мыса, из португ.); *Камерун* (из португальского названия реки *Rio des camarones* «река креветок»); *Кот-д'Ивуар* (= Берег Слоновой Кости, из франц.); *Либерия* («свободная страна», из лат. *liber* «свободный»; название

дано в первой половине XIX в. американцами: земли в Западной Африке заселялись неграми, освобожденными от рабства в США); *Сан-Томе и Принсипи* (на островах в Гвинейском заливе, открытых португальскими мореплавателями в 70-е годы XV в. *Сан-Томе* — букв. «Св. Фома», *Принсипи* — из португ. *príncipe* «принц, наследник престола», перен. «единственный в своем роде»); *Свазиленд* (от названия африканских племен *свази* и англ. *land*); *Сьерра-Леоне* («Львиные горы», исп.).

Народы стран, освободившихся от колониального режима, меняют не только политическое устройство своих стран. Во многих случаях меняются и их названия. Укрепление этнического самосознания народов Африки привело, в частности, к возвращению наименований древних государств Африканского континента: *Бенин*, *Бурунди*, *Гана*, *Мали*. Например, государство Бенин существовало вплоть до конца XIX в. в южной части Нигерии (местное его название — *Эдо*). Предполагают, что это название (данное португальцами в последней трети XV в.) связано с африканским этнонимом *бини*. Расцвет государства *Бенин* пришелся на XIII—XV вв. До сих пор сохранились памятники искусства Бенина высокой художественной ценности: бронзовые статуэтки, вещи из слоновой кости.

Аналогичным образом были восстановлены названия мощных африканских государств *Гана* (IV — начало XIII в., до 1957 г. британская колония *Золотой Берег*), *Мали* (XI—XV вв., до 1960 г. *Французский Судан*) и *Бурунди* (королевство XVIII в.; с 1946 до 1962 г. бельгийская подопечная территория *Руанда-Урунди*).

Другие новые названия даются по крупным рекам, протекающим по национальной территории, и по другим географическим объектам (*Гамбия*, *Заир*, *Замбия*, *Намбия*), по этнонимам (*Малави*, *Руанда*).

Романтическое название получило новое государство *Буркина-Фасо*, находящееся в Западной Африке. До августа 1984 г. оно именовалось *Верхняя Вольта* — по названию двух крупных рек Черная и Белая Вольта. Изменение политического статуса (с августа 1983 г. вся законодательная и исполнительная власть перешла к Национальному совету революции) привело к изменению и названия страны. Оно было образовано из слов в языках населяющих ее народов (моси, бобо, сенуфо, фульбе и др.): *буркина* «достойный» и *фасо* «очаг отца», «родина», «республика». Таким образом, название страны *Буркина-Фасо* в переводе означает «родина достойных людей».

Подобные же тенденции наименования новых государств характерны для многих других регионов мира, в которых страны освобождаются от колониальной и политической зависимости. К названиям существовавших на их территории древних государств вернулись, например, *Шри-Ланка* (б. *Цейлон*) и некоторые другие страны.

Интересные сведения об истории названия Пакистан сообщает Ю. В. Ганковский [1969]. В 1931 г. в Лондоне происходила Конференция круглого стола, созванная правительством Великобритании для обсуждения нового Закона об управлении Индией. В связи с этой конференцией панджабец Чаудхри Рахмат Али создал схему конституционного устройства Индии. В этой схеме он предложил выделить мусульманские районы северо-западной части Британской Индии и создать из них независимое мусульманское государство под названием *Пакистан*. Это имя Ч. Рахмат Али образовал искусственным образом: оно представляет собой аббревиатуру из названий всех составляющих страну территориальных единиц: Панджаб, Афгания, Кашмир, (и) Синд, Белуджистан. Кроме того, создатель имени *Пакистан* считал его удачным по той причине, что в языке урду — предполагаемом основном национальном языке нового государства — имеется слово *пак* в значениях «чистый», «ясный», «незапятнанный», «безупречный», «добродетельный». Таким образом, искусственно созданное название *Пакистан* приобрело бы и второе значение — «Страна безупречных, чистых (людей)». Не правда ли, напрашивается полная аналогия с *Буркина-Фасо*? Позже, когда лидеры мусульманского религиозно-общинного движения стали пропагандировать идею создания Пакистана, некоторые из них, в основном панисламисты, стремились толковать аббревиатуру Пакистан шире: они включили в нее и названия Иран, Тохаристан. Но, видимо, в первоначальном авторском понимании имя *Пакистан* такого расширительного толкования не имело.

В восточной Ойкумене

«— Где твоя Страна золота, варвар? — спросил он меня.

— На закате Мира. За Белерионом и Уксисамой, в великом Океане».

Так передает французский археолог и писатель Ф. Лаллеман [1986, с. 136] разговор финикийского мореплавате-

ля и одного из спутников знаменитого путешественника IV в. до н. э. Пифея из Массалии. Художественное произведение вводит нас в область географии древних. Под «закатом мира» понимается запад. Белерион — это мыс Лендс-Энд («Край земли») на юго-западной оконечности Великобритании. Уксисама — нынешний остров Уэсан у западного побережья полуострова Бретань. Массалия — древний город, давший свое имя современному французскому Марселю. И наконец, Страна золота... Эту страну искали все древние, средневековые и последующие мореплаватели и первооткрыватели. Редко кто из них руководствовался бескорыстной жадностью знания, любовью к путешествиям. Золото, пряности, драгоценные камни, невольники, слоновая кость, шелк — вот мощные стимулы, послужившие открытию и освоению новых земель на нашей планете.

Благодаря научным экспедициям и трудам историков и историко-географов довольно многое известно в настоящее время о древних государствах и населявших их народах. Сведения о них можно найти, например, в пятитомном труде И. П. Магидовича и В. И. Магидовича «Очерки по истории географических открытий» [1982], а также в монографиях, посвященных истории отдельных стран.

История государств мира прошла большой путь: от создания первичных государственных образований — городов-полисов — к рабовладельческому государству, позже к феодальному и еще позже современному государству — буржуазному, социалистическому. Первые государства зародились в долинах крупных рек — очагах цивилизации: Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Хуанхэ, Янцзы. Древние египтяне свою страну называли Та Кемет «Черная земля»: первоначально это была узкая полоса в долине Нила. Египтяне знали и другие соседние земли: историческую область Земля двух рек (более позднее — др.-греч. Месопотамия «Двуречье») на верхнем Евфрате; Такенс «Изогнутая» — так называли Нубию, причем различали Нижнюю и Верхнюю Нубию — Вават и Куш. Таинственной «страной бога» был для Египта Пунт (Пуин): оттуда привозились на кораблях ладан, мирра и другие ароматические смолы. Их добывали в Сомали и Йемене — так называемой «Счастливой Аравии»; следовательно, Пунтом можно считать либо одну из этих стран, либо обе страны вместе. Экспедиции в Пунт египтяне начали снаряжать, возможно, уже в XXVIII в. до н. э.

Жителей узкой полосы Восточного Средиземноморья

египтяне называли *фенеху*, а греки — *финикийцами* (*фойны* — «багровые люди»). Это были семиты, а собственно семитское название Палестины и Финикии — Ханаан. В 3-м тысячелетии до н. э. процветали финикийские города-государства: Тир, современный Сур, — в переводе «скала»; Сидон «место для рыбной ловли», теперь Сайда; Библ — из финик. Гебал «гора», теперь Джубейль. Название города Библ стало широко известно всем народам мира. В древнегреческом языке появилось слов *бйблос* «лыко папируса»: греки ввозили папирус из порта Библ. Папирус, как известно, использовался для письма, отсюда возникло и понятие «книга». Латинское слово *biblia*, букв. «книги», стало применяться к Библии — сборнику мифологических и религиозных сочинений VIII в. до н. э. — II в. н. э. И оно же присутствует в основе русских заимствованных слов — *библиотека*, *библиография* и др.

В середине 3-го тысячелетия до н. э., как установил в 1975 г. итальянский археолог П. Маттее, на территории Северной Сирии и Ливана существовало неизвестное ранее могущественное семитское государство с центром в городе Эбла. Эблаиты совершали торговые экспедиции и военные походы в Двуречье, подчинив себе государство Мари на среднем Евфрате. В Двуречье были и другие древние города-государства: Урук, Киш, Аккад. По имени последнего города историки называют большое государство, созданное Саргоном I в 2316 г. до н. э. Аккадская империя существовала до конца XXI в. до н. э., когда она распалась на несколько мелких государств, в том числе Ашшур — ядро будущей Ассирии. То же имя носил верховный бог ассирийцев — покровитель города Ашшур. В XIII в. до н. э. с усилением политического влияния этого города глава ассирийского пантеона получает титулы «Великая гора», «Владыка стран», «Отец богов» [Мифы народов мира, т. 1, с. 145]. Шумерские, аккадские, ассирийские и другие государства Передней Азии носили не только названия центральных городов. Их имена возникали и от названий больших географических областей или земель, и от этнонимов. Так, после походов на Армянское нагорье ассирийского царя Тукултининурты I в конце XIII в. до н. э. горные районы, окружавшие озера Ван и Урмия, в ассирийских текстах стали называться *страны Наири*. Дело в том, что войска царя, перевалив хребет Армянский Тавр, сразились с войсками коалиции 43 племен наири.

В шумерских текстах встречаем страну Мелухха,

с которой Шумер вел торговлю по воде и по суше. Достопримечательностью этой страны было, в частности, черное (эбеновое) дерево; вывозила она и медь, серебро, сплавы металлов, сердолик, лазурит. Исследователи локализуют ее либо близ стран Дилмун и Маган (современные Бахрейн и Оман), либо в долине Инда, Гуджарате и прилегающих областях Индии. В. В. Иванов [1983, с. 82] считает наиболее вероятным существование этой страны в долине Инда. Для объяснения названия Мелухха привлекалось, в частности, санскритское слово *mleccha* «варвар», «чужеземец»; этому понятию противопоставлялось *ārya* «индоариец».

От этнонима *хетты* происходит название одной из самых великих держав древности — Хеттского царства. Это государство со столицей Хаттусас, существовавшее на территории Малой Азии (Анатолийское плоскогорье в Турции) в XVIII — начало XII в. до н. э., сыграло огромную роль в судьбе всего Восточного Средиземноморья. Название Хеттское государство (или царство, империя) для всей территории хеттов, конечно, условное. На ней существовали различные области, страны, носившие свои имена. Сам этноним *хетты* — модификация более древнего *хатты*. Так назывался говоривший на неиндоевропейском языке народ, ассимилированный индоевропейцами-хеттами и оставивший иероглифическую письменность. Территория хаттов (или протохеттов) располагалась на севере Анатолии — область Хатти (3-е — начало 2-го тысячелетия до н. э.). К востоку от него была область Пала, к югу и юго-западу страны Киццуватна, Лукка, Арцава. Завоевания хеттских царей привели к созданию Древнего Хеттского царства (XVIII—XVI вв.), включавшего «страну хеттов», Лувию и Палу; затем Среднего и Нового (XIV—XIII вв. до н. э.) царств с гораздо более широкой территорией. В том числе в нее входили древнее государство Митанни, часть хурритских земель и страны Хайаса и Каска. Большинство историков считает племена *хайаса*, или *хайа*, предками армян. Эти страны на Армянском нагорье были завоеваны хеттскими царями Суппилиумасом и Мурсилисом II около 1330 г. до н. э. На основании анализа древних текстов армянский историк В. Н. Хачатрян [1971] осуществил историко-географическую локализацию восточных провинций Хеттской империи. Страна Хайаса, по его мнению, занимала Армянское нагорье, без «Верхних стран», лежавших между истоком реки Кызыл-Ирмак, горами Кешиш и Исувой. С точки зрения этимологии

название Хайаса сопоставимо с именем города Хайсехла в этой стране; к общему корню *хай* хетты прибавили суффикс своего языка.

После гибели столицы хеттов Хаттусаса (ок. 1200 г. до н. э.) прежние вассальные области хеттов на юге Малой Азии и севере Сирии превратились в небольшие самостоятельные княжества, которые носили названия, продолжающие хеттскую традицию — Хатти, Хаттина, Великое Хатти [Иванов, 1980, с. 139].

Открытия археологов, особенно в XX в., необыкновенно расширили наши знания о древних государствах и народах, об их языках и письменности. Кроме хеттского и родственных ему индоевропейских языков анатолийской группы, открытие которых привело к перевороту в сравнительно-историческом языкознании, подобную же сенсацию вызвал язык эблаитов. Они говорили на прото-семитском языке, предшественнике всех ханаанских языков, в том числе финикийского. Большое внимание уделяют лингвисты и языку эламитов — жителей раннерабовладельческого государства Элам, существовавшего с 3-го тысячелетия и до середины VI в. до н. э. в юго-западной части Иранского нагорья. Столицей его был город Сузы (ныне Шуш). Шумеры называли эту страну — Ним «Высокая», аккадцы — Эламту, а сами эламиты — Элтамт («Земля бога?»). Эламиты оставили иероглифические и клинописные надписи, расшифровка которых дала возможность представить себе язык, на котором говорили в Эламе. Генетические связи эламского языка пока не установлены; разрабатывается гипотеза о его связи с дравидийскими языками Индии.

Уже с глубокой древности, с возникновением рабовладельческих государств, политическая карта мира знала внезапные и существенные изменения. Она перекраивалась в результате завоевательных походов и войн. Создавались огромные империи, поглощавшие целые страны. В лучшем случае эти страны находились в вассальной зависимости и народы их могли сохранить этническую самостоятельность; в худшем — народы исчезали во мраке истории, а само их имя и названия их стран предавались забвению, если не попадали в письменные источники, дошедшие до потомства.

Историкам приходится иногда давать условные названия империям древности и средневековья — по правителям, по династиям, по народам-завоевателям: государства Ахеменидов, Сасанидов, Александра Великого; государст-

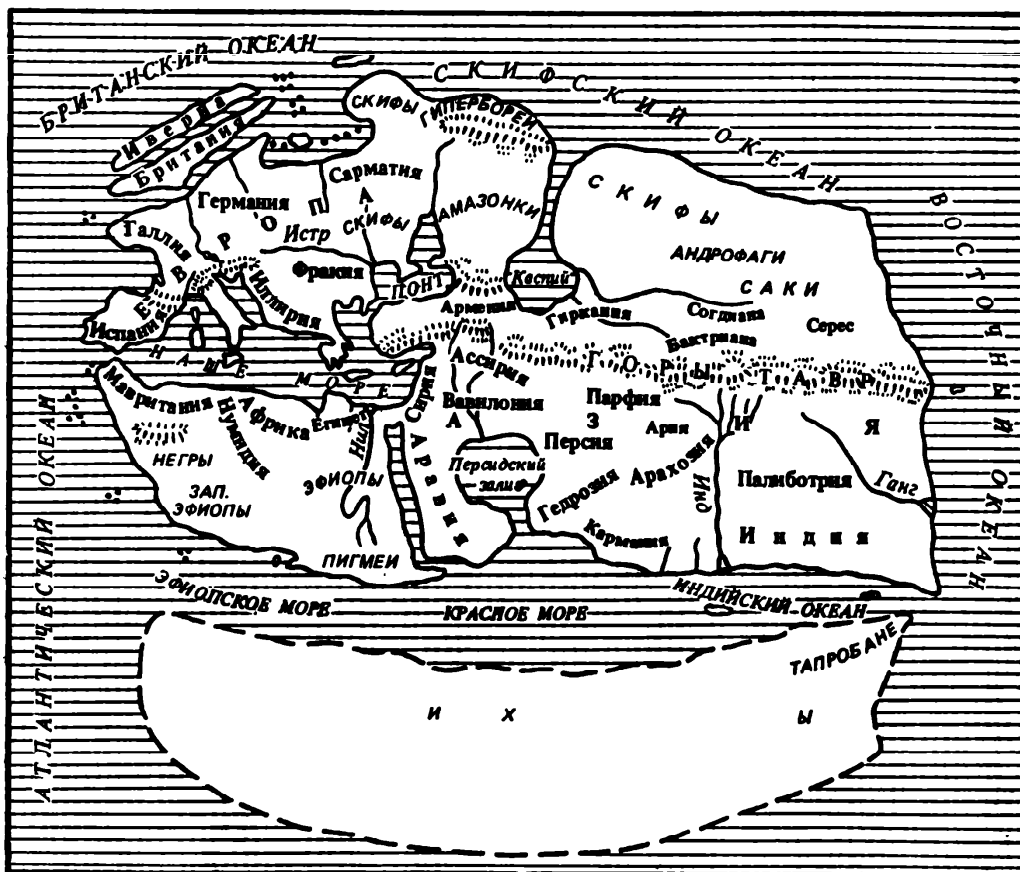

Рис. 5. Мир по Помпонию Меле, середина I в. н. э. (по: [Арский, 1974])

во Сельджуков; Османская империя; Хазарский каганат; Империя Карла Великого и т. п. Эти названия могут варьироваться в национальных исторических школах и традициях, а также в трудах отдельных ученых. Названия же стран и исторических областей, существовавших самостоятельно или входивших в крупные государства, имели разное происхождение. Они были известны либо как самоназвания конкретных стран, либо как названия, данные соседями. Античные географы давали имена некоторым знакомым или мало им знакомым странам, и эти имена затем сохранялись в последующей европейской традиции.

Раньше многих других европейцам стали известны названия древних стран Азии, вошедших в состав Персидской державы в середине 1-го тысячелетия до н. э. Геродот упоминал Аравию, Персиду, Мидию, Колхиду, Армению, Сирию и др. Хорошо знали политическую географию Азии римляне, особенно Помпоний Мела в

I в. н. э. (рис. 5). Римским географам были известны такие области, как Гиркания, Согдиана, Бактриана, Парфия, Персия, Гедросия, Арахосия, Ария, Кармания и др. Большая часть названий этих земель происходит от этнонимов. Ядром могучей державы ираноязычных племен была Мидия — от названия союза племен *мадай*. Мидийское государство в VII в. до н. э. занимало территорию в северо-западной части Иранского нагорья со столицей в Экбатане. Благодаря завоевательным походам мидийских правителей в VII—VI вв. к Мидии присоединились земля гирканиев Варкана (или Гиркания, отсюда и одно из древних названий Каспийского моря — Гирканское), страна парфян — Партава (позже могучее Парфянское государство), юго-восточные иранские земли. Страна Гарайва (Арейя), завоеванная царем Мидии Киаксаром, была населена *ариями*, жившими в бассейне реки Теджен-Герируд. Покорена была и Зранка (позже Дрангиана), населенная скотоводческими племенами дрангов и таманаев. Собиралась дань в стране Кармана (Кармания), где жили *карманиш*, *сазартиш* и *утиш*. Страна эта была расположена к югу от Дрангианы, на северо-восточном побережье Персидского залива и северном побережье Индийского океана. К востоку от Карманы располагалась горная страна Мака (Гедросия), также завоеванная Киаксаром. Она была населена темнокожими дравидоязычными племенами — «азиатскими эфиопами». Великие завоевания Мидии простирались и на страну Маргуш (Маргиану) в бассейне Мургаба, и на Ваэджи (Хорезм) в низовьях Амударьи, и на Гаву (Согдиану) в бассейне реки Зеравшан. На юге были завоеваны Элам и Парса (Персида).

Походы персидского царя Кира II, в свою очередь, покорившего Мидию в 550 г. до н. э., еще более расширили территорию державы. Так, была захвачена Каспиана — та часть юго-западного побережья Каспийского моря, которая не была под властью мидян. Область Каспиана и Каспийское море получили свои названия по имени каспиев — древнекавказских племен кочевников-скотоводов, живших в Восточном Азербайджане в 1-м тысячелетии до н. э. Персы захватили Бактрию (она была известна на Востоке своими двугорбыми верблюдами — *бактриан*), страну Харахвати (Арахосию) в долине реки Аргендаб, страну в бассейне реки Кабул — Гандхару и др. Наконец, уже при персидском царе Дарии I были захвачены земли саков за Согдом, т. е. в Ферганской долине, ряд других земель, а также — в 517 г. до н. э. — правобережье

Инда; область, орошаемую этой рекой, персы называли Индией. Огромная персидская держава, как известно, была завоевана впоследствии Александром Македонским (356—323 гг. до н. э.) и распалась после его смерти.

От Хараппы до наших дней

Невозможно в нашей работе хотя бы вкратце описать историю развития и смены государственных образований в различных регионах мира. Да и вряд ли нужно это делать: по каждому региону есть большая специальная литература. Покажем на некоторых примерах не только расширение государств за счет включения разных стран и образования империй, но и смену государственных образований в течение тысячелетий на одной и той же ограниченной территории, т. е. государства и их названия могут изучаться как синхронно, «по горизонтали», так и во времени, «по вертикали». В последнем случае особенно хорошо видны общественно-политические причины образования и смены государственных объединений.

Прекрасным примером такого рода может послужить Индия. На полуострове Индостан в течение тысячелетий существовала древняя цивилизация. Благодаря особенностям своего географического положения территория полуострова длительное время была почти недоступна для окружающих народов, хотя Индия поддерживала контакты с другими цивилизациями. Поэтому складывающиеся на ней государства развивались более или менее обособленно. Видимо, этим объясняется и значительное количество сохранившихся до наших дней этнических общностей Индии.

История Индии обстоятельно изучена многими учеными, в том числе советскими (см. монографию «История Индии» К. А. Антоновой и др. [1979]). Одной из лучших новейших работ по истории этой страны можно считать книгу Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина «Индия в древности» [1985]. В ней также рассказывается о культуре «Страны чудес».

Древняя Индия включала территорию современных государств — Индии, Пакистана и Бангладеш. Высокоразвитая цивилизация на территории Индии была создана в бассейне реки Инд более 4 тыс. лет назад. Она называется у археологов хараппской культурой — по месту раскопок в Хараппе (Пакистан). Другим крупным очагом культуры был Мохенджо-Даро (на языке синдхи

«Холм мертвых»). Ученые предполагают, что время расцвета этих индских центров приходится на конец 3-го — начало 2-го тысячелетия до н. э. Развитая культура земледельческого населения была распространена не только в долине Инда, но и на огромной территории северного и северо-западного Индостана. Носители хараппской цивилизации, вероятно, говорили на дравидийских языках. Они создали письменность; найдено более 2 тыс. надписей, содержащих 400 различных знаков. Некоторые ученые считают, что хараппанцы создали и государственность: общество Хараппы было рабовладельческим, а политический строй индских городов был близок к политическому строю Шумера. Но пока это мнение слишком гипотетично. Приблизительно к XVI в. до н. э. хараппская цивилизация пришла в упадок. Основной причиной стало истощение экономических ресурсов долины Инда, и население было вынуждено переселяться в Пенджаб и в долину Ганга.

Во 2-м тысячелетии до н. э. в северной Индии получили распространение индоарийские языки, носители которых — арии — представляли иную культурную традицию. Большинство ученых предполагают, что индоарийские племена вторглись в северную Индию; некоторые индийские ученые рассматривают ариев как автохтонов. Наиболее убедительная этимология самоназвания этих племен *ārya*, по мнению Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина [1985, с. 130], — от слова *arī*, которое в ведийскую эпоху значило «чужак, пришелец, иноземец». Позже производное *ārya* означало «благосклонный к пришельцам, гостеприимный», а также «хозяин, человек благородного происхождения, свободный». В последнем значении слово встречается во многих письменных памятниках древности Индии и Ирана. При этом территории своего обитания индийцы и иранцы именовали «страны ариев». Отсюда, между прочим, происходит название современного Ирана: *Эран* от *Арьянам* «страна ариев». Во многих индийских письменных источниках упоминается об *Арьяварте* — индийской священной земле ариев. Буквально др.-инд. *Āryāvarta* — означает «путь, страна благородных». Страна эта присутствует в мифологических сюжетах, но есть у нее и реальный прототип — первоначальная территория расселения ведийских ариев в Индии [Мифы народов мира, 1987, т. 1, с. 111]. Конкретно это была Великая Северо-Индийская равнина между западным и восточным морями, от Гималаев на севере до гор Виндхья и Сатпура на юге, за которыми находилась уже страна неарийских

племен Дакшинапатха — современный Декан. С середины 1-го тысячелетия до н. э. в Индии наблюдается процесс взаимодействия и взаимовлияния арийских и различных местных этнокультурных традиций.

Ведийский период в истории северной Индии (конец 2-го — середина 1-го тысячелетия до н. э.) ознаменовался созданием государств в долине Ганга, ставших центрами культуры. В «Атхарваведе» — памятнике ведийского периода — упоминаются Магадха и Анга в нижнем правобережье Ганга (рис. 6). В других источниках говорится о рабовладельческих государствах Кошала, Каши и Видеха. Они назывались *джанапады* «местопребывание племени». Как правило, первые государства были небольшими и охватывали территорию одного или нескольких племен, при этом имя самого сильного из племен переходило на название страны. Иногда возникали и относительно крупные объединения.

Современное собственно индийское название Индии — *Бхарат* — идет из глубокой древности. В древнеиндийском эпосе говорится о двух основных династиях правителей государств в долине Ганга — Солнечной и Лунной (династическая история, согласно преданиям, начинается в 3-м или даже в 4-м тысячелетии до н. э.). Правитель Бхарата был одним из Пауравов (ветвь Лунной династии), 17-м потомком основателя этой ветви. Он был сильным воином и, вероятно, некогда подчинил или объединил несколько племен. В «Ригведе» уже действует племя бхаратов, и место их обитания — северная Индия или только долина Ганга — в древности часто называлось Бхаратаварша «страна бхаратов». Территория к северу от Дели по течению рек Сарасвати и Дришадвати, которая в ведийский период была районом расселения бхаратов, воспринималась — и сейчас воспринимается индуистами — как священное место. А большая эпическая поэма индийцев, создававшаяся в течение веков, носит название «Махабхарата», т. е. «Великая (война) потомков Бхараты».

К VI в. до н. э. на территории северной Индии располагалось несколько сильных государств, хотя ни одно из них не могло претендовать на господство над всей долиной Ганга. Кроме уже упомянутых, существовали царство Куру и др. На месте прежней Видехи сложилась мощная конфедерация племен Вриджи. Территорию современной Бенгалии занимали Анга и Ванга (Бенгалия, совр. Бангладеш, унаследовала имя государства и племен *ванга*). Могущественными были государства Чеди и Аванти к юго-

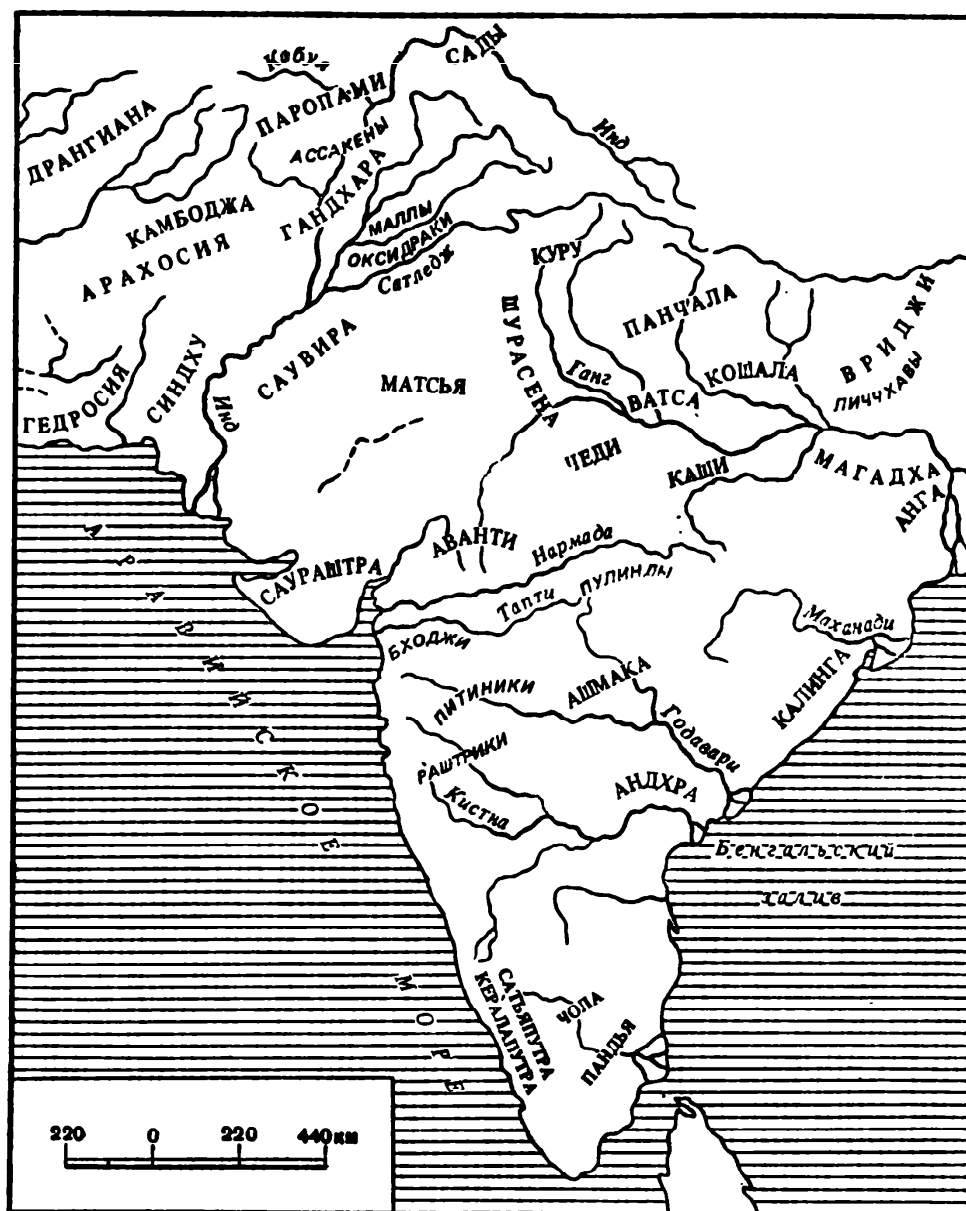

Рис. 6. Индия в середине 1-го тысячелетия до н. э. (по: [Бонгард-Левин, Ильин, 1985])

западу от долины Ганга, Ашмака («Страна камня») в долине средней Годавари. Согласно раннебуддийским сочинениям, только самых крупных махаджанатад, т. е. «великих стран», в годы жизни Будды (563—483 гг. до н. э.) в северной Индии насчитывалось 16. На самом деле общее число государств было значительно больше, по сообщениям некоторых памятников — 175.

Главной политической силой северной Индии стала Магадха, находившаяся на территории современного Южного Бихара. Ее возвышению способствовали выгодное

для развития торговли географическое положение, плодородные земли, ирригация, удобные для судоходства реки, обилие полезных ископаемых, в том числе металлов. Правители Магадхи в результате войн подчинили ряд окружающих земель. В то же время области северо-западной Индии состояли из небольших государственных и племенных объединений (Гандхара, Синдху и др.), которые в конце VI в. до н. э. были захвачены ахеменидскими царями, а в конце IV в. временно попали под власть греко-македонцев. В этот период в Магадхе правили цари из династии Нандов (первый из них был Уграсена, или Нанда; его второе имя, видимо, и дало название всей династии). Нандская империя включала большую часть северной Индии и, вероятно, часть южной. Нандскую империю сменила империя Маурийская, основателем которой был Чандрагупта — представитель рода Маурьев. Империя Маурьев достигла своего расцвета при царе Ашоке (начало его правления относится приблизительно к 268 г. до н. э.). При нем империя установила дипломатические и торговые отношения со многими странами Запада и Востока. И хотя государство было монархическим, но в его рамках существовали и немонархические, республиканские образования, сохранявшие автономность. Империя Маурьев сыграла важную роль в объединении Индии, лишь самые южные области Индии не контролировались правителями Маурийской династии.

История государств южной Индии известна гораздо меньше, так как в течение долгого времени она была отделена от северной горами и непроходимыми джунглями. В сообщениях древнеиндийских ученых ранее всего упоминается страна Калинга (совр. Орисса), входившая в состав империи Нандов, в IV в. до н. э. — Чола, Пандья и Керала. В конце I в. до н. э. (датировка не общепринята) особенно выделилось государство Сатаваханов. Это династическое имя царей Андхры, государства племени *андхров*. Империя Сатаваханов достигла значительных размеров: одного из ее царей именовали «господином Южной страны». Опасным соперником Сатаваханов в течение длительного времени была Калинга. Эта страна, названная по народу *калинги*, была хорошо известна и европейским географам — Мегасфену, Плинию. Они сообщали, что правитель народа *Calingae* имеет большую армию — 60 тыс. пехотинцев, 1 тыс. всадников и 700 боевых слонов.

После падения империи Маурьев в северо-западной Индии правили индо-греческие и индо-сакские цари. Одна

из групп восточноиранских племен, видимо, проникла в Дрангиану (часть Дрангианы была известна со II в. до н. э. как «страна саков» — Сакастан, совр. Систан), а затем в Арахосию и далее на восток. Царь Мога (Мауэс) владел Арахосией, Синдом, Гандхарой и Западным Пенджабом. Позже часть этих областей подпала под власть династии индопарфянских царей (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.), а затем появилась новая могущественная династия — Кушанская, ядром государства которой была Бактрия (видимо, с первых веков н. э. она именовалась Тохаристан, а ее население — *тохарами*). Кушаны постепенно захватывали территории Индостана. В период расцвета империи (конец I—III в.) кушаны владели областями современного Афганистана и Пакистана, территориями центральной и северо-западной Индии до Бихара на востоке и до реки Нармады на юге. При царе Канишке Кушанская империя была хорошо известна на Западе и торговала с Римом. «Не исключено, что упоминание о прибытии в Рим при Траяне в 99 г. н. э. послов из Индии — одно из проявлений этих контактов, хотя под „Индией“ римские авторы I в. н. э. понимали земли, лежащие на побережье Красного моря, Персидского залива и далее на восток вплоть до Китая» [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 401]. К середине III в. борьба с Сасанидским Ираном ослабила Кушанскую империю, потерявшую многие территории, в том числе в Индии. Закат империи был связан и с развитием феодализма.

В IV в. произошло новое объединение в одно государство народов и племен, населявших долину Ганга. Более 200 лет существовала империя Гупт, называемая так историками по имени царствующей династии. Этот период был временем наибольшего расцвета цивилизации в Индии. В состав империи вошли республики Малава, Яудхея, Арджунаяна, государство Нага, Западные Кшатрапы и др. (рис. 7). Первых три названия происходят от имен соответствующих племен *малавы*, *яудхеи* и *арджунаяны*, причем последний этноним связан с эпическим предком Арджуной, известным героем «Махабхараты». В государстве Нага правила династия Нагов. В именах правителей этой династии второй составной частью было слово *нага* «кобра, змея»: Дэванага, Бхаванага и др. Возможно, что кобра была древним тотемом племени, из знати которого вышли эти династии [Там же, с. 413]. Что же касается государства Кшатрапы, то в его названии отражен титул *кшатрапа*, присваивавшийся местным правителям на се-

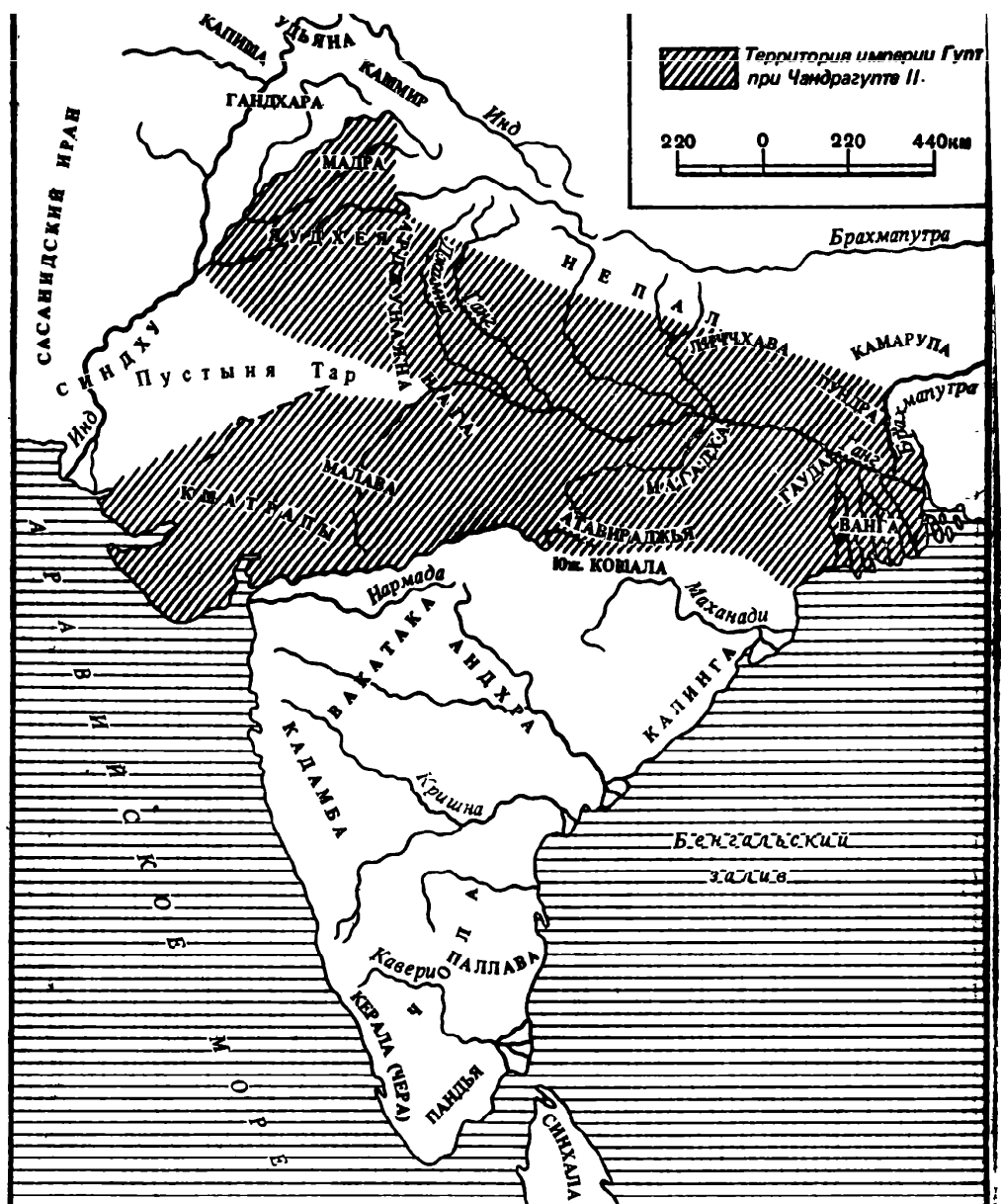

Рис. 7. Индия в IV — начале VI в. (по: [Бонгард-Левин, Ильин, 1985])

веро-западе Индии. Политическим центром империи Гупт вновь с IV в. стала Магадха. Основателем династии Гупт в III в. был махараджа по имени Гупта; после него все правители этой династии носили имена, оканчивающиеся на слово *гупта*. Особенно прославились Чандрагупта I, который первым получил титул «великого царя царей», а также его сын Самудрагупта, известный своей завоевательной политикой. При Чандрагупте II, носившем почетный титул «Солнце могущества», империя Гупт (конец IV в.) достигла расцвета, в нее вошли и другие террито-

рии, в частности Малва и Гуджарат. К середине VI в. в результате различных экономических и политических факторов, в том числе и из-за нашествий гуннов-эфталитов, империя Гупт, по существу, развалилась.

Политическая история южной Индии в первые века нашей эры также знает немало изменений. После Сатаваханов сильную империю удалось создать правителям династии Вакатаков, Паллавов, Икшваков и др. В областях крайнего юга Индии продолжали существовать три крупных государства: Чера, Пандья и Чола (все названы по династиям); древнетамильская поэзия упоминает о постоянном их соперничестве между собой и о борьбе с более мелкими царствами или племенными объединениями.

В истории Индии VII—XVIII вв. считаются временем господства феодализма. Этот большой период также характеризуется образованием и распадом различных государств, боровшихся между собой. Значительную роль сыграло образование Делийского султаната с центром в Дели — крупного государства на севере страны во главе с мусульманскими завоевателями. Султанат просуществовал вплоть до начала XV в. и распался в результате походов Тимура. В 1526 г. один из тимуридов Бабур, правитель Кабула, по просьбе крупных афганских феодалов избавил их от деспотической тирании султанов и вторгся в индийские земли. Бабур основал Могольскую империю, которая просуществовала 200 лет.

В южной и западной Индии были свои государственные образования, независимые от Делийского султаната. Государство династии Бахманидов, образовавшееся в середине XIV в., в период своего наибольшего могущества занимало территорию от Аравийского моря на западе до Ориссы на востоке. Бахманиды постоянно вели войны с находившимся к югу от них государством Виджаянагар. Ослабевшая от феодальных распрей и междоусобиц империя Бахманидов в XVI в. распалась, и на ее развалинах образовалось пять княжеств: Виджапур, Голконда, Ахмаднагар, Бидар и Берар. Среди них отличалась своим богатством Голконда, на территории которой находились знаменитые алмазные копи. Названия феодальных княжеств этого времени часто происходили от наименований их столиц, городов-укреплений. Так, Кутб-шахи, правители Голконды, воздвигли мощную крепость Голконду на вершине горы, у подножия которой располагался город. Государство Виджаянагар возникло вокруг сильной крепости

Виджаянагар, построенной на берегу реки Тунгабахдры, и, постепенно расширяя свои владения, к 70-м годам XIV в. практически занимало весь юг Индии.

В конце XVII в. в Индии создается государство маратхов, которое, распавшись через 100 лет, превратилось в конфедерацию маратхских княжеств. С середины XVIII в. и до 1947 г. Индия находилась в колониальной зависимости от Великобритании. Внутри страны сохранялось деление на мелкие княжества — к 1947 г. их было 601. После обретения независимости и последующего деления Индии и Пакистана 555 индийских княжеств вошли в состав Индии, остальные — в состав Пакистана. В результате политико-административной реформы в Индии многие мелкие княжества были упразднены или объединены в союзы княжеств, а также присоединены к штатам — бывшим провинциям Британской Индии. В настоящее время Индия представляет собой федеративную республику, состоящую из 22 штатов и 9 союзных территорий. Почти все штаты носят названия древних исторических областей и государств Индии.

Из краткого очерка истории государств Индии хорошо видно, что названия этих государств определялись особенностями общественно-политического развития Индии. Для наиболее древнего периода характерны наименования государств по этнонимам. Образование крупных империй привело к нестабильности государств, к постоянным изменениям политической карты. В исторической науке империи древности и средневековья именуются по правящим династиям. Возникавшие в средние века новые феодальные княжества получали названия по своим столицам.

Особенности наименований народов и стран древнего Востока далеко не исчерпаны в предыдущем рассказе. Прежде всего Восток — это широкое понятие, и отдельные восточные области сильно различаются между собой. В классической ориенталистике под Востоком понимались и территории, строго говоря не расположенные к востоку от Европы, например Север Африки. При этом обозначения восточных территорий нередко были заимствованы из арабского, персидского и других языков. И названия больших территорий были суммарными, охватывающими определенные географические и исторические области. Так, общим названием стран восточной части Средиземного моря было Левант: из франц. Levant «Восток» от глагола lever «подниматься, всходить (о солнце)». Страны Атласа, т. е. Тунис, Алжир, Марокко, а также Ливию арабы на-

звали Джебизрат аль Магриб «Остров запада». Отсюда и в Европе под Магрибом стали понимать Северную Африку. Современное марокканское побережье античные писатели называли Маврузией — по имени мавров. Средневековым названием ряда областей по правому берегу Амударьи было Мавераннахр — из персидского языка со значением «по ту сторону реки». Западным краем древние китайцы называли в совокупности территории Синьцзяна, Средней Азии, Афганистана и северной Индии.

Письменные источники стран Востока содержат сведения, характеризующие географические представления в древности и в средние века. В памятниках приводятся и толкования названий стран. Например, в ранних персидских толковых словарях XI—XV вв. объясняются имена соседних с Персией стран. Кирван — «некая страна в отдаленной части благоустроенного мира» [Баевский, 1980, с. 87]. Ирак — «известная страна, и это Иран, а Ираков два: Ирак арабский, где река Тигр, т. е. Тигр Багдадский, и Ирак аджамский, который с этой стороны». Что же касается Ирана, то читаем, что это «название Ирака, а Ирак — это арабизованное слово от Иран» [Там же, с. 86]. Есть в персидских источниках и объяснения, что Табар — название области и страны, которое произносят Табаристан по типу Туркестан, что страна Турк — это Туркестан, что именем Туран называют Туркестан и часть Хорасана. Встречаются и забавные определения некоторых стран: Халлух — «страна, откуда привозят много красавиц».

Одной из интересных особенностей наименований стран Востока является обилие описательных названий, употребление эпитетов, часто поэтических. Не следует думать, что все такие названия — точные переводы с языка-оригинала, позволяющие определить этимологию имени. Исследователи установили, что ряд таких названий возник в результате неправильных толкований уже в древности — либо в самом языке-оригинале, либо в письменных источниках соседних стран. Такие толкования приходится уточнять. Обозначением феодального государства в центральном Вьетнаме было имя Аннам, в переводе с китайского «мирный юг». По сути дела, название означает «умиротворенный юг», «покоренный юг». Во всеобщей истории Китая «Тунцзянь ганму» сообщалось, что имя Аннам было введено в 679 г. и затем вновь в конце VIII в. Оно употреблялось и значительно позже вплоть до XX в. в европейской и китайской литературе,

несмотря на фактическую независимость страны от Китая [Стратанович, 1962]. Название Вьетнама иногда вольно переводилось как «страна юга» (на самом деле — «страна южных вьет»), а название Бирмы — как «имя божественного Брахмы» (на самом деле — от этнонима, из имени Мьяма «страна народа мянь»). Г. Г. Стратанович [1964] справедливо отмечает, что исследователь наименований государств должен располагать всем комплексом знаний об этнонимах и топонимах изучаемого региона, для того чтобы установить правильную этимологию названия страны. Это важно и потому, что союз племен или многонациональное государство нередко меняли свое название в зависимости от изменения «политического веса» частей государства. Одно и то же государство и один и тот же народ даже в близкие по времени исторические периоды становятся известны под разными именованиями благодаря смене ведущего этнонима, который в союзе племен, как правило, становится именем рода вождя. Еще более трудно изучать подобные названия в тех случаях, когда они имели особое политическое звучание благодаря своей семантике; тогда летописцы соседних государств записывали имя, не транскрибируя его, а переводя его значение на свой язык. Так, по-русски и в западноевропейских языках крайне редко транскрибировалось название Китая — Чжунго, но постоянно встречались переводы этого термина: «Срединное царство», «Middle kingdom».

На конкретном примере разных наименований Китая показывается важность знания этнонимов и топонимов. В китайской исторической и другой литературе употребляются два названия древнего государства Кидань — Циданьго-го и Ляо-го. Первое название толковалось как «владение народа *ци* (*ки, се*)», в то время как название народа имело первоначальную форму не *кидань*, а *китдань*. В первой его части содержалось имя *китай* или *кытай*, бытующее до сих пор как наименование одного из родов у всех тюркоязычных народов Средней Азии: узбеков, каракалпаков, туркмен, отчасти казахов. Действительно, историкам известно, что кидане были народом алтайской группы, в которую входили народы, принадлежавшие к тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской этническим общностям. В период складывания родоплеменных образований они были весьма близки друг к другу.

Второй термин для империи киданей — Ляо-го трактовался тоже неправильно. В исторических работах встре-

чаем такие указания: «И тогда воцарилась династия Ляо (Железная)», «Простирало свою власть царство Ляо (Железное)». Исследователи объясняли подобный смысл названия тем, что «железо», «железный» у многих монгольских народов — синоним слов «сила», «могучий». Г. Г. Стратанович [Там же, с. 100] на основании анализа соответствующих иероглифов приходит к выводу, что переписчики намеренно исказили смысл правильного иероглифа Ляо. Первоначально наименование династии Ляо должно было читаться как «династия Ляо — Серебряная». Этот вывод можно подтвердить и тем, что преемники киданей чжурчжени, стремясь повысить значение своей династии и государства, приняли наименование Цзинь — «Золотая». Тем самым они подчеркивали, что их империя превосходит Ляо-го в блеске и богатстве. Толкование «Ляо — Серебряная», по мнению автора, подтверждается тем, что этноним *монгол*, главный среди наименований монгольских народов начиная с XII в., звучит почти так же, как и слово *монго(н)* «серебро». Эта семантика имени Ляо, скорее всего, не случайна. Она получает обоснование и в топонимии; так, одна из наиболее значительных столиц государства Ляо была расположена в долине Серебряной реки — Иньчуань.

Описательные, метафорические названия стран Востока, употребительные в русском языке, чрезвычайно разнообразны. Лан Тьян, древнее государство на территории Лаоса, именуется в переводе «Страна бодрствующих на рассвете». Эпитет Бирмы — «Страна сверкающих пагод». По образцу многих названий стран Востока возникло имя Нуристан — «Страна света»: так стали афганцы называть землю кафиров («неверных») после завоевания кафиров Афганистаном. Корею называли в литературе Страной белых аистов, Страной белых лебедей в связи с тем, что белый цвет издавна был любимым цветом в одежде корейцев. Но у этой страны есть и масса других наименований, не имеющих никакого отношения к этимологии названия этого государства. Подробно различные названия Кореи и их происхождение рассмотрены в работах этнографа Р. Ш. Джарылгасиновой [1970] и филолога Л. Р. Концевича [1970].

Для государств, сменивших друг друга на Корейском полуострове, существовало много названий официальных, общеупотребительных. В то же время образно-метафорические названия часто оказывались редко употребляемыми, даже индивидуальными. Для первой группы названий

характерно, что большинство из них известно из китайских источников. Собственно корейских названий страны, записанных фонетическим алфавитом (изобретен в середине XV в.) и отличающихся от китайских иероглифов, не сохранилось. В иероглифической передаче разграничить китайские названия Кореи и корейские самоназвания страны почти невозможно: в прошлом корейцы переняли китайские названия и часто пользовались ими как своими собственными. Наиболее распространенные названия страны в настоящее время — Корея, Чосон и Хангук; все они восходят к древним этнонимам, перенесенным на ранние государственные образования или же названия династий. Современные корейское Чосон и китайское Чаосянь впервые упоминаются в китайских письменных источниках V—III вв. до н. э. Имя это исчезло в начале I в. до н. э. и вновь возродилось в конце XIV в. одновременно как название правящей династии Ли и как название страны и лишь в 1897 г. заменилось на Тэхан, хотя сейчас оно употребляется в официальном названии КНДР. Имя Чосон с середины XIX в. вошло в русский и другие европейские языки в буквальном переводе «Страна утренней свежести (прохлады, спокойствия) и т. д.», но этот поэтический перевод не связан с существующими этимологиями. Этимологий несколько, но Л. Р. Концевич считает наиболее вероятной связь слова *Чосон* с этнонимом *суксин* (кит. *сушэнь*). Им обозначались племена I—III вв. н. э., пришедшие в Корею с северо-запада, из Маньчжурии.

Современное название Южной Кореи Хангук (подобно слову Чосон, оно тоже распространяется на весь Корейский полуостров) происходит от Самхан «Три хан» — коллективного наименования союза трех племен махан, чинхан и пёнхан, в последние века до нашей эры населявших южную и центральную части полуострова. Наконец, имя *Корея* связано с этнонимом *когурё*, оставившим свой след в имени средневековой корейской династии Корё. Название народа *когурё* (*гурё*) еще недостаточно выяснено; Р. Ш. Джарылгасинова приводит различные его этимологии, в том числе связывающие его с понятиями «горная крепость», «столица» и т. п.

История появления названия *Корея* в Европе сама по себе также интересна. Фламандский путешественник В. Рубрук, посетивший восточные страны в 1253—1255 гг. сообщил о существовании страны (острова) *Caule*. Это другие подобные названия, видимо, были искажением.

китайского Гаоли (передача корейского Когурё). Португальцы первыми принесли в Европу название *Sogia*, откуда пошло современное написание (с конца XVI в. — *Sogea*). В русском языке название *Корея* появилось в середине XIX в. До этого страна называлась по-китайски Чаосянь и Гаоли.

Краткий очерк названий государств Востока показал, какие типы этих наименований были распространены в древности и в средневековье. Наибольший удельный вес, как мы видим, имели названия государств по этнонимам и по правящим династиям. Эти же типы названий государств характерны и для других регионов мира, в частности для Европы. Их историческая преемственность наблюдается там, где государства существовали с глубокой древности и где они прошли длительный период развития.

Земли Старого Света

На Руси в старину не было четкого представления о границах иноземных государств. Как собственно русские феодальные владения, так и территории, населенные соседними народами, назывались землями: Полоцкая, Угорская, Арменская, Еллинская. Еще в XVII в. русская рукописная «Козмография» (т. е. «описание мира»), следуя образцам географических сочинений средневековья, дает традиционные, почерпнутые из Библии, названия описываемым странам, хотя к тому моменту основные географические открытия нового времени были уже завершены. Вот как, например, описывается Сибирь: «Земля царство сибирское нарицаемое зверообразных людей... живут по лесам и по рекам... питаются зверми и рыбою... и ядят крававое и сырое, веры же они и грамоте не умеют». А. В. Суперанская [1979], изучавшая рукописную «Козмографию», которая хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, приводит из нее ряд названий стран. Многие из них имеют форму имен прилагательных: земли Грузинская, Датцкая, Свитцкая (=Шведская), Перская, Египетская, Финическая (=Финикийская), царство Арапское, Китайское, Еладское и др. Встречаются и названия стран на *-ия*, пригом, как правило, не с тем ударением, которое свойственно им теперь: Итали́я, Сарди́я, Фарси́я, Инди́я, Асириа́, Ливиа́ (лишь название Византия сохраняет первоначальное ударение, как в греческом языке). Эта модель ударения

существовала до XVIII в.; уже во времена М. В. Ломоносова она считалась устаревшей. Что же касается форм на *-ия(-иа)*, *-ика*, то они были характерны для названий стран в латинском языке (ср. у Птолемея: Gallia, Mysia, Taurica, Symbrica). В позднесредневековой латыни, бывшей в ходу у европейских ученых, этот тип имен стал очень продуктивным при назывании стран: Россия, Грузия, Якутия, Моравия, Болгария.

В Древней Руси для обозначения территории, объединенной одной верховной властью, употреблялись термины *земля*, *волость*, *власть*, *область* [Насонов, 1951, с. 34]. Термин *земля* древнее термина *волость*. О земле говорили преимущественно тогда, когда речь шла именно о территории: в «землю» можно было въехать, «землю» покорить, захватить и т. д. Землю связывали не только с феодальными центрами, но и с соответствующим племенем, например: *Деревская земля*, т. е. «земля древлян», *Польская земля* — «земля полян».

Другой известный славянский способ названия земель — это полная идентичность названия земли и этнонима во множественном числе: *вятичи* — в *Вятичехъ* (т. е. в земле вятичей), чеш. *Čechy*, в *Čechách* «чехи», «Чехия», «в Чехии». Польское выражение «w północnych Niemczech», т. е. «в северной Германии», буквально означало «(в земле) северных немцев». Следы этого способа словообразования мы видели и в современных русских говорах: «уйти в Чухны». Другим собственно славянским типом именования земель, территорий были названия с суффиксом *-щина* (Смоленщина, Чухонщина), в польском языке *-szczyzna* (ср. *Guculszczyzna* «Гуцульщина», «земля гуцулов»).

Названия чужеземных стран попадали в русский язык разными путями: через библейскую традицию, из греческих и латинских источников, через посредство немецкого и польского языков и т. д. Древние названия стран звучали в русском поэтическом языке вплоть до начала XIX в. Одно из них — *Альбион* (ср. у А. С. Пушкина: «С героем дивным Альбиона...», «Лети во мрачный Альбион...»). Обычным эпитетом Альбиона было слово *туманный*: речь шла об Англии.

Впервые название *Альбион* появляется в трудах античных географов после плавания в 350—320 гг. до н. э. Пифея из Массалии. Пифей, видимо, услышал это название на полуострове Корнуолл: оно относилось к близлежащей части территории Англии. Как обычно считают,

слово *Альбион* означает «белый» (ср. лат. *albus*) и название было дано острову по той причине, что его берега сложены белыми меловыми утесами. Есть и другое объяснение: из кельтских языков — «горный остров». Альбион вместе с Касситеридами (или Эстримнидами) — островами, трудно отождествимыми с какими-либо современными островами близ берегов Англии, — назывались Британией.

Греки считали Касситеридские острова «оловянными островами»: по созвучию с греческим словом *касситерос* «олово», а также потому, что с островов на континент действительно доставлялось олово. Но это название на самом деле кельтского происхождения и означало «очень дальние острова». Что же касается Британии, то населявшее ее кельтское племя именовалось *бритты*, т. е. «раскрашенные», так как, по сообщению Помпония Мелы, они имели обыкновение наносить на тело синей краской различные узоры.

Античному образованному миру европейские страны к северу от Греции и Рима становились известны по мере «открытия» или завоевания земель варваров. С помощью сухопутных торговых путей, а также океанских плаваний были обследованы западные и северные берега Европы. В описаниях Гимилькона и Пифея в V—IV вв. до н. э., кроме Италии, Иллирии и Греции, известны Иберия и Тартесс на Пиренейском полуострове, Кельтика к северовостоку от него, Британия и Иерна, т. е. Ирландия. Все западное побережье материка представлялось как обширная область залива Метуония; очертания ее были схематично сглажены: они были незнакомы мореплавателям. Между Истром и Танаисом, т. е. между Дунаем и Доном, простиралась огромная неизвестная Скифия. Границы земель разных народов географам античности рисовались весьма приблизительно. Как правило, финикийцы, греки, римляне называли эти земли по населявшим их народам: Кельтика, Иберия, Галлия, Германия. Были и исключения из этого правила. Таково, например, название *Испания*, данное финикийцами: в их языке И-шпанним означало «Берег кроликов»: в районе финикийской колонии Гадир (Кадис) в Южной Испании было много кроликов.

Самое раннее упоминание о государстве *Тартесс* (Таршиш) с одноименной столицей в Южной Испании содержится в финикийской надписи IX в. до н. э. на острове Сардиния. Тартессийская держава, названная по племенам тартессиев, — иберийское государство. Оно было ос-

новано еще раньше (до 1100 г.) и распалось в конце VI в. до н. э., возможно, в связи с усилением Карфагена.

Иерной или Ибернией древние авторы называли Ирландию. Более правильное название — *Иерна*, оно соотносится с собственно ирландским именем острова — Eire, ср. др.-ирл. Eirinn «западный» (отсюда этноним *иры* и англ. Ireland «страна иров»). Форма же *Иберния* ошибочно возникла по аналогии с латинским словом *hiberna* «зимовка» во время походов Цезаря.

Начиная с VIII в. до н. э. греческие мореплаватели и колонисты, осваивавшие берега Черного моря, открыли для себя обширную страну с пестрым этническим составом, которую называли *Скифией*. Геродот, много путешествовавший и собиравший материалы для своей «Истории», дал первое дошедшее до наших дней описание Скифии и народов, населявших ее. Геродот различал скифов-пахарей, кочевников и так называемых царских скифов. Происхождение группы скифских племен не совсем ясно, возможно, что основная часть причерноморских скифов пришла в конце VIII в. до н. э. из Средней Азии. У скифов во времена Геродота уже существовала государственность. Сам этноним *скифы* — неизвестного происхождения, но он стал рано употребляться ассирийскими источниками начала 1-го тысячелетия до н. э. в форме *шккузаи*; иранское их название — *skuda*. Большая часть скифских племен говорила на языках иранской группы, однако в составе племен были и иноязычные этнические группы. Скифы и близкие им сарматы (Сарматия находилась за Доном) оставили значительный след в культуре всего Северного Причерноморья; есть основание думать, что в составе союза скифских племен могли быть также и славяне.

Писатели-географы эпохи Александра Македонского знали и о скифских племенах в Средней Азии, но они не смешивали среднеазиатскую Скифию (которая для них была, в отличие от Геродота, основной) со Скифией причерноморской [Ельницкий, 1977, с. 65]. На карте Птолемея причерноморская Скифия уже называется Сарматией, хотя Птолемей и показывает в ее пределах многие древнескифские племена. С другой стороны, все пространство от Волги и до Серики (т. е. Китая; Китай в латинской и греческой традиции назывался *Seres*; отсюда, между прочим, названия шелка в европейских языках, ср. лат. *sēricus* «шелковый», др.-сканд. *silki* и рус. *шелк*) Клавдий называет Скифией; это наименование, по-видимому, в соз-

нании греков особенно прочно привязывалось к степным азиатским пространствам.

Самые ранние рабовладельческие государства в Европе возникли на островах и на берегах Средиземного моря. На острове Крит государство образовалось уже на рубеже 3—2-го тысячелетий до н. э. с центром в Кноссе. Греческие племена ахейцев в XVII—XVI вв. до н. э. основали на полуострове Пелопоннес города-государства Микены, Пилос и др. Исследователи предполагают, что само название греков *ахейцы* отразилось в хеттских источниках: страна *Аххиява* в Малой Азии рядом с Хеттским царством. Это обстоятельство послужило, в частности, основанием для гипотезы о продвижении греческих племен на Балканы из Малой Азии [Гамкрелидзе, Иванов, 1981, с. 16].

В начале 1-го тысячелетия до н. э. в Греции выделялись большие области Ахейя, Аркадия, Лакония, Аттика, Беотия, Фессалия, Македония, Эпир и др. Большая часть этих земель вошла затем в державу Александра Великого. Собственно Грецией италики называли часть земель на Балканах по имени небольшого племени *греки* в Эпире. В античную эпоху страна называлась Элладой.

На Апеннинском полуострове также сложился ряд исторических областей, вошедших затем в состав Римской империи. Области эти назывались по населявшим их многочисленным народам: Этрурия, Лигурия, Апулия, Лаций, Умбрия и др. Северная Италия, носившая имя Цизальпинской Галлии, была населена галлами (римское название кельтов). Римляне, освободившись из-под власти этрусков, с V в. до н. э. приступили к объединению своей основной центральной области — Лаций (от него пошло название латинского языка) и к расширению своих владений. В результате Пунических войн в конце III в. до н. э. вся Италия была романизована, а римские владения вышли за пределы Италии: прежде всего римляне укрепились в Галлии и Испании, а также на островах Сицилия, Сардиния и Корсика. Названия последних связаны с древними этнонимами *сикулы* (родственный лигурам народ средней и южной Италии и Сицилии; скорее всего, язык их был неиндоевропейским); *сарды* и *корси* (родственные иберам народы, также говорившие на неиндоевропейских языках).

Значительно изменило политическую карту Европы завоевание римлянами Галлии, которое началось еще во II в. до н. э. и было завершено при Юлии Цезаре в тече-

ние восьмилетней войны 58—51 гг. Основное население страны составляли кельты, как явствует из «Записок о Галльской войне», оставленных Цезарем. Лишь на юго-западе страны, в области Аквитании, жили аквитаны, близкие к иберам. Так называемая Нарбонская Галлия, получившая имя по основанной еще в 118 г. колонии *Narbo Martius*, имела при Цезаре статус «провинции»: отсюда современная область *Прованс* на юге Франции. При императоре Августе вся Галлия была разделена на три провинции: Аквитанскую (центр — город Бурдигала, затем Бордо), Лугдунскую (центр — город Лугдунум, позже Лион) и Белгскую. В последней, самой отдаленной провинции романизация шла медленно, кельты долго сохраняли свою этническую самостоятельность. Особенно выделялась кельтская область *Арморика* (от кельт. *армор* «поморье») — атлантическое побережье Галлии от устья Луары с полуостровами Котантен и Бретань.

Римляне завоевали Ирландию, а также Британию, кроме северной ее части, которую они назвали Каледонией. Шотландией, или «страной скоттов», она стала именоваться лишь с VII в. н. э., после того как кельтские племена *скотты*, совершавшие набеги на западные берега Британии из Ирландии и с острова Мэн, заняли большую часть Северной Британии.

Несмотря на все попытки Рима завладеть Германией, земли которой простирались к востоку от Рейна и далее к Одеру и Висле, римлян постигла полная неудача. Но в Центральной Европе они завоевали заальпийские страны: Гельвецию — область кельтских племен гельветов, Рецию — область ретов, которых считают либо родственными этрускам племенами, либо кельтами. Это были области, соответствующие современным восточной Швейцарии, южной Баварии и Тиролю. Между верхним течением Дравы и Дунаем располагалась римская провинция *Норик*, а на части современных территорий Венгрии, Югославии и Австрии — *Паннония*. Обе провинции были населены различными кельтскими и иллирийскими племенами.

Параллельная экспансия Рима в Восточную Европу привела к зависимости от Рима стран Подунавья и Балканского полуострова: *Македонии*, *Иллирии* (позже *Далмации*), *Мёзии*, *Фракии* и *Дакии*. Все эти исторические земли были населены народами, говорившими на индоевропейских языках. В настоящее время эти территории принадлежат Греции, Югославии, Румынии, Болгарии,

и Венгрии. Память о римском времени сохранилась в названии народа *румыны*, говорящего на восточнороманском — румынском — языке, и страны *Румыния* (Ro-tânia). Название *Румынское княжество* впервые официально было принято с 1862 г., когда объединились существовавшие с XIV в. княжества Валахия и Молдова.

В 395 г. н. э. Римская империя разделилась на Западную и Восточную, и менее чем через 100 лет после того Западная Римская империя пала под натиском варваров; Восточная Римская империя под названием *Византия* (от имени древнего города Византий на берегу пролива Босфор, с IV в. Константинополь, с 1453 г. Стамбул) просуществовала еще тысячу лет.

Средневековая Европа становится ареной образования крупных государств варваров на развалинах Римской империи. Нашествия германских племен — готов, лангобардов, вандалов и др. привели к созданию в конце V в. королевства Одоакра в Италии, королевства вестготов в Испании. Англосаксы занимают юго-восток Британии, остготы — бассейн Дравы и Савы и Причерноморье. Почти всю восточную и часть Центральной Европы занимают гунны. В VI в. крупным государственным объединением становится королевство франков, которое постепенно расширяет свои владения. В середине VII в. лангобарды владычествуют в Италии (от их имени — название исторической области *Ломбардия*); в Северном Подунавье образуется Аварский каганат. Политическая карта Европы резко меняется в VIII в. — империя Карла Великого, Кордовский эмират. С X в. существует уже ряд государств в Восточной Европе — Польское, Чешское, Венгерское государства, Киевская Русь, Болгарское царство, княжества Хорватии и Сербии.

В течение веков Европа постоянно менялась, делилась и перекраивалась. Карта Европы, например XVI в., заметно отличается не только от современной, но и от карты Европы более близких периодов — XV и XVII вв. Здесь нет нужды подробно останавливаться на всех изменениях, достаточно просмотреть исторический атлас.

Другой вопрос представляет интерес: как впервые в истории появляется название какого-либо государства и с чем это связано? Какие процессы приводят к этническому самосознанию, к осознанию единства и целостности своей территории, своего государства? В какой момент перед взором окружающих соседних народов вместо неопределенной «земли», населенной теми или иными пле-

менами-земледельцами или племенами-кочевниками, является сильное политическое объединение со своим именем — самостоятельное государство, с которым необходимо считаться? Так, на месте прежних областей ретов и гельветов, завоеванных сначала римлянами, затем алеманнами, бургундами, остготами и вошедших с X в. в состав Священной Римской империи, возник союз лесных кантонов Швиц, Ури и Унтервальден, отстаивших к концу XIV в. свою независимость в борьбе с Габсбургами. Русское название *Швейцария*, нем. Schweiz, франц. Suisse, итал. Svizzera и др. восходят к позднему средневековью и связаны с именем кантона Швиц. Но античное имя *Гельвеция* в Швейцарии не было забыто. На территории Швейцарии в 1798—1803 гг. была Гельветическая республика. В 1848 г. страна из союза кантонов превратилась в более прочное и единое союзное государство — Швейцарскую Конфедерацию (Confederation Helvetica). В настоящее время в официальных языках страны (немецком, французском и итальянском) употребляется общепринятое название — Швейцария.

Ярким примером того, как может возникать, расширять свое значение, закрепляться за государством и длительное время существовать его историческое название, может служить *Франция*. Германское племя *франки* сложилось в III—IV вв. Подобно другим германским племенам, в результате напора славян с востока и гуннов с юго-востока франки стали нарушать границы Римской империи. В середине IV в. они появляются в Брамбанте и удерживают его за собой. С падением Рима франки устремляются из Брамбанта на юг и на запад через Рейн; во второй половине V в. они становятся самым сильным среди германских племен. Предводитель франков Хлодвиг (481—511 гг.) стал основателем франкской державы, в 486 г. он вторгся в Галлию и завоевал страну вплоть до Луары, в 507 г. подчинил себе вестготские владения между Луарой и Гаронной. Преемники Хлодвига включили в государство Бургундию, вестготские владения между Гаронной и Пиренеями, Прованс, Ретию и Баварию. Большое Франкское государство административно делилось на Нейстрию — западную половину и Австразию — восточную, за Рейном (этот принцип названия сохранился и позже, в IX в., когда на развалинах империи Карла Великого образовалось несколько государств, в том числе Австрийская марка «восточный край», давшая название современной Австрии). Впоследствии огромная им-

перия франков была поделена между сыновьями Карла Великого, но окончательное разделение германских земель на Францию и Германию произошло по Верденскому договору 843 г.

Франкское завоевание не привело к германизации Галлии; франки очень быстро оказались втянуты в сферу галлоримской культуры. Романский элемент оказался самым сильным: он подчинил и кельтов, и германцев всей Галлии. Территория в бассейне рек Сены и Луары, где галло-римское население в течение ряда веков сохраняло свою неприкосновенность, стала центром формирования того романского языка, который с IX в. в отличие от складывавшегося на юге провансальского языка назывался «французским». Все владения императора Карла Великого, за исключением Италии, носили название *regnum Francorum* «Королевство франков», но еще до распада государства уже появился новый термин *Francia*, прежде им, как правило, обозначали только земли севернее реки Сены. После Верденского договора владения трех сыновей Карла Великого разделились на три «Франции»: западную, среднюю и восточную. В Германии имя *Франция* не прижилось и сохранилось только в названии исторической области Франконии. Но название *Франция* закрепилось за областью по среднему течению Сены, прежде называвшейся «герцогство Франции», позже Ильде-Франс «Остров Франции». Эта область стала доменом династии Капетингов, но с нее началось расширение государства, занявшего впоследствии всю территорию древней Галлии. И несмотря на то что собственно Францией считалась совсем небольшая область, в средние века в народе сохранялись воспоминания о большой стране Франции, пределы которой составляют реки Шельда и Маас, Атлантический океан и река Эбро.

В эпоху феодализма Франция представляла собой ряд разрозненных вассальных княжеств и французские короли были действительными хозяевами только в своем домене с главными городами Парижем и Орлеаном. Но с началом экономической революции XII в., с усилением движения за освобождение городов, буржуазии и крестьянства при поддержке церкви королевская власть во Франции стремилась к созданию единого национального государства. Объединение Франции было в основном закончено при последних Капетингах к середине XIV в., хотя еще в середине XV в. во Франции оставались несколько крупных феодальных княжеств: Бретань, Бургундия, Ан-

жу. Таким образом, название *Франция*, известное для большей части страны еще с эпохи раннего средневековья, сохранялось в памяти народа и в эпоху феодальной раздробленности. Оно вновь укрепилось и расширило свое значение на фоне усиления королевского абсолютизма накануне образования единого французского национального государства.

Другим примером является наименование государства *Великая Моравия* на территории Чехословакии в IX — X вв. Историю этого государства и его названия на фоне роста этнического самосознания славян и складывания моравской народности хорошо показал словацкий ученый Л. Гавлик [1976], обобщивший результаты не только исторической науки, но и других научных дисциплин: лингвистики, археологии, этнографии и антропологии. Он писал, что когда «речь идет об исследовании определенного социально-экономического целого как этноса, то... в письменных источниках в первую очередь надо прослеживать этнические проявления такого целого исходя из рамок политического образования, обозначенного собственным или данным именем, которое также отражается в письменных документах. Необходимо поэтому обратиться не только к развитию внутреннего самосознания в рамках государственного организма, как оно отражается в исторических текстах, в языке, в материальной и духовной культуре, но одновременно также к восприятию и оценке этнополитического развития исследуемой народности в зарубежных источниках» [Там же, с. 157].

Государства раннефеодального периода назывались по тому племени, которое получало гегемонию над окружающими его соседними племенами в результате таких факторов, как политическая власть, экономическая и культурная динамичность, интеграционный перевес. Именно поэтому, например, расширение великопольской (полянской) гегемонии в конце X—XI в. привело к тому, что в будущем Польша получила свое наименование от полян, а не от других формирующихся на территории Польши народностей: вислян, мазовшан, поморян и др. И хотя этническое родство всех этих племен до возникновения Польского государства было несомненным, принципиально новым явлением стала польская народность, создание которой произошло только в период установления гегемонии полян.

Понятие «моравская народность» связано с террито-

рией старой Моравии на Дунае, с бассейном Моравы и Вага и с будущей территорией Словакии, но не со всей территорией Великой Моравии или Великоморавской державы. Истоки формирования раннефеодальной моравской народности лежат в том времени, когда славяне в бассейне Моравы, Дыи и Вага вступили в контакты с остатками старого кельтского, германского, дакского, сарматского и романизированного населения в Подунавье. Но в письменных источниках Средней Европы имя мораван стало встречаться лишь начиная с IX в.: в самих моравских текстах — *морав(л)яне, людье моравьштии*, в германских источниках — *Marvani, Marahenses, Moravi* и др., в греческих текстах — *Μοραβιοι*, в летописи Нестора — *Морава* или *Марава*. Видимо, сам центр моравского государства также носил название Морава, так как в одном из источников упоминается о том, что Мефодий ушел «въ град Моравоу». Несмотря на сложность генезиса мораван, с IX в. эта этническая общность выступала в рамках моравского государства как народность со всеми ее признаками: с осознанием своего отличия от окружающих соседей, с характерными чертами материальной и духовной культуры. Внешний мир также воспринимал мораван как народность. Это этническое самосознание — сознание принадлежности к моравской народности — существовало у населения, жившего на территории современной Моравии, северной части Нижней Австрии и западной Словакии. Важной особенностью единства народности была общность языка: наречия древней Моравии составляли одну группу, которая распространялась на востоке вплоть до горного пояса на берегу Вага. В дальнейшем границы Моравии расширились и в современном своем виде сложились только в середине XI в.

Моравское государство начала IX в. образовалось на территории между Чешско-Моравской возвышенностью, горным массивом Есеники, среднесловацкими горами и, может быть, горным массивом Матра. При князе Ростиславе (846—870) оно расширилось до северо-восточной Паннонии, а на востоке до реки Тиса. После присоединения ряда близлежащих земель при князе Святополке I (871—894) возникла Великоморавская держава, или *Великая Моравия*, как назвал ее византийский император Константин Багрянородный. Таким образом, в последней трети IX в. за пределами первоначальной области государства мораван стали возникать условия для распространения сознания принадлежности к моравской

народности. В латинских источниках в связи с упоминанием мораван встречаются термины *gens* и *populus* «народ». Мораване были известны как единое целое, отличное от соседей, причем именно в связи с их государственной организацией, своеобразием культуры и языка (в Моравии существовал не только местный разговорный, но и литературный славянский язык, имеющий специфические моравские черты). Важным фактором было также существование моравской церкви, получившей в 880 г. папскую привилегию. В X в. Моравия потеряла свою самостоятельность, стала платить дань венграм, около 1000 г. стала автономной частью Польского государства Болеслава Храброго, а в 1030 г. была присоединена к Чешскому государству. Коренные жители современной Моравии до сих пор называют себя мораванами, отличают себя как от чехов, так и от словаков. Мораване сохранили некоторые древние этнографические и языковые особенности.

Разнообразные примеры, приведенные в этой главе, свидетельствуют о том, что название государства, как правило, не возникает случайно. Оно обусловлено общественно-политическими и экономическими факторами, культурой, языком складывавшейся народности. Развитие отдельных государственных образований и процессы их именованья различны в разных регионах мира. Но существует и типологическое сходство именованья всех исторических государств, прошедших одну и ту же смену общественных формаций. Пути истории прихотливы, но не до бесконечности. И проследивать историю государств мира и их названий в течение тысячелетий — достаточно увлекательное занятие.

На память приходят слова нашего знаменитого соотечественника Н. М. Карамзина, открывающие предисловие к «Истории государства Российского»: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего...»

ЗЕМЛЯ СВЯЩЕННАЯ: СТРАНЫ, КОТОРЫХ НЕТ НА КАРТЕ

«Жил да был в Цыгании — стране, которой никогда не было, — могущественный король...» Так говорится в одной из цыганских сказок, записанных в Венгрии филологом Тибором Бартошем. В сборнике сказок «Никогда не было тебя, Цыгания!» [1961] содержатся рассказы об истории цыганской народности, о происхождении некоторых обычаев цыган. Здесь искусственно образовано название страны *Цыгания* (венг. *Cigányország*), но оно очень хорошо вписывается в систему названий стран в русском языке. Кроме того, оно обозначает в данном случае вовсе не какую-то землю или территорию государства, а употребляется в более широком смысле, как совокупность черт, характеризующих особенности культуры цыганской народности.

Такие вымышленные названия стран легко образуются не только от этнонимов, но и от топонимов, и от других слов русского языка. Художник К. С. Петров-Водкин [1970] включил в название своей книги слово *Самаркандия*: хотя название нигде не поясняется, ясно, что для художника оно символизировало период его творчества, жизненных и эстетических впечатлений, связанных с работой в городе Самарканде. *Самаркандия* — это «самаркандская эпопея» К. С. Петрова-Водкина.

По сведениям филолога Д. В. Архиповой, эсперантисты придумали не только страну *Эсперантуйо*, но и историю этой вымышленной страны. Согласно полному иллюстрированному словарю языка эсперанто, *Espersantujo* — это идеальная страна эсперантистов, существующая временно, как правило, в период их конгрессов. Слово образовано по общей модели названий стран в языке эсперанто (ср. *franco* — *Франсијо* — «француз — Франция»). Вслед за словом *Эсперантуйо* эсперантисты приняли термин «нация эсперантистов», обсуждали вопрос о своем флаге (на зеленом полотнище — белый квад-

рат с зеленой звездой), о гимне и выпуске почтовых марок. Ставился вопрос и о том, чтобы страна Эсперантуйо имела свои консульства в других странах. Л. Заменгоф (1859—1917), изобретатель международного языка эсперанто (слово буквально значит «надеющийся» — псевдоним автора), употреблял выражение «посетить Эсперантуйо» в смысле «овладеть языком эсперанто и проникнуться духом интернационализма». В 1927 г. вышла книга болгарина Атанаса Д. Атанасова под псевдонимом Ada «El la intima libro de la verd-urbaĵ esperantistoj» («Из интимной жизни эсперантистов зеленого города»), где он обобщил все черты, обычно приписываемые Эсперантуйо: «Страна Надежды (Espero) — это страна, где говорят на эсперанто. В ней никогда не заходит солнце, потому что она простирается через высокие горы, моря, океаны. Эта страна — вся земля. Эсперантуйо — везде, где дышит человек, чувствующий себя гражданином мира».

Легкость образования названий вымышленных стран связана не только со словообразовательными возможностями языка, но и с тем обстоятельством, что собственные имена могут употребляться в переносном, метафорическом смысле, а также полностью переходить в сферу нарицательных имен. Географические названия реальных объектов иногда переносятся на другие географические объекты, обладающие теми же признаками. Например, большое количество примеров, собранных доктором географических наук Е. М. Поспеловым [1988, с. 41], показывает, что всякую живописную горную местность могут в переносном смысле называть *Швейцарией*: в мире существует свыше 100 различных Швейцарий. Только у нас в стране их огромное количество. Например, Подмосковной Швейцарией у нас иногда называют Рузский район, расположенный на склонах Смоленско-Московской возвышенности с холмистым рельефом, расчлененным речными долинами и оврагами. Это имя могут носить и северные подмосковные районы, лежащие в пределах Клинско-Дмитровской возвышенности. Есть и Маленькая (Курская) Швейцария, Швейцария Латышская, Литовская, Донецкая, Казахстанская и др.

Известно в нашей стране и такое образное название, как Украинская Шампань (винный комбинат «Золотая балка» в Крыму) и др., а также географические имена реальных населенных пунктов типа Индия, Мадагаскар.

Названия реальных стран могут мифологизироваться,

обрастать дополнительными оттенками значения, становиться символическими. Это произошло, например, с *Аркадией* — областью в Греции, с которой связан персонифицированный миф. Она стала символом счастливой, идиллической страны.

Имена вымышленных стран возникают по разным причинам. В древности, в средние века недостаток географических знаний вызывал и ошибки в наименованиях чужих земель, и прямые мифологизированные домыслы. Страстная жажда найти место на Земле, где человек чувствовал бы себя свободным, богатым и счастливым, породила легенды о несуществующих заповедных землях. Отсюда и социально-утопические мотивы в фольклоре и художественной литературе, которые дожили до нашего времени. Но помимо благоприятной среды в виде произведений духовной культуры, названия несуществующих стран и целых материков широко представлены в науке при описании геологических и историко-географических научных гипотез. Так возникли термины *Берингия* (*Берингиада*) — для обозначения предполагаемого древнего «моста» в Беринговом проливе между Азией и Северной Америкой, *Лемурия* — по имени животного. Немецкий ученый Э. Геккель считал, что в Индийском океане некогда затонула земля, на которой могли обитать виды, промежуточные между обезьяной и человеком, из отряда приматов. Остатком таких видов являются современные *лемуры* — полуобезьяны. Таких названий затонувших земель в научной литературе появилось довольно много — начиная с легендарной платоновской Атлантиды. В серии работ известного ученого и писателя А. М. Кондратова рассказывается о таких странах, причем само слово *Атлантида* становится у него почти термином, обозначающим всякую гипотетическую затонувшую землю. В научно-популярной книге «Атлантиды пяти океанов» (Л., 1987) А. М. Кондратов перечисляет много не существующих ныне земель: *Пацифида*, вернее, «пацифиды» — отдельные затонувшие острова-«мосты» в Тихом океане. Это слово связано с названиями Тихого океана в европейских языках (ср. англ. the Pacific Ocean; русское слово — его точный перевод). Упоминаются также Полинезида, Маорида, Азорида и др. Все эти термины образованы по образцу имени Атлантида; с этим же греческим суффиксом нам известны Арктида и Антарктида. В новейшей своей книге «Атлантиды ищите на шельфе» (Л., 1988) А. М. Кондратов употребляет также термины

Охотия (обширная суша на дне Охотского моря, южнее Берингии), *Ниппонида* (в Японском море; гибель ее произошла из-за тектонических процессов: отдельные части Ниппонида оказались под водой), *Сунда* (затопленный материк в Юго-Восточной Азии; имя дано по мелководному Зондскому шельфу, лежащему между островом Калимантан с одной стороны и полуостровом Малакка и островами Суматрой и Явой — с другой) и т. д. Конечно, эти названия — исключительно условные, применяемые лишь в среде специалистов: ведь существование многих из указанных земель — дискуссионный вопрос.

Среди имен вымышленных стран стоит различать по крайней мере три различные категории. Во-первых, это имена, связанные с какими-то реальными историко-географическими прототипами. Во-вторых, — мифические, сказочные названия, возникшие в устной народной традиции. И в-третьих, существует специфическая группа имен, созданных в индивидуальном художественном творчестве писателей и выполняющих определенную стилистическую функцию.

В первой группе есть и такие страны, которые упоминаются в древних исторических источниках, однако их местоположение до сих пор остается невыясненным. Сведения о них в трудах древних авторов носят полужендарный характер. Классический пример подобного рода — страна *Офир*, упоминаемая еще в Библии в «Книге Царств» в связи с царем Соломоном (X в. до н. э.) и финикийским царем Хирамом. Офир — сказочно богатая страна, из которой мореплаватели — рабы Соломона привезли ему 420 талантов золота для постройки храма, а также великое множество драгоценных камней и сандалового дерева. В повести «Суламифь» А. И. Куприн красочно описывает и «анфракс, священный камень земли Офир», и «заберзат из Офира, сияющий, как маленькие солнца», и «горькое маковое питье из страны Офир, дающее сладкие грезы». В современной науке есть разные точки зрения на возможную локализацию Офира: на юго-востоке Аравии в Омане, на острове Мадагаскар, на юго-востоке Африки, а также — что более вероятно — в Северной Индии, поскольку древнеарамейские наименования восточных товаров происходят из соответствующих санскритских слов, да и само слово *Офир* сближают с древнеиндийским этнонимом *абхира*. В любом случае вероятно, что Офир не находился на берегах Баб-эль-Мандебского пролива.

Еще одна загадочная страна упоминается в сочинении Иордана «Getica» — *Ойум*. Это имя интриговало исследователей; в последние годы ему уделил внимание В. Н. Топоров [1984] при изучении готско-славянских связей в Северо-Западном Причерноморье. Рассказ Иордана повествует, что в IV в. готы пришли в Скифию, которая на их языке называлась *Ойум*. Эта область была очень удобной и подходящей для заселения, «желанной землей», богатой всякими благами. Однако она была изолирована, окружена зыбкими болотами и омутами и потому недоступна. Слово *Ойум* производится из готского языка: из *Auīōm, восходящего к древнегерманскому *áhwō «вода». Таким образом, Ойум — страна, изобилующая водой. Ученые предполагают, что земля Ойум могла находиться на Нижнем Днепре; В. Н. Топоров не исключает возможности ее локализации и в устье Дуная, в плавнях, гораздо более обширных, чем днепровские. Кроме того, у готов, стремившихся на берега Черного моря, видимо, существовала идея сказочной южной страны, с которой они отождествляли Ойум.

Имена реальных стран и земель находим в фольклоре всех народов. В сказках «Тысячи и одной ночи» упоминаются Рум и Фарс — арабские названия Греции и Персии. В русском фольклоре фигурируют Русь, Белая Русь, Немецкая земля и многие другие названия. В зависимости от жанра и от контекста они могут восприниматься как имеющие более конкретное или более абстрактное содержание. Например, в русских исторических преданиях, в солдатских и в бытовых песнях упоминаются общеизвестные страны — Польша, Литва, Украина, Саксония.

В других жанрах названия земель не так определенно привязываются к реальным местностям или вовсе фантастичны и не локализируются. В заговорах восточных славян упоминаются Русь, Белая Русь и др., но их употребление в контексте заговора носит характер совершенно абстрактный: здесь мы находим и 70 буйных ветров, которые пошли «на Святую Русь зеленого леса ломать», и «огненного царя на Русской и на Немецкой земле», высушившего все реки и озера, и Иродовых дочек-лихорадок, идущих «на Белую Русь белую кость крошить, горячую кровь лить». Что же касается волшебных сказок, то в них названия земель полностью отрываются от реальной географии. В волшебной сказке прослеживаются корни, уводящие в мифологию, в представления об особой организации мифического пространства и времени.

Тридевятое царство

У всех народов мира сохранились представления о духах и об особых местах их обитания. Им отводится некая мистическая потусторонняя страна, так же как и душам людей, населяющим страны предков. В Мьянме до сих пор существует добуддийский культ *натов* — духов-хранителей и «хозяев» местности. Пантеон «хозяев» составляют 37 основных *натов*. Страной *натов*, по верованиям населения, управляет верховный дух Тхайямин, которому служат духи воды [Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия, 1959, с. 245].

Топография потусторонних стран, подземных царств или стран мертвых подробно развита в мифах многих народов мира. *Айд*, или *Гадес*, в греческой мифологии — имя бога, владыки царства мертвых, а также самого царства. В буквальном переводе это имя означает «безвидный», «невидный», «ужасный» [Мифы народов мира, 1987, т. 1, с. 51]. Аид разделяется на место для праведных — *Элизиум*, или Елисейские поля, и *Тартар* — место для святотатцев и дерзких героев. Такое понимание Тартара, однако, — более позднее переосмысление. Первоначально в греческой мифологии Тартар был «нижним небом» мира в отличие от «верхнего неба» — Олимпа; он располагался в самой глубине космоса, ниже Аида. Это великая бездна, которой страшатся даже боги. Между прочим, русское выражение «провалиться в тартарары» связано с именем Тартар: рус. *тартаръ* в значении «преисподняя» появляется в памятниках с XVI в., оно было заимствовано из греческой мифологии.

Подземное царство мертвых есть и в скандинавской мифологии. Имя ему — *Хель* (или *Нифльхель*). Под влиянием представления о христианском аде подземное царство Хель стало противопоставляться небесному царству мертвых — *Вальхалле*. Мифы древних скандинавов делят мир на *Асгард* — царство асов, или богов (в переводе — «двор» или «ограда асов»), — он мыслился как небесное селение, крепость богов; средний мир *Мидгард* (букв. «среднее огороженное пространство») — мир, обитаемый людьми, — он создан богами, поднявшими землю из моря; по другим представлениям — Мидгард возник из ресниц убитого богами великана Имира. И наконец, за пределами населенного мира лежит *Утгард* «внешний двор», царство злых сил, почти идентичное *Ётунхейму* — царству великанов *ётунов* на краю земли. Как видим,

в развитой мифологии скандинавов все эти миры мыслятся как страны со своими названиями. Выдающийся советский филолог-скандинавист М. И. Стеблин-Каменский объясняет это тем, что «миф стремится описать сущность явлений, а для того чтобы описать сущность явления, надо его назвать. Поэтому миф не может обойтись без множества собственных имен» [1967, с. 63]. Но в мифах одна и та же местность может быть по-разному расположена, так что невозможно составить карту мифологического мира: Асгард не только рядом с Мидгардом, но он также и на небе и т. п.

В осетинском нартском эпосе подробно разработана топография мифологического пространства. Наряду со Страной нартов — эпической страной предков, здесь есть и страна Терк-Турк, враждебная нартам (Терк — осетинское название Терека), подводная страна Донбеттыра и Страна мертвых, над которой властвует Барастыр. Герои-нарты время от времени посещают дружественных им жителей подводной страны (среди них есть кровные родственники нартов). Что же касается Страны мертвых, то живому человеку нельзя посещать ее, как и в греческой мифологии (Орфей и Эвридика); и лишь такому герою, как Сослан, под силу оказалось побывать в этой стране и вернуться из нее живым, да и то с помощью своей покойной жены Бедохи.

В русской волшебной сказке нередко фигурирует «тридевятое» или «тридесятое» царство. Это некое далекое, «небывалое» государство; чтобы попасть в него, нужно преодолеть море, огненную реку, пропасть, непроходимый лес. Герой сказки приходит в тридевятое царство за похищенной красавицей, за диковинками, за молодильными яблоками, за живой или исцеляющей водой, дающей вечную юность и здоровье [Пропп, 1986, с. 281]. Тридевятое царство может помещаться под землей, под водой, на горе. Иногда это место описывается как город или как государство, о котором тем не менее не сообщается никаких конкретных сведений: «Приезжают в невиданное царство, в небывалое государство». Иногда же государство дифференцируется на три царства: медное, серебряное и золотое. Этот потусторонний мир, «тот свет», также населен людьми, охотниками, животными: иной мир не только в сказке, но и в религиозных представлениях мыслится в зависимости от окружающей природы и от основного занятия народа или под водой, или на горах, или далеко за горизонтом и т. д. Однако кроме

реалистических черт, приписываемых этому миру, он обладает и магической силой: побывав в нем, можно стать волшебником, научиться понимать язык птиц и животных, обрести другие ценные качества. Есть в осетинском фольклоре страна *Хату*, и нартские герои иногда переговариваются между собой на хатиагском языке (как полагают, по-китайски). В современном осетинском языке «говорить по-хатиагски» — значит «говорить на непонятном языке» (идиоматическое выражение). Характерно, что с помощью этого мифического языка и в эпосе, и в сказках можно общаться с животными.

Мифической страной в фольклоре восточных славян был *Вьрий*, или *Ирий*. Это название М. Фасмер [Этим. сл. рус. яз., т. 2, с. 138] связывал с иранским *aiγuā- «арийская страна» и осетинским *ир* «осетины», *ирон* «осетинский» (на самом деле осет. *ир* не связано с *aiγuā-этимологически). *Ирий* — сказочная теплая страна, в которую на зиму прилетают птицы. Локализация Ирия в некоторых фольклорных произведениях на берегах Черного моря позволяет, по мнению В. Н. Топорова [1984, с. 131], сопоставить эту страну с готским Ойумом. *Ирий* — это южный край, волшебная страна, откуда приходит весна. В ней спасаются птицы, животные, туда даже уползают змеи. Наиболее вероятной этимологией названия *Ирий* (основная форма принимается *Вьрей*) В. Н. Топоров считает возведение его к *Ūr-ъjъ от ūr- «вода», может быть, «море» (ср. балт. jūga «море»). Таким образом, оказывается, что готская страна *Ойум* и восточнославянский *Вьрей* названы по одному и тому же признаку, связаны с Черным морем, с низовьями Днепра и Дуная. Б. А. Успенский [1982, с. 144] считает слово *Ирий*, как и слово *рай*, вообще обозначением потустороннего мира, так как в славянских языческих представлениях, по-видимому, не было различия рая и ада. Представление о том, что птицы улетают в *Ирий*, а змеи на зиму уползают в землю, как об этом рассказывали, например, на Украине, отражает более новую христианскую дифференциацию рая и ада. По существу же, речь идет об одном и том же месте назначения, т. е. о разных путях, приводящих в *Ирий*. В поверье об Ирии отразились народные наблюдения над зимним и весенним природными циклами. Зимой Земля «замыкается», а с первым весенним громом «размыкается». Аналогию можно увидеть и в русском поверье о том, что где-то далеко есть *Лукоморье*, в котором люди умирают на зиму и воскресают весной.

В поисках счастья

Названия вымышленных стран в мифах, как правило, связаны с космогоническими представлениями народов древности. Страна мыслилась как местопребывание божества или мифических царей, как центр модели космоса. Такова страна *Шамбхала* (Шамбала) в буддийской мифологии. По источникам, дающим ее описание, Шамбхала даже имеет определенную географическую локализацию: она находится севернее реки Сита (Тарим, Амударья или Сырдарья). Шамбхалу окружают восемь снежных гор, напоминающих лепестки лотоса. В центре их находится столица. В стране правят пари-жрецы, время правления каждого из них — сто лет. Представление о Шамбхале связано также с понятием о *мандале* — одном из основных сакральных символов буддийской мифологии. Это слово в древнеиндийском языке имело много значений: «круг», «колесо», «орбита», «шар», «округ», «страна», «пространство», «совокупность», «общество», «собрание» и др. [Мифы народов мира, 1988, т. 2, с. 100]. Фактически мандала представляет собой модель Вселенной; центр ее изображается в виде лотоса. В Тибете и Монголии мандала часто рассматривается как место обитания божества или божеств (ср. монг. *хото мандала*, т. е. «мандала места обитания», и обозначения конкретных мандал: Ямантакийн хото «место Ямантаки»).

О священной стране Шамбале складывались легенды, паломники отправлялись на ее поиски. Определенное сходство есть между легендой о Шамбале и алтайской легендой о таинственной заповедной стране *Беловодье*, которую тоже пытались искать. Поэт В. М. Сидоров в книге «Индийские сюжеты» (М., 1985, с. 87) говорит об этом так: «Может, в некоем неписанном своде утверждалась их тайная связь, если Шамбала, как Беловодье, Белым островом тоже звалась».

Характерно, что европейцы в эпоху средневековья свои представления о земном рае (Эдеме) связывали также с Азией. По мере дальнейших географических открытий земной рай относили все дальше к востоку — за Китай, Индию, Цейлон. В XII—XIII вв. рай стали помещать в недоступном районе Азии. Верили, что к раю нельзя приблизиться, так как его окружает огненная стена и вооруженный ангел охраняет единственные ворота [Baring-Gould, 1977]. Греческие историки писали, что Александр Македонский очень хотел попасть туда и

специально с этой целью предпринял войны на Востоке. Средневековый священник Меффрет утверждал, что Св. Василий и Св. Амвросий открыли ему, что рай находится на вершине очень высокой горы в Восточной Азии. В рукописи, находящейся в Британском музее, говорится, что рай избежал потопа, так как он подвешен между небом и землей на расстоянии 40 морских сажений выше, чем вершины самых высоких гор.

С древности у разных народов складывались представления о «блаженных» странах золотого века; легенды о них и путешествия с целью найти такие страны дали начало социально-утопическим мотивам в произведениях древности, средневековья и нового времени. Социально-утопические мотивы в произведениях романическо-географического жанра рассмотрел Л. А. Ельницкий [1962], автор многих интересных работ по исторической географии. Античные писатели упоминали об «Островах блаженных», об острове Сирия, о саде Гесперид с золотыми яблоками, находящемся на дальнем западе, в Атлантическом океане. «Происхождение этих утопических идей, связанных с определенными географическими представлениями, коренится в древних религиозных верованиях, относящихся к культу божеств плодородия, в частности таких, как греческий Кронос и римский Сатурн, почитавшихся царями потустороннего царства блаженных и царями „золотого века“, некогда якобы существовавшего на Земле и завещанного людям в будущем» [Там же, с. 76]. Зачатком нового жанра в литературе было описание Атлантиды в диалогах Платона «Тимей» и «Критий», а в дальнейшем по мере развития социально-утопических идей появлялось все большее количество вымышленных стран (многие из них располагались на экзотических островах или материках). В «Священной летописи» Эвгемера (IV в. до н. э.) и в «Государстве Солнца» Ямбула (III в. до н. э.) — произведениях, известных лишь по краткому пересказу Диодора, описываются острова *Пантайя* и *Солнечный*, расположенные где-то к югу от Аравии среди вод Индийского океана. Их природные условия соответствуют островам Мадагаскар или Цейлон. В государствах этих нет частной собственности, управляют разумные жрецы, система распределения продуктов основана на принципе равенства. Труд есть первая необходимость, а справедливость — высшее благо.

В кельтской мифологии также были «острова блаженных», помещаемые на далеком западе. В ирландской

саге «Плавание Брана» утверждается, что число этих островов было «трижды пятьдесят», в том числе известны названия Великая Земля, Земля жизни, Земля женщин и др., а также *Аваллон* (от ирл. *aval* «яблоко»), на который, по преданию, фея Моргана перенесла смертельно раненного короля Артура после сражения при Камлане.

Именно кельтские мифы повлияли на создание артуровского цикла легенд в Британии, которые затем были литературно обработаны и явились источником вдохновения для многих писателей. Идеальной утопической страной легенд артуровского цикла был *Логрис*. Топография Логриса реконструируется в поэзии английского писателя Ч. Уильямса: там Логрис мыслится как символ природы, как микрокосм идеальной цивилизации. В конкретном географическом плане Логрис, или артуровская Британия, считается западной границей Византийской империи — символа порядка, единства и цели, а знаменитый сосуд Грааль, занимающий важное место в легендах, связывается исключительно с христианством [Moogman, 1960, p. 44].

В средние века создавалось много легенд о якобы существующих богатых и прекрасных странах. В XII в. в Европе распространились сведения о стране пресвитера Иоанна, могучей державе где-то на Востоке. Эта легенда держалась четыре века, несмотря на то, что никому не удавалось найти страну «паря-священника Иоанна». Аналогичным образом в период завоевания Южной Америки, т. е. в первой половине XVI в., среди испанцев распространилась легенда о стране Эльдорадо, в которой золото лежит грудями. Буквально имя означает «позолоченный человек» — исп. *El Nombre Dorado*. Поводом к созданию легенды послужил обычай у индейцев чибчамуисков совершать жертвоприношения в горном озере Гуатавита: человек, тело которого было натерто смолой и покрыто золотым порошком, нырял на середине озера и быстро плыл, чтобы смыть с себя позолоту. В провинцию Поцаян — ныне один из штатов в южной Колумбии — нахлынули толпы авантюристов в поисках золота. Но к тому времени муиски уже не соблюдали обряда, и легенда о золотом человеке превратилась в легенду о золотой стране, которую искали в разных областях и не находили. Более того, многие экспедиции вступали в кровавые столкновения с индейцами или бесследно погибали от голода и болезней. Англичанин У. Рэли, организатор пиратских экспедиций в XVI в., использовал легенды

о городах Эльдорадо и Маноа. Он якобы открыл Эльдорадо и мистифицировал Европу с помощью неправдоподобной географической литературы, написав книгу «Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи».

Счастливая страна присутствует и в фольклоре средневековой Европы. Как писал английский исследователь А. Мортон, «у народной Утопии множество имен, она фигурирует под разными образами. Это и английская страна Кокейн и французская Кокань. Это и Помога и Горная Бразилия, Гора Венеры и Страна Юности. Это и Люберланд и Шларафенланд, Рай бедняка и Леденцовая гора» [Мортон, 1956, с. 18]. Так, *Шларафенланд* в немецких народных сказках — страна молочных рек и кисельных берегов, страна, в которой не надо трудиться, но в которой неисчерпаемо изобилие. В английской и французской литературе XII—XIV вв. была популярна страна *Кокейн*, или *Кокань*, она стала известна во всей Западной Европе. Английская Кокейн расположена на островах к западу от Испании, а французская Кокань не локализована нигде. «„Нигде“ — это значит повсюду, т. е. во вполне реальном окружающем средневекового человека мире, если этот мир будет подвергнут какой-то магической трансформации. Такая концепция вне реальной (и одновременно очень близкой к реальности) действительности не должна нас удивлять: она весьма типична для эпохи средних веков. Вспомним хотя бы куртуазную утопию „империи“ короля Артура, которая, по крайней мере в ранних памятниках, ей посвященных, находилась нигде и повсюду, сложно коррелируя с окружающим средневекового человека реальным бытом» [Михайлов, 1986, с. 214]. В Кокани сказочное изобилие еды и питья, прекрасные природные условия. В год собирают по четыре урожая, не прекращаются праздники, нет войн, все жители молоды, трудиться им не надо. При этом есть замечательное правило: наибольшие блага достаются тем, кто проводит свое время в полной праздности, спит. Вот как описывается страна Кокейн в современном стихотворном переводе с английского языка [Мортон, 1956, с. 263]:

В море на запад от страны Спейн [Испания]
Есть остров, что люди зовут Кокейн.
И хоть пройди весь белый свет,
Страны богаче и лучше нет.
Пускай прекрасен и весел рай,
Кокейн куда прекраснее край!

А. Мортон полагает, что упоминание острова где-то на западе дает нам полное основание связать рассказ о нем с земным раем кельтской мифологии. В описании Кокейна много общего с языческим Островом яблок, или Помоной. Там есть и дворец или холм из стекла — неотъемлемая черта земного рая во всех мифологиях.

Название *Кокань* (Кокейн) объясняли по-разному, в том числе как «Кухонную» страну (ср. англ. to cook «готовить, стряпать», kitchen «кухня», лат. coquina, итал. cucina и т. д.). Другие исследователи усматривают близость имени Кокань к названию утопического города Коккугга у Аристофана.

В XVI—XVII вв. в странах Западной Европы получил распространение жанр утопического романа, что было связано с развитием утопического социализма — учения об идеальном обществе, основанном на коллективной собственности, обязательном труде, справедливом распределении благ. Само слово *утопия* восходит к одноименному сочинению Т. Мора (1516 г.) и толкуется двояко: либо как «место, которого нет», Нигдейя, либо как «благословенная страна». Вымышленные утопические или антиутопические государства описываются и в произведениях Т. Кампанеллы «Город Солнца», Ф. Бэкона «Новая Атлантида», Сирано де Бержерака «Иной свет, или Государства и империи Луны» и др. В социально-утопических романах много вымышленных топонимов и, как правило, они подробно объясняются авторами. Так, Д. Верас Д'Алле (ок. 1630 — ок. 1700) в романе «История севарамбов» писал: «Он ответил, что страна называется на их языке *Спорумб*, жители — *споруи* и находятся они в подчинении у страны большей и более счастливой, расположенной за горами, название которой *Севарамб*, а жителей которой зовут *севарамбами*. Правители живут в большом городе, именуемом Севаринд, мы же находимся всего в тринадцати-четырнадцати милях от другого города, значительно меньшего, называемого Спорунд...» [Утопический роман XVI—XVII веков, 1971, с. 342]. В другом месте автор приводит пространные лингвистические рассуждения: «Струкарамбы, согласно свойству их языка, в котором окончание „ас“ прибавляется к именам лиц высокого звания, стали называть Севариса Севариасом. Они также изменили название страны, которую престарамбы называли тогда Струкарамбом, в *Севарамб*, прибавив первые слоги имени этого государя к слову *арамб*, что на их языке означает „стра-

на“, „местность“ или „родина“. Престарамбы проделали то же с именем Струкарас, что означает «мошенник» или „самозванец“, во имя ненависти к старому врагу их нации; но те, вождем которых он был и которые впоследствии воздали ему божественные почести, назвали его *Омигас* и сами от этого имени стали называться омигарамбами. Но когда оба эти народа объединились под властью Севариаса, они стали называться севарамбами и называются так до сих пор» [Там же, с. 420].

Характерно, что писатели-утописты XVII в. с презрением относились к народной утопии — Кокейну. Епископ Холл около 1600 г. написал книгу «Мир другой и тот же самый» — одну из первых сатирических утопий. В книге Холла описывается открытая на востоке «страна излишеств» — Крапулия. В свою очередь, Крапулия делится на пять провинций: Памфагойя «страна обжор», Иврония «страна пьяниц», Виражиния «страна, управляемая женщинами», Морония «страна дураков» (она хуже всех возделана, но плотность населения ее выше, чем в других странах) и Лаверния «страна мошенников» (которые живут за счет соседей-дураков из Моронии). Поблизости от Крапулии расположена «Святая Земля», отмеченная на приложенной карте надписью: «Доселе недостаточно известна».

Социально-утопический жанр нашел пристанище и на русской почве. В XVIII в. в России князь М. М. Щербатов создает произведение «Путешествие в землю Офирскую», в котором под «Офирской землей» имеется в виду, по всей вероятности, Россия [Чечулин, 1900]. В романе терпящие крушение путешественники оказываются в стране Офирской, в городе Перегабе, на реке Невии. Говорят в стране по-санскритски. В названиях географических объектов, упоминаемых в романе, легко угадываются русские топонимы: город *Перегаб* (=Петербург) основан великим государем Перегой в устье реки *Невии* (=Невы). Государь перенес столицу из древнего города *Квамо* (=Москва) на реке Квамо, находящегося в центре империи на расстоянии 80 лим (=миль?) от Перегаба, т. е. в 800 верстах — почти на таком же расстоянии, которое отделяло Петербург от Москвы с учетом тогдашних дорог. Есть и другие интересные названия городов, рек, губерний, образованные с помощью перестановки букв или слогов: Сисео (=Сарское Село, позже Царское Село, с переосмыслением финского топонима), гор. Габиновия (=Новгород), гор. Тервек (=Тверь). От Габиновии течет

река Холбо (= Волхов), а Тервек стоит в верховьях большой реки Голвы (= Волга).

Утопическая страна *Бентамия* описывается в повести «Город без имени» В. Ф. Одоевского (1803?—1869):

«...мой товарищ спросил незнакомца, как называлась страна, посреди развалин которой мы находились?

— У этой страны нет имени — она недостойна его; некогда она носила имя — имя громкое, славное, но она втоптала его в землю; годы засыпали его прахом; мне не позволили снимать завесу с этого таинства...

— Позвольте вас спросить, — продолжал мой товарищ, — неужели ни на одной карте не означена страна, о которой вы говорите?..

Этот вопрос, казалось, поразил незнакомца...

— Даже на карте... — повторил он после некоторого молчания, — да, это может быть... это должно так быть; так... посреди бесчисленных переворотов, потрясавших Европу в последние веки, легко может статься, что никто и не обратил внимание на небольшую колонию, поселившуюся на этом неприступном утесе; она успела образоваться, процветать и... погибнуть, не замеченная историками...» [Одоевский, 1987, с. 71].

В ходе дальнейшего разговора все же выясняется, что речь идет о государстве, основанном Бентамом. Иеремия Бентам (1748—1832) — историческое лицо, английский философ и юрист, родоначальник так называемого утилитаризма. Этические принципы Бентама основывались прежде всего на пользе; общественные интересы он сводил к совокупности индивидуальных интересов. Впоследствии учение Бентама дало начало теории «разумного эгоизма», популярной среди философов-позитивистов во второй половине XIX в.

Параллельно с книжным социально-утопическим жанром существовали в России и свои народные представления о благословенной стране. Известный русский историк литературы и этнограф А. Н. Пыпин [1833—1904] писал: «...я знал еще об одной стороне тогдашнего народного быта. В безвыходном положении, в каком находилось крестьянство, в крайней темноте умов, среди него возникали периодически самые невероятные, фантастические слухи о каких-то благословенных землях с молочными реками и кисельными берегами, по крайней мере с полным простором, где можно было занять сколько хочешь земли без податей, без помещиков и начальства. Эти блаженные страны находились на Дарье-реке; впоследствии они были

перенесены народным воображением в Анапу, около которой будто бы раздавалась земля всем желающим. Никакие убеждения помещиков и начальства не действовали; им просто не верили, и толпы крестьян с женами и детьми, нагрузивши на телеги свой скарб, покидали деревни и отправлялись на поиски желанных земель; многие успевали уходить довольно далеко — земская полиция их ловила и возвращала на прежнее место» [1910, с. 12—13].

Образование названий вымышленных стран происходит и в настоящее время, причем не только в художественной литературе, но и в научной и учебной — социологической, экономической. Любопытным примером такого рода может служить *Утония* — имя, явно созданное под влиянием *Утопии* Т. Мора. Учебное пособие для экономистов, изданное в Гааге [*Utonia*, 1967], содержит предисловие редактора, в котором описывается история появления *Утопии*. Институт социальных исследований нуждался в таком учебном материале, который бы позволил смоделировать среднюю развивающуюся страну с историей, статистикой, политическими и экономическими проблемами. Реальные примеры в данном случае не годились, так как учащиеся — представители какой-либо конкретной страны — не смогли бы оставаться на уровне абстракции. Кроме того, иногда в учебном пособии требовалось критиковать политику правительства, что поставило бы студентов из соответствующей страны в неловкое положение. В любом случае пример реальной страны не способствовал бы объективному обсуждению.

Для преодоления этих трудностей Институт социальных исследований создал воображаемую страну *Утонию*, идея которой принадлежит проф. Л. Циммерману. Столица *Утопии* — *Утонтаун* (на реке *Утон*) — даже обозначена на титульном листе книги, а в столице якобы имеется «Национальное издательство», выпустившее учебник. Жители страны называются *утонийцами* (*Utonians*), а их президент носит многозначительное латинское имя *Constans Progressus* («постоянное развитие»). *Утония* получила в книге полную физико-географическую и социально-экономическую характеристику: описаны ее история, население, изменения социальной структуры, административная и политическая система. Составлены даже карты страны, представляющей собой часть обширного континентального массива и расположенной на его западном берегу между 28 и 36° ю. ш. *Утония* занимает площадь

величиной около 390 тыс. км². Среди топонимов страны часть названий отражает запасы минерального сырья: Бокситный город (Bauxitetown), Угольный город (Coaltown) и т. п., другие — географическое положение: Портосид на реке Сидон. Таким образом, страна Утония с ее историей, географией и экономикой появилась лишь потому, что по ряду причин было неудобно обращаться к примерам реально существующих стран. Аналогичным образом из политических соображений действительные названия африканских стран были заменены на вымышленные во франко-итальянском фильме «Дело государственной важности» (республика Тонго и государство Занин), в романе «Двор» французского писателя А. Рибо (Берберия), в одном из романов А. Кристи (Герцословакия) и т. п.

Литературное Зазеркалье

Красочен мир географических названий в творчестве поэтов и писателей. Сколько названий вымышленных или сказочных стран, городов, деревень органично вплетается в канву художественного текста! Почти все эти имена «говорящие»; они никогда не даются случайно, каждое вызывает определенные ассоциации, выполняет свою стилистическую функцию. Они не просто зеркально отражают видимый художником мир: подчас они уводят в Зазеркалье, в потаенные уголки интеллекта, в мир, где все можно и где все наоборот, подобно тому, как это случилось с маленькой Алисой, героиней сказочной повести «В Зазеркалье». Автором повести был английский писатель, математик и логик Л. Кэрролл (1832—1898). Так же, как и другая его повесть «Алиса в стране чудес», она до сих пор будит воображение детей и взрослых, филологов и физиков своими загадками и парадоксами, тонким юмором.

С детства знакомы нам книги В. А. Обручева «Земля Санникова» и «Плутония», написанные в научно-фантастическом жанре. Они тоже о неоткрытых, неведомых, возможных землях — способ художественного описания геологической и социальной истории. Как удачно выбрано название «Плутония»: оно сразу напоминает и о Плуtone — боге подземного мира, и о планете Плутон — далекой и наименее изученной планете нашей Солнечной системы. Знакомы мы и с Швамбранией, и с Синегорией в творчестве Л. Кассиля; в 1946 г. был снят детский фильм

«Синегория» по сценарию самого писателя. Образно и сатирично название страны Буфферия в кинофильме известного режиссера Я. А. Протазанова «Марионетки».

В произведениях романтического жанра вымышленные земли, согласно давней утопической традиции, приводят нас в единую Страну Мечты. Это и *Страна Муравия* у А. Т. Твардовского, и *Миррелия* у И. Северянина (названа в честь известной поэтессы Мирры Лохвицкой). В студенческих песнях филологического факультета МГУ еще с довоенного времени упоминалось звучное имя горной страны *Тегуантепек* (название, видимо, от перешейка Теуантепек между Мексиканским заливом и Тихим океаном), а также страны *Мичуан-люли* (искаженное Бечуаналенд?), в которой всегда синее небо. Совокупность вымышленных географических названий в произведениях А. Грина, вся карта его поэтической страны в литературоведческих исследованиях часто называется *Гринландией* — это имя уже получило право гражданства среди филологов.

По-разному образуются названия вымышленных стран в творчестве писателей. Иногда это прозрачные названия, да еще вдобавок и растолкованные самим писателем, как в произведениях утопического жанра. В рассказе «Синяя звезда» А. И. Куприна страна *Эрнотерра* названа по имени первого короля-завоевателя Эрн Первого (Эрн Великий, Эрн Святой). Вторая же часть слова — латинское *терра* «земля».

У аргентинского же писателя Х. Л. Борхеса (р. в 1899 г.) названия стран в одном из рассказов явно вымышлены, хотя ассоциации с определенными языками у автора, скорее всего, были. Рассказ называется «Тлён, Укбар, Orbis Tertius». *Укбар*, якобы упоминаемый «Англо-Американской Энциклопедией», — вымышленная страна с нечетко указанными границами, где-то в районе Хорасана, Армении, Эрзерума. Название *Укбар* напоминает по звучанию некоторые слова и личные имена тюркских языков. В стране Укбар, в свою очередь, бытуют легенды о других воображаемых странах — *Млехнас* и *Тлён*. Тлён — это Orbis Tertius, т. е. «третий мир», неведомая планета. «Тлён — даже если это лабиринт, зато лабиринт, придуманный людьми, лабиринт, созданный для того, чтобы в нем разбирались люди» [Борхес, 1984, с. 61].

Что же это за Тлён и что это за «третий мир» — выражение, явно отличное от того, которое бытует в современной политической терминологии? Литературовед

И. А. Тертерян в предисловии к книге Х. Л. Борхеса писала: «...особую тревогу вызывает у Борхеса пластичность человеческого ума, способность поддаваться внушению, менять идеи и убеждения. Борхес нередко постулирует относительность всех понятий, выработанных нашей цивилизацией... Самый впечатляющий символ этой относительности — рассказ „Тлён, Укбар, Orbis Tertius“, в котором придумано, что группе интеллектуалов удастся постепенно навязать человечеству совершенно новую систему мышления, произвольно изменить логику, весь свод человеческих знаний, этических и эстетических ценностей. Борхес не может скрыть, что восхищается силой воображения тех, кто создал новую систему взглядов, продумал ее до мелочей, сделал импонирующе стройной. Американский критик Дж. Ирби, почувствовав только эту тональность, счел „Тлён, Укбар, Orbis Tertius“ „идеалистической утопией, которая представляет нам будущую победу духа над материей“. Однако в голосе рассказчика восхищение мешается с ужасом, поэтому правильнее было бы причислить рассказ к антиутопиям, и недаром автор называет Тлён „прекрасным новым миром“ (Brave New World) — таково заглавие знаменитого в 30—40-е годы романа-антиутопии Олдоса Хаксли, изображающего обездушенное технократическое общество будущего. Ведь дух в рассказе Борхеса одерживает победу не над материей, а над духом. Дух немногих над духом всех остальных. Понятия людей оказались так непрочны, незащищенны, что их легко заменили на абсолютно противоположные.

В радиоинтервью Борхес как-то признался: „Предмет рассказа — не Тлён, не „третий мир“, а, скорее, человек, брошенный в новый, поражающий, недоступный его пониманию мир“. Вспомним, что этот рассказ был опубликован в 1944 г., и не удивимся тогда, что даже на краю света, вдали от Европы, художник испытывал „чувство тоски и растерянности“ (выражение из того же радиоинтервью) при известиях о фашистском „новом порядке“ в третьем рейхе» [Там же, с. 10—11].

Вымышленные географические названия и авторские неологизмы, образованные от действительных топонимов, есть и в творчестве другого, всемирно известного аргентинского писателя Х. Кортасара (1914—1984), автора рассказов и романов «Выигрыши» (1960), «62. Модель для сборки» (1967), «Последний раунд» (1969) и др.

Вот один из авторских неологизмов Х. Кортасара

[1985, с. 38] в романе «62. Модель для сборки»: «...он, не раздумывая, попросил бутылку „сильванера“, содержавшего в первых двух слогах — как бывает в шарадах — двусложную основу слова, в котором в свой черед жило географическое название, овеянное древним страхом...» Под *сильванером* понимается здесь вино, происходящее из *Трансильвании* — исторической области в северной Румынии, — именно той страны, которую европейские легенды связывают с Дракулой и другими вампирами. Ассоциации Х. Кортасара прозрачны: речь в его произведении также идет о вампиризме (ср. и название ресторана «Полидор», здесь налицо связь с повестью английского писателя начала XIX в. Дж. У. Полидори «Вампир», опубликованной под именем Дж. Байрона). Есть у Кортасара и графиня — намек на графиню Эршебет Батори, жившую в XVII в.; ее считали вампиршей.

Сложными мифологическими ассоциациями пронизан и роман Х. Кортасара «Выигрыши» (исп. *Los Premios*, первое издание вышло в 1960 г.), и, прежде чем говорить о названии загадочной страны, встречающемся в тексте всего один раз, стоит напомнить фабулу произведения.

Пассажиры необычного корабля «Малькольм» — туристы, выигравшие путевки на океанское путешествие и едущие из Буэнос-Айреса в неизвестном для себя направлении, — беспокоятся о том, что не знают маршрута, что команда ведет себя странно и нагло и что им не разрешают проходить на корму. Все двери, ведущие на корму, заблокированы, но самые отважные из мужчин, чувствуя ответственность за окружающих или просто не желая пребывать в бездействии, пытаются обследовать и корму, и трюм. В результате происходят драматические события, один из самых мужественных героев погибает, а другие сталкиваются с различными неприятностями. Образ плывущего неизвестно куда корабля наполнен глубоким философским содержанием. Корабль символизирует собой саму жизнь с ее противоречиями и случайностями, и выигрышный билет оборачивается для кого благом, а для кого прямой противоположностью, и кто-то, не слишком «высовываясь», уцелеет, а самые интеллигентные, добрые и смелые жертвуют собой ради ближнего своего. И над всем — случай, некая мрачная и неизвестная сила, лелеющая, может быть, против владельцев выигрышных билетов свои тайные, преступные замыслы.

Устами Персио, одного из героев романа, человека слабого физически, порядочного, рефлектирующего ин-

теллигента, философа и джентльмена, рыцарски опекающего даму и ребенка, Х. Кортасар комментирует многие события, происходящие с героями. Романтик Персио замечает и любит природу, поэтизирует ее. Поэтизирует он, естественно, и слова, и собственные имена. Вот как размышляет он, наблюдая с парохода Рио-де-ла-Плату, т. е. залив Ла-Плата (по-испански «река серебра», как назвал в 1526 г. длинное и широкое устье реки Параны Себастьян Кабот; его экспедиция увидела у местного населения серебряные вещи, оказавшиеся, впрочем, привозными):

«...все вокруг грязь, все вокруг Рио-де-ла-Плата — ну и название! — с сомами, может быть, позолоченными, посеребрёнными в серебре Серебряной реки, о нелепость переплетений, громоздкая ювелирность!» [Кортасар, 1979, с. 69].

Описание поисков путей на корму в значительной мере мифологизировано, причем у персонажей романа возникают ассоциации и с Библией, и с греческими, германскими мифами, с героическим эпосом, преимущественно германо-скандинавским, может быть, с кельтским. Здесь и ладья Эйрика, и Харон, и библейский Иона. Так, читаем на с. 156: «Ключ повернулся два раза, и дверца медленно отворилась. „Разными путями сходят здесь в геенну огненную, — подумал Рауль. — Как бы все это не кончилось встречей с татуированным великаном Хароном со змеями на руках...“». Чуть позже ожидаемый Харон, действительно, появляется, им оказывается один из матросов корабля: «Толстобрюхий матрос колотил по ремню деревянным молотком. Голубая змея, вытатуированная на его руке, ритмично двигалась вверх и вниз» [Там же, с. 173]. И змея — здесь вовсе не случайный образ: речь идет о трюме, о недрах, о хтонических (т. е. связанных с землей) мифологических существах, о подземном мире и о смерти.

Пассажиры парохода оказываются в плотно спрессованном мифологическом пространстве: «Малькольм, казалось, состоял из одних коридоров, и от этого у Лопеса даже возникло что-то вроде боязни замкнутого пространства... — „Теперь единственное, чего нам не хватает, — это встретиться с минотавром, — сказал Рауль» [Там же, с. 157]. «...Медрано с сожалением подумал о времени, потерянном в недрах парохода. „Разыгрываю из себя Иону, чтобы в конце концов надо мной все стали смеяться“, — подумал он» [Там же, с. 158]. Герои Х. Кортаса-

ра — люди совершенно разные, но, попадая в мифический мир, они начинают мыслить одинаково. Как Персио, Как Кортасар.

Лишь на этом интеллектуальном фоне, отягощенном мифологическим сознанием, лишь в контексте всего романа становится понятным мелькнувшее словно незначай название *Нибеландия* (в испанском тексте — *Niebeland*), которое относится к некоей подземной стране и, конечно же, напоминает о нибелунгах — детях тумана и мрака:

«...он [Рауль Коста] снова подумал о Фелипе, который спускался в трюмную Нибеландию, освещенную фиолетовым светом, чтобы почувствовать себя независимым и уверенным в своих силах» [Там же, с. 229].

Итак, туман и мрак, воспоминание о нибелунгах (ср. нем. *Nebel* «туман»). Туман, действительно, часто упоминается в романе. «„Путешествие начинается с туманных знамений“, — сказал Персио, нюхая воздух. — Река скорее похожа на молочный кисель» [Там же, с. 91]. Правда, в испанском тексте Кортасар употребляет выражение *signos desconcertantes* — «неопределенные знаменья», но в русском переводе слово *туманный* выбрано весьма удачно; его многозначность в данном случае создает необходимую емкость образа. И еще более усиливает внутритекстовую переключку с нибелунгами.

Намек на сказание о нибелунгах или нифлунгах (XIII в.), восходящее к франко-бургундскому эпосу и известное в двух версиях — немецкой и скандинавской, несомненно присутствует в романе «Выигрыши». В древнеисландском языке *Нифльхейм* — это мир мрака, подземный или загробный мир, а название мифического народа нибелунгов истолковывалось либо как «дети тумана», либо как «подземные хранители клада». Характеристика, данная подозрительной команде «Малькольма», невольно наводит на мысль о пиратских набегах викингов: недаром в скандинавских героических песнях, сюжетно связанных с нифлунгами, действие происходит во время морских походов. И недаром матросы корабля переговариваются между собой на каком-то неизвестном языке, а пассажиры «Малькольма» то и дело гадают: финский ли это язык или один из скандинавских.

Если трюмная Нибеландия, освещенная фиолетовым светом, уподобляется подземному обиталищу ночных духов, детей ночи и смерти, стерегущих клад (голубая змея может быть отождествлена и с драконом, охраняю-

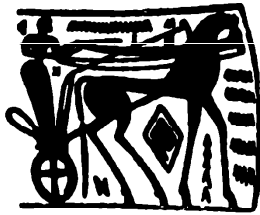
щим сокровище нибелунгов), то стремление главных героев романа раскрыть тайну корабля — это стремление овладеть сокровищем Нибелунгов, понимаемым не в материальном, как в эпосе, смысле (золото, драгоценные камни), а в идеальном (жажда познания, т. е. власти над вещами). Идеальный смысл сокровища, присутствовавший уже в героической «Песни о Нибелунгах» и позже рельефно проявившийся в легенде о святом Граале, был хорошо понят Рихардом Вагнером. Композитор, вдохновленный героическим эпосом и создавший в 1854—1874 гг. оперную тетралогия «Кольцо нибелунга», комментировал эпос в своих историко-публицистических и философских сочинениях. В частности, он писал: «Когда свет победил тьму, когда Зигфрид убил нибелунгова дракона, то он приобрел богатую добычу, а именно охраняемое драконом сокровище Нибелунгов. Но обладание этим сокровищем... стало также и причиной его смерти, ибо драконово племя стремится возвратить себе сокровище — они, эти темные духи, убивают Зигфрида коварно, как ночь убивает день, и влекут его к себе в мрачное царство смерти: так становится сам Зигфрид Нибелунгом. Хотя обладание сокровищем обрекает смерти, тем не менее каждое новое поколение стремится овладеть им; внутренняя сущность клада с естественною необходимостью побуждает его к этому, подобно тому, как день постоянно снова одерживает победу над ночью, потому что ведь сокровище есть воплощение всякой земной власти; сокровище Нибелунгов — это сама земля во всем ее великолепии, которое мы ранним утром, при радостном блеске солнца осознаем как нашу собственность, и которым наслаждаемся, после того как наступающий день изгонит ночь, грозным призраком распростиравшую свои мрачные драконовы крылья над богатыми сокровищами мира» [Вагнер, 1913, с. 31].

Можно было бы многое добавить к рассуждениям о мифологической основе романа Х. Кортасара «Выигрши», но это уже увело бы нас в сторону от названия вымышленной страны *Нибеландия*. Целью небольшого экскурса в творчество аргентинского писателя было показать, какую сложную символику может нести и какую важную стилистическую функцию может осуществлять авторское употребление собственных имен в тексте художественного произведения. Вполне вероятно, что у Х. Кортасара были и другие мотивы употребления имени Нибеландия, но мы далеко не всегда располагаем

комментариями самого автора. Художественное произведение, раз созданное и выпущенное в свет, тем самым как бы отчуждается от своего автора и приобретает статус не только субъективной реальности, но и объективного факта. И каждый читатель волен воспринимать и «прочитывать» произведение художественной литературы каждый раз заново и по-своему. И вновь открывать, исследовать и завоевывать свою Нибеландию.

Писатели современности не только используют старые мифы в своем творчестве, но и создают новые. Один из таких неомифологов — талантливый английский писатель Дж. Толкин, создавший немало прекрасных сказок для детей и взрослых. Он открыл целый мифический мир, в том числе вымышленные страны, народы, божества, фауну, флору. По его произведениям литературовед Д. Дей составил «Бестиарий Толкина» [Day, 1979], в котором даны красочные иллюстрации диковинных зверей и монстров, а также составлена карта мифического мира Толкина.

В начале бытия, по Толкину, бог Илуватар создал Эа — «сущий мир». Раса эльфов и раса людей позже назвали его Арда «Земля» (в этом названии явно прослеживается связь с германскими словами того же корня — нем. die Erde, англ. the Earth). Первые святые жители Арды, которых впоследствии считали богами, создали королевства Алмарен, Утumno и Ангбанд в так называемой «Средней Земле» и королевство Валинор в «Неумирающих землях». Центральное положение в мире Толкина занимает остров Нуменор, под которым подразумевается Англия. Этот же остров звался Вестернесс, т. е. «Западный мир», а также в разное время носил названия Андар «подаренная земля», Эленна «звездная земля», Мар-ну-Фальмар или Аталанте. В языковом творчестве писателя эти имена иногда случайны, иногда не случайны и несут определенные ассоциации. Они могут быть образованы от корней разных европейских языков. Весь этот огромный корпус названий нуждается в специальном исследовании, которое, несомненно, открыло бы новые страницы в психологии художественного творчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Происхождение названий народов и стран интересует многих. В этой книге было показано, как важно их изучение для истории, этнографии, филологии и географии, сколько загадок и неожиданностей таят в себе эти имена. Этнонимы не только отличали, отделяли народы друг от друга: они и сближали их. Общность исторических судеб, тесное взаимодействие народов, их историческая преемственность отражаются в названиях этносов. Неиндоевропейцы *хатты* исчезли с лица земли как особый этнос, но их имя долгое время носили их завоевавшие и с ними слившиеся *хетты* — один из самых могущественных народов древности. *Бритты*-кельты уступили место англосаксам, но их имя сохранилось в наименовании государства *Великобритания*. Не поддается исчислению количество топонимов Земли, сохранивших историческую память об ушедших и ныне живущих народах.

Каждый народ имеет свою систему этнонимических образований. Эти системы разные, например, у славян, балтов, уральских народов, германских, тюркских. Так, для древних славянских племен были характерны наименования по рекам: *моравы*, *висляне*, *полочане*, по названию местности и по ее топографическим особенностям. В уральских этнонимах тоже есть подобные наименования, но более отчетливо выделяется группа имен, унаследованных от названий древних родоплеменных подразделений: значения «человек, мужчина», «настоящий человек», «род, семья» и т. п. Для тюрков типичны этнонимы по названию родственных отношений и отношений свойства, по собственному имени вождя рода или орды, цветовые символические обозначения по странам света и т. д. В этнонимии всех народов мира, помимо специфических, характерных для данного этноса названий, можно выделить и ряд универсальных принципов образования этнонимов. Типологическая общность этнонимов отражает универсальность человеческого мышления и общий исторический ход этногенеза, а специфические черты этнонимов той или иной группы народов зависят от стадии общественного раз-

вития этих народов, от особенностей их материальной и духовной культуры и т. п. Изучение этнонимов и их типов наиболее плодотворно, когда исследование проводится на основе системного подхода и семиотического анализа этнонимов как явления культуры.

Названия народов древности, как правило, трудно поддаются объяснению. Большую роль в истории европейской части нашей страны сыграли, в частности, финно-угорские народы. Изучение древнего финно-угорского этнонима *чудь* не привело к желаемому однозначному результату: его этимология вызвала большое количество различных гипотез. Но не утихающий до сих пор интерес исследователей к этой проблеме обнадеживает: поиски происхождения названия *чудь* проходят параллельно с всесторонним изучением этнической истории финно-угров, что имеет большое значение для науки. Не исключено, что совместные усилия лингвистов, археологов, этнографов и фольклористов — а каждая из этих дисциплин располагает собственными методами — приведут в итоге к тому, что мы будем гораздо больше знать об этом древнем, исчезнувшем народе.

Большой интерес представляет и другой этноним древнего происхождения — *русь*. Но в отличие от *чуди* исследование истории древних восточных славян и складывавшейся на племенной основе древнерусской этнической общности подкреплено многочисленными письменными свидетельствами. Тем не менее не прекращаются споры среди историков и филологов по поводу происхождения этнонима *русь*, и этот вопрос нередко увязывается с происхождением самой древнерусской государственности. Практика показала, что объединение обеих проблем в рамках одной и той же концепции нецелесообразно и методически неправильно. Чисто филологический вопрос об этимологии имени *русь* пока не решен, так как среди специалистов ни одна из гипотез не нашла единодушного одобрения. Но большинство языковедов высказываются за его иноязычное происхождение (финское, скандинавское, готское, иранское и т. д.). В то же время самостоятельное образование государства восточными славянами доказано советскими и рядом зарубежных историков; роль норманнов в создании государственных объединений в Европе оказалась при этом сильно преувеличенной.

Исследование истории таких древних обозначений, как имя народа и государства *Русь*, имеет не только чисто научное, но и важное политическое значение. Прежде

всего известно, что общим термином *русь* одновременно именовались предки трех больших народов нашей страны — русских, украинцев и белорусов. Их изначальная общность, единство государственности и культуры — исторический факт. Названия Великая Русь, Малая Русь, Червоная Русь, Белая Русь и Черная Русь — различные виды региональных терминов, относившихся к отдельным частям обширной территории Древнерусского государства. Эти региональные обозначения, не раз менявшие свое содержание, наглядно показывают историю древнерусского народа. В понятия Великая и Малая Русь первоначально вкладывался политический, а не этнографический смысл. Цветовые обозначения территорий уводят нас в психологию и культурные традиции Европы и Азии.

Много интересных сведений дает изучение названий государств мира. Сложная история ряда государственных объединений, их возникновения, расцвета и распада привели к появлению десятков и сотен названий государств на картах различных эпох и периодов даже в истории одной, отдельно взятой, современной страны, такой, как Индия. Что же говорить о политической карте других частей Азии, древней Европы: она постоянно менялась, перекраивалась, начиная с древнейших известных нам государственных объединений Месопотамии, Малой Азии, Греции и других территорий Старого Света.

В том, что мы сегодня знаем такие имена, как Пунт и Офир, страны Наири и Хайаса, Мидия и Дрангиана, Ахейя и Эпир, Арморика и Каледония, — немалая заслуга финикийских, арабских, греческих и римских географов и мореплавателей. Они же и их эпоха создали имена наиболее крупных территорий, на которые подразделяется земная суша, — названия континентов. Имена таких больших регионов, как материки, отличаются по содержанию от обозначений политических объединений; они рано стали научными, географическими понятиями. Однако первоначально названия материков возникли у древних народов по тем же принципам, что и собственные имена более мелких земель и территорий. Так, название *Европа* связывают с ассирийским или финикийским словом *эреб* «закат, запад», а *Азия* — с *асу* «восход». Эти термины были введены в употребление в VI в. до н. э. милетскими географами Фалесом и Анаксимандром, так же как и само понятие о частях света. С Европой и Азией связаны некоторые греческие мифы. *Азия* (*Асия*) была, по одной из версий, дочерью титанов Океана и Тефиды

и матерью Прометея. *Европа*, дочь финикийского царя Агенора, — возлюбленная Зевса, история которой связана с Критом, а также с догреческими культурами Северной Греции и Малой Азии.

Античные географы выделяли еще и Африку, которую вначале именовали Ливией. *Ливия* получила свое имя от одного из берберских племен. Берберского же или финикийского происхождения название *Африка* — по имени народа *афри*. Римляне понимали под Африкой прежде всего территорию, подчиненную Карфагену и ставшую со 146 г. до н. э. римской провинцией. Постепенно термин *Африка* расширял свое значение на весь континент, пока не вытеснил окончательно Ливию. Но у арабских народов лишь в наше время Африкой стали называть всю эту часть света, а не только Северную Африку.

Что же касается названий *Америка* и *Австралия*, то они, как известно, более поздние и связаны с эпохой великих географических открытий.

Особую сферу употребления названий народов и стран составляют мифология, фольклор, художественная литература. Географические имена рождаются и функционируют в устном народном творчестве и в письменном тексте по своим особым законам. К ним в полной мере применимы следующие слова: «...это путешествие в повею земли, которые будут открыты только потом. Скажем, что эти страны у полюса недоступности» [Шкловский, 1983, с. 204]. Некоторые названия вымышленных стран становятся не менее известными и реально воспринимаемыми, чем названия стран, действительно существующих. Можно составить — а частично уже и составлены — карты Гринландии, Швамбрании, страны Гудвина, греческого Аида, мифического мира древних скандинавов, англосаксонского Логриса, русского Тридевятого царства и современной «среднестатистической» страны Утонии. Смысл существования этих стран — не в географической карте, а в области духа, в жизни и силе нашего воображения.

Народы и племена, страны и континенты, золотая россыпь географических имен в художественных произведениях — весь этот языковой калейдоскоп породил немало догадок и гипотез, споров и толкований. Многие из наименований народов и стран остаются непознанными, канувшими в реку забвения, непонятными или спорными. И лишь одно имя из всех названий земель и территорий ни у кого не вызывает сомнений; смысл его одинаково понимают «все языки...». Это имя самой нашей планеты, нашего общего дома — *Земля*.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов А. Ф.* Духовная жизнь первобытного общества. М.; Л.: Наука, 1966. 244 с.
- Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г.* История Индии. 2-е изд. М.: Мысль, 1979. 608 с.
- Арский Ф. Н.* Страбон. М.: Мысль, 1974. 72 с.
- Атаманов М. Г.* Морфологическая структура удмуртских микроэтнонимов // Сов. финно-угроведение. 1978. № 2. С. 121—127.
- Баевский С. И.* Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI—XV вв.) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1980. Вып. 22, кн. 2. С. 83—89.
- Баскиков Н. А.* Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 199—207.
- Бибииков М. В.* Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 30—36.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М.: 1985. 760 с.
- Борхес Х. Л.* Проза разных лет: Пер. с исп. М.: Радуга, 1984. 319 с.
- Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
- Бубрих Д. В.* О языковых следах финских тевтонов — Чуди // Язык и литература. Л.: ЛГУ, 1926. Вып. 1. С. 54—92.
- Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. 51 с.
- Бубрих Д. В.* О двух этнических элементах в составе карельского народа // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук. 1948. № 105, вып. 2: Сов. финно-угроведение, ч. 1. С. 114—122.
- Бубрих Д. В.* Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958. С. 3—24.
- Будимир М.* Protoslavica // Славянская филология: Сб. ст. к IV Междунар. съезду славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 112—137.
- Бутонаев В. Я.* Происхождение хакасов по данным этнонимии // Историческая этнография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 68—73.
- Вагнер Р.* Вибелунги: Всемирная история на основании сказания. М.: Мусагер, 1913. 80 с.
- Василевич А. П.* Собственные имена в составе цветообозначений // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.: Наука, 1988. С. 93—98.
- Василевич Г. М.* Этноним саман — самай у народов Сибири // Сов. этнография, 1965, № 3, С. 139—145.

- Василевич Г. М.** Этнонимы в фольклоре // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 25—35.
- Введенская Л. А., Колесников Н. П.** От собственных имен к нарицательным. М.: Просвещение, 1981. 144 с.
- Вереш П.** К вопросу о происхождении дуально-фратриальной организации обских угров // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М., 1977. С. 43—59.
- Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н.** Этническая антропология Восточной Прибалтики. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 238 с.
- Волкова Н. Г.** Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. 208 с.
- Волкова Н. Г.** Названия кумыков в кавказских языках // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 23—27.
- Гавлик Л.** Моравская народность в эпоху раннего феодализма // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976. С. 156—185.
- Гадзяцкий С. С.** Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск, 1941. 195 с.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.** Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // Вестн. древ. истории. 1981. № 2. С. 11—33.
- Ганковский Ю. В.** О происхождении названия Пакистан // Топонимика Востока. М.: Наука, 1969. С. 221—223.
- Гейбуллаев Г. А.** О происхождении некоторых этнопонимов Азербайджана (Галагаин, Гаялы, Гаргалыг, Даначы, Дуванны, Улашлы) // Докл. АН АзССР. 1978. Т. 34, № 11. С. 69—72.
- Гельмольд.** Славянская хроника. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 299 с.
- Грибова Л. С.** Культ «древних» у коми-пермяков. М.: Наука, 1964. 7 с.
- Грот Я. Н.** Заметка о названии мест // Журн. М-ва нар. просвещения. 1867. Нояб. С. 617—628.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ГИС, 1956.
- Деметер Н. Г.** Этнонимия цыган европейской части СССР // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 28—35.
- Державин Н. С.** Происхождение русского народа. М.: Сов. наука, 1944. 124 с.
- Джарылгасинова Р. Ш.** Этноним когурё // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 78—86.
- Добродомов И. Г.** О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник, 1975. М., 1978. С. 102—129.
- Дьяконов И. М.** История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 485 с.
- Елисеев А. В.** Борьба Новгорода со шведами и финнами по народным сказаниям // Древ. и новая Россия. 1880. № 10. С. 259—298.
- Ельницкий Л. А.** Древнейшие океанские плавания. М.: Географгиз, 1962. 86 с.
- Ельницкий Л. А.** Скифия Евразийских степей: Ист.-археол. очерк. Новосибирск: Наука, 1977. 256 с.
- Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / І. М. Железняк, А. П. Корепанова, Л. Т. Масенко, О. С. Стрижак.** Київ: Наук. думка, 1985. 254 с.

- Ефименко П. С.* Заволоцкая чудь. Архангельск: Арханг. губерн. стат. ком., 1869. 147 с.
- Жанузакоев Т. Ж.* Этюды о казахских этнонимах // Ономастика Средней Азии. Фрунзе: Илим, 1980. Вып. 2. С. 16—24.
- Железняк Г. М.* Рось і етнолінгвістичні процеси Середньо-Наддніпряньського Правобережжя. Київ: Наук. думка, 1987. 204 с.
- Зеленин Д. К.* Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? // Сб. ЛОИКФУН. Л., 1929. Вып. 1. С. 96—108.
- Иванов В. В.* Анатолийские языки // Древние языки Малой Азии: Сб. ст. М.: Прогресс, 1980. С. 129—160.
- Иванов В. В.* Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии: К названию Белоруссии // Балто-славянские исследования, 1980. М.: Наука, 1981. С. 163—177.
- Иванов В. В.* История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983. 198 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976. С. 109—128.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах: Основ. пробл. и перспективы // Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древ. Руси. Киев, 1980. С. 11—45.
- Ильинский Г.* К вопросу о происхождении названия Белая Русь // Slavica. 1928. Т. 6, № 2/3. С. 388—393.
- Исаева Э. Г.* К вычленению культурно-генетических страт в антропонимии: На материале осет. именника // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.: Наука, 1988. С. 166—182.
- Исполатов Е. И.* О происхождении некоторых географических названий Псковской губернии. Псков: Тип. Губерн. правл., 1916. 8 с.
- История Польши: В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 706 с.
- История Югославии: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 736 с.
- Калинин И.* Чудь и паны: Происхождение и современное значение этих слов // Живая старина. 1913. Вып. 1/2. С. 137—146.
- Керт Г. М.* Образцы саамской речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 216 с.
- Керт Г. М.* Саамский язык: (Кильдинский диалект): Фонетика. Морфология. Синтаксис. Л.: Наука, 1971. 356 с.
- Климчук Ф. Д.* Восточнославянский этноним «литвины» // Междунар. конф. балтистов. Вильнюс, 1985. С. 168—169.
- Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. 168 с.
- Ковалев Г. Ф.* История русских этнических названий. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. 160 с.
- Концевич Л. Р.* Исторические названия Кореи // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 61—77.
- Королюк В. Д.* «Венеды», вопрос о балто-славянской общности и балто-славянские контакты в эпоху Средневековья // Конф. «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом», 11—15 дек. 1978: Предвар. материалы. М.: Наука, 1978, С. 93—96.
- Королюк В. Д.* Дулебы и анты, авары и готы // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 53—59.
- Кортасар Х.* Избранное: Пер. с исп. М.: Прогресс, 1979. 462 с.
- Кортасар Х.* 62. Модель для сборки: Роман. Рассказы: Пер. с исп. М.: Радуга, 1985. 496 с.

- Кочуркина С. И.* Корела и Русь. Л.: Наука, 1986. 144 с.
- Кривошеина-Гантман А. С.* К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 132—141.
- Кришто Д.* Выводы, сделанные на основе исследования названий поселений русской народности в Карпатском бассейне // История, литература, язык и искусство восточных славян в XI—XVII вв. Szeged: Univ. szegediensis, 1981. С. 3—8.
- Крюков М. В.* Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II—I тысячелетия до н. э.: К пробл корреляции понятий этн. общность — этноним // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 34—45.
- Крюков М. В.* «Люди», «настоящие люди»: К пробл. ист. типологии этнич. самоназваний // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 6—12.
- Кузеев Р. Г.* Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3. С. 9—21.
- Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М.* Этноним тархан у башкир, чувашей, венгров и болгар // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. Вып. 4. С. 13—16.
- Кузьмин А. Г.* Две концепции начала Руси в «Повести временных лет» // История СССР. 1969. № 6. С. 81—105.
- Кулаков В. И.* Земля пруссов и «пруссские земли» // Балто-славянские исследования, 1985. М.: Наука, 1987. С. 95—101.
- Лаллеман Ф.* Пифей: Бортовой дневник антич. мореплавателя. М.: Прогресс, 1986. 255 с.
- Лашук Л. П.* Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. 200 с.
- Лашук Л. П.* «Сиртя» — древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 178—193.
- Лашук Л. П.* Чудь историческая и чудь легендарная: К этнич. истории и генезису культуры сев. народов // Вопр. истории. 1969. № 10. С. 208—216.
- Лебедев Г. С.* Этногеография Восточной Европы по «Повести временных лет» // Историческая этнография: Традиция и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 103—112.
- Лерберг А. Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб.: Тип. Дец. нар. просвещения, 1819. [2], LII. 398 с.
- Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976. С. 198—217.
- Литаврин Г. Г.* Славинии VII—IX вв.: Соц.-полит. организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 193—202.
- Литвин И. П.* Этнотопонимия Латинской Америки // Этническая топонимика. М.: МФГО, 1987. С. 130—134.
- Ловмянский Х.* Руссы и руги // Вопр. истории. 1971. № 9. С. 43—52.
- Ловмянский Х.* Русь и норманны: Пер. с пол. М.: Прогресс, 1985. 304 с.
- Лыткин В. И.* К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3—11.

- Любавский М. К.* Историческая география в связи с колонизацией. М., 1909. 405 с.
- Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий: В 5 т. 3-е изд. Т. 1. М.: Просвещение. 1982. 288 с.
- Майданова Л. М.* Ареалы финно-угорской этнонимии Урала // Вопросы топонимии. Свердловск: Урал. ун-т, 1982. Вып. 1. С. 22—32.
- Майданова Л. М.* К мансийской этнонимии // Питання ономастики: Матеріали ІІ Респ. нар. з питань ономастики. Київ, 1965. С. 291—294.
- Маковский М. М.* Этнонимия Англии в сравнительно-историческом освещении // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 223—241.
- Малиновская Э. П.* Из материалов по этнографии вепсов // Западнoфинский сборник. Л., 1930. С. 163—200.
- Матвеев А. К.* Историко-этимологические разыскания. 1. Из опыта изучения северно-русской топонимии на -нъга // Учен. зап. Урал. ун-та. 1960. Вып. 36. С. 85—126.
- Мачинский Д. А.* О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 5—25.
- Мейндер К. Ф.* Биармы // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 35—40.
- Мельникова Е. А.* Восточноевропейские топонимы с корнем *gard-* в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Таллин, 1977. Вып. 22. С. 199—210.
- Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия. Т. 1. 1987. 671 с.; Т. 2. 1988. 719 с.
- Михайлов А. Д.* Старофранцузская городская повесть: «Фаблю» и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. М.: Наука, 1986. 350 с.
- Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 49—141.
- Моора Х. А., Моора А. Х.* Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин, 1965. С. 63—90.
- Мортон А. Л.* Английская утопия: Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 272 с.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Мурзаев Э. М.* В. А. Никонов — топонимист // Топонимия и общество. М.: МФГО, 1989. С. 113—123.
- Муст М.* Отражение русско-эстонских отношений в лексике южно-эстонских диалектов. Таллин, 1954. 25 с.
- Назаренко А. В.* Об имени Русь в немецких источниках IX—XI вв. // Вопр. языкознания. 1980. № 5. С. 46—57.
- Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Ист.-геогр. исслед. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 262 с.
- Наумов Е. П.* Некоторые проблемы ранневизантийской этнонимии и этносоциальной терминологии: На материалах хроники Малалы // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984, С. 203—210.

- Непокупный А. П.* Балтійські родичи слов'ян. Київ: Наук. думка, 1979. 184 с.
- Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.
- Никогда не было тебя, Цыгания! Сказки: Пер. с венг. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 112 с.
- Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
- Никонов В. А.* Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 5—33.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. 640 с.
- Обнорский С. П.* Один мнимый финнизм в русском языке // Рус. филол. вестн. 1915. Т. 73, № 2. С. 347—349.
- Оборин В. А.* Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 107—120.
- Одоевский В. Ф.* Город без имени // Повести. М.: Правда, 1987. С. 69—85.
- Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год. М.: ИНИОН, 1976. 206 с.
- Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР в 1971—1975 гг. с приложением за 1918—1962 гг. М.: ИНИОН, 1978. 302 с.
- Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР в 1976—1980 гг. М.: ИНИОН, 1984. 266 с.
- Островский Д. Н.* Лопари и их предания // Изв. Рус. геогр. о-ва. 1889. Т. 25, вып. 4. С. 316—332.
- Очерки общей этнографии: Зарубежная Азия. / Под ред. С. П. Толстова и др. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 503 с.
- Очерки общей этнографии: Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка / Под ред. С. П. Толстова и др. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 343 с.
- Пантелеева А. А., Янчевская Н. В.* Ареалы этнонимов карел, самоед и чуди в Архангельской области // Вопр. географии. 1966. Вып. 70. С. 159—161.
- Петров-Водкин К. С.* Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л.: Искусство, 1970. 630 с.
- Пизани В.* Общее и индоевропейское языкознание // Общее и индоевропейское языкознание. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. С. 83—199.
- Пименов В. В.* Вепсы: Очерк этнич. истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. 264 с.
- Погодин А. Л.* К вопросу о древнем населении нашего Севера — лопарях и чуди // Журн. М-ва нар. просвещения. 1912. № 11. С. 94—111.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во вост. лит., 1962. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. 580 с.
- Полякова Е. Н.* Проблема пермской чуди в лингвистическом аспекте // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 124—131.
- Попов А. И.* Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958. С. 95—100.

- Попов А. И.** Названия народов СССР: Введение в этнонимистику. Л.: Наука, 1973. 171 с.
- Поспелов Е. М.** Туристу о географических названиях. М.: Профиздат, 1988. 192 с.
- Потебня А. А.** Этимологические заметки // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 117—128.
- Прокофьев Г. Н.** Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна // Сов. этнография. 1940. Т. 3. С. 67—76.
- Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.
- Псковский областной словарь. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. 200 с.
- Пыпин А. Н.** Мои заметки с приложением статей. М.: Бухгейм, 1910. 312 с.
- Роспид С.** Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 9—89.
- Роспид С.** Miscellanea onomastica rossica // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1979. С. 5—47.
- Рыбаков Б. А.** Древние русы // Сов. археология. 1953. Т. 17. С. 23—104.
- Рыдзевская Е. А.** Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв.: Материалы и исслед. М.: Наука, 1978. 240 с.
- Саттаров Г. Ф.** Этнонимы в топонимии и антропонимии Татарики // Исследования по татарскому языку. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. С. 20—63.
- Северные предания: Беломорско-Обонежский регион // Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л.: Наука, 1978. 255 с.
- Седов В. В.** Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 157 с.
- Седов В. В.** Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Сенкевич-Гудкова В. В.** Сказки юканьгских саамов как исторический источник // Учен. зап. Карел. пед. ин-та. 1956. Т. 3, вып. 1. С. 103—116.
- Сидоров Е. И.** Этноним саха // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 39—43.
- Симоки П. К.** Заметки Ричарда Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах // Сб. ЛОИКФУН. Л., 1929. Вып. 1. С. 125—129.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.; Л.: Наука, 1966. 316 с., Вып. 17. Л.: Наука, 1981. 384 с.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 404 с.
- Смирнов Ю. И.** Предание о Рахте Рагнозерском (АА * 967) по новым данным // Рус. фольклор. 1972а. Т. 13. С. 40—57.
- Смирнов Ю. И.** Предания Европейского Севера о чуди // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1972б. С. 55—62.
- Соколова Э. П.** К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 186—210.
- Соловьев А. В.** Великая, Малая и Белая Русь // Вопр. истории. 1947. № 7. С. 24—38.
- Соловьев А. В.** Византийское имя России // Визант. временник. 1957. Т. 12. С. 134—155.
- Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1879. Т. 27: Олонецкая губерния. [2], ХСV, 238 с.

- Стеблин-Каменский М. И.* Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. 184 с.
- Стратанович Г. Г.* Проблемы уточнения этнонимов и топонимов Юго-Восточной Азии // Топонимика Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 146—152.
- Стратанович Г. Г.* К вопросу о наименовании государства Кидань и Ляо // Топонимика Востока. М.: Наука, 1964. С. 92—101.
- Стратанович Г. Г.* Проблема «скользящих» этнонимов // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 51—60.
- Студенцов Н. Н.* и др. Занимательная география. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. 184 с.
- Суперанская А. В.* Терминологичны ли цветовые названия рек? // Вопр. географии. 1970. Вып. 81. С. 120—127.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
- Суперанская А. В.* Географические представления по данным топонимии «Козмографии» XVII в. // Там же. 1979. Вып. 110. С. 172—178.
- Супрун В. И.* Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1976. 19 с.
- Тиандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. VI. 450 с.
- Толстова Л. С.* Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике // Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978. С. 6—17.
- Топоров В. Н.* Прусский язык. М.: Наука, 1975. Т. 1. 400 с.; Т. 2. 1979. 352 с.; Т. 3. 1980. 384 с.; Т. 4. 1984. 439 с.
- Топоров В. Н.* Γαλινδαί — Galindite — голядь: Балт. *Galind- в этнолингвистической и ареальной перспективе // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига: Зинатне, 1980. С. 124—136.
- Топоров В. Н.* Еще раз о Golthescytha у Иордана (Getica, 116): К вопр. сев.-зап. границ древнеиран. ареала // Славянское и балканское языковедение. М.: Наука, 1983. С. 38—49.
- Топоров В. Н.* Oium Иордана (Getica, 27—28) и готско-славянские связи в северо-западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 128—142.
- Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.
- Третьяков П. Н.* О древнейших русах и их земле // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 179—187.
- Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970. 156 с.
- Трубачев О. Н.* О племенном названии уличи // Вопр. слав. языковедения. 1961. Вып. 5. С. 186—190.
- Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этнич. интерпретация. М.: Наука, 1968. 289 с.
- Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопр. языковедения. 1974. № 6. С. 48—67.
- Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Сев. Причерноморье // Там же. 1977. № 6. С. 13—29.
- Трубачев О. Н.* Indoagica в Северном Причерноморье: Источники.

- Интерпретация. Реконструкция // *Вопр. языкознания*. 1981. № 2. С. 3—21.
- Трубачев О. Н.* Из исследований по праславянскому словообразованию: Генезис модели на -ěpъnъ, *-janъnъ // *Этимология*, 1980. М.: Наука, 1982. С. 3—15.
- Трухачев Н. С.* Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X—XIII вв. // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед.*, 1980. М.: Наука, 1981. С. 159—175.
- Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во МГУ, 1982. 246 с
- Утопический роман XVI—XVII веков*. М.: Худож. лит., 1971. 494 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс. Т. 1. 1986. 576 с.; Т. 2. 1986. 672 с.; Т. 3. 1987. 832 с.; Т. 4. 1987. 864 с.
- Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.: Изд-во МГУ, 1979. 232 с.
- Хайду П.* Уральские языки и народы: Пер. с венг. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка: Пер. с фин. Ч. 2. Лексикология и синтаксис. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 292 с.
- Ханжагомедов Х. Л.* Тюркские этнонимы в топонимии Дагестана // *Ономастика Кавказа*. Махачкала: Дагучпедгиз, 1976. С. 193—198.
- Хачатрян В. Н.* Восточные провинции Хеттской империи: *Вопр. топонимики*. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971. 183 с.
- Хомич Л. В.* Ненцы: *Ист.-этногр. очерки*. М.; Л.: Наука, 1966. 330 с.
- Хомич Л. В.* Ненецкие предания о сихиртя // *Фольклор и этнография*. Л.: Наука, 1970. С. 59—69.
- Хоренский М.* *История Армении*. М.: Гатцук, 1893. 324 с.
- Худаш М. Л.* Про походження давньоруських етнонімів дреговичі й уличи // *Мовознавство*. 1981. № 5. С. 52—58.
- Хямляйнен М. М.* О статье А. И. Попова «Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах» // *Прибалтийско-финское языкознание*. Петрозаводск, 1958. С. 101—103.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* *Народы. Расы. Культуры*. 2-е изд. М.: Наука, 1985. 271 с.
- Чеснов Я. В.* К вопросу об этнонимах мон-кхмерских народов // *Этническая история и современное национальное развитие народов мира: Тез. докл. на конф. молодых науч. сотрудников и аспирантов (февр. 1967)*. М., 1967. С. 100—103.
- Чеснов Я. В.* Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // *Этнография имен*. М.: Наука, 1971. С. 6—13.
- Чеснов Я. В.* Название народа: откуда оно? // *Этнографы рассказывают*. М.: Наука, 1978. С. 14—31.
- Чечулин Н. Д.* *Русский социальный роман XVIII века: («Путешествие в землю Офирскую г. С. швецкаго дворянина»)*: Соч. князя М. М. Щербатова. СПб., 1900. [4]. 53 с.
- Членов М. А.* О некоторых индонезийских этнонимах: К *вопр. об*

- ЭТНОНИМ. КЛАССИФИКАЦИИ // ЭТНОНИМЫ. М.: Наука, 1970. С. 87—102.
- Шахматов А. А.* К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях. Ч. 1—2 // Изв. Рос. АН. Сер. 6, Обществ. науки. 1911. Ч. 1, № 9. С. 707—724; Ч. 2, № 10. С. 791—812.
- Шкловский В. Б.* О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. 384 с.
- Эрнст Э.* К происхождению уральских этнонимов с основой sa(a)m- // Сов. финно-угроведение. 1984. № 2. С. 125—128.
- ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ: ПРАСЛАВ. ЛЕКС. ФОНД. М.: Наука. Вып. 4. 1977. 236 с.; Вып. 8. 1981. 254 с.
- Яйленко В. П.* Этимологическое различие этнонимов балканских и приднепровских славян-северов // Балканы в контексте Средиземноморья: Пробл. реконструкции яз. и культуры. М.: Наука, 1986. С. 112—114.
- Ariste P.* «Vadja» kohanimesed // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин: Изд-во АН ЭССР, 1965. С. 91—106.
- Baring-Gould S.* Curious myths of the Middle ages. L.: Jupiter Books, 1977. P. 89—93.
- Būga K.* Kalbā ir senovē. I. Kaunas, Svietimo Min. leidnys, 1922.
- Castrén M. A.* Bemerkungen über die Zavołožeskaja Cud' // Castrén M. A. Kleinere Schriften. Petersburg, 1862. S. 86—106.
- Day D.* A Tolkien bestiary. L.: Beazley, 1979. 287 p.
- Décsy G.* Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. 251 S.
- Eichler E.* Die Ortsnamen der Niederlausitz. Bautzen: Domowina-Verl., 1975. 189 S.
- Ekblom R.* Roslagen-Russland // Ztschr. slav. Philol. 1957. Bd. 26, H. 1. S. 47—58.
- Hajdu P.* Die Benennungen der Samojeden // J. Soc. Finno-Ougrienne. 1948—1950. Bd. 54. S. 1—112.
- Itkonen E.* Die Herkunft und Vorgeschichte der Lappen im Lichte der Sprachwissenschaft // Ural-Altäische Jb. 1955. Bd. 27, N 1/2. S. 32—44.
- Itkonen E.* Inarilappisches Wörterbuch. T. 1. A—K. L.; Helsinki: Suom.-ugr. seura, 1986. 441 s.
- Jakobson R.* Die Reimwörter Cech — Lech // Jakobson R. Selected writings. The Hague; P.: Mouton, 1971. Vol. 2. P. 605—610.
- Karaliūnas S.* Dėl prūsų etnonimo reikšmės ir kilmės // Baltistica. 1977. T. 13. N 2. P. 372—373.
- Kazlauskas J.* Dėl kuršių vardo etimologijos // Ibid. 1968. T. 4, N 1. P. 59—62.
- Kiparsky V.* Über die Betonung altrussischer Völkernamen // Scando-Slavica. 1958. Bd. 4. S. 258—264.
- Kiparsky V.* Wie haben die Ostseefinnen die Slaven kennengelernt? // Commentationes fennougricae in honorem P. Ravila. Helsinki: Suom.-ugr. seura, 1962. S. 223—230.
- Kirkinen H.* Des noms finnois dans les anciens documents russes // Etudes finno-ougriennes. 1967. T. 4. P. 35—41.
- Krader L.* Ethnonymy of Kazakh // American studies in Altaic linguistics. The Hague: Mouton, 1962. P. 123—129.
- Lotz J.* Etymological connections of magyar «Hungarian» // For Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 60th birthday. The Hague, 1956. P. 677—681.
- Mägiste J.* Tšuudien kansallisuusunimen alkuperän ongelma ja suomen suudin, vir. suue «kiila» // Virittäjä, 1950, N 1/2, S. 74—79.

- Mägiste J.* Zum Volkschaftsnamen Lappe, lapp. (fi.) lappi, lappalainen // *Språkliga bidr.* 1964. Bd. 4, N 19. S. 105—120.
- Mánczak W.* Biala, czarna i czerwona Ruś // *Intern. J. Slav. Linguist.* a. Poetics. 1975. Vol. 19, N 2. P. 31—40.
- Melich I.* Über den Ursprung des Namens Ungar // *Arch. slav. Philol.* 1922. Bd. 38. S. 244—250.
- Moorman Ch.* Arthurian triptych: Mythic materials in Charles Williams, C. S. Lewis and T. S. Eliot. Berkeley; Los Angeles: Univ. Cal. press, 1960. IX. 163 p.
- Németh J.* Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren // *Acta linguist. Acad. sci. hung.* 1966. T. 16, fasc. 1/2. P. 1—21.
- Nissilä V.* Karjalan nimestä // *Virittäjä.* 1962. N 4. S. 345—367.
- Otrebski J.* Lietuvà // *Beitr. Namenforsch.* 1958a. N 1. S. 116—118.
- Otrebski J.* Die Herkunft der Bezeichnung Slověne // *Lingua Posnaniensis.* 1958b. Bd. 7. S. 263—264.
- Otrebski J.* Slověne // *Beitr. Namenforsch.* 1966. N 2. S. 175—178.
- Radanovics K.* Über den Ursprung einiger finnisch-ugrischen Völkernamen // *Congr. intern. fenno-ugristarum, Budapestinum habitus,* 20—24 sept. 1960. Bp.: Akad. kiadó, 1963. P. 98—104.
- Schramm G.* Die Herkunft des Namens Ruś // *Forschungen zur ost-europäischen Geschichte.* B.; Wiesbaden, 1982. Bd. 30. S. 7—49.
- Schuster-Sewc H.* Zur Geschichte und Etymologie des ethnischen Namens Sorb/ Serb/ Sarb/ Srb // *Ztschr. Slawistik.* 1985. Bd. 30, H. 6. S. 851—856.
- Sjögren A. I.* Über die älteren Wohnsitze der Jemen // *Sjögren A. I. Gesammelte Schriften.* St. Petersburg, 1861. Bd. 1. S. 461—513.
- Smith M. G.* American Indian tribal names // *Amer. Speech.* 1929. Vol. 5, N 2. P. 114—117.
- Utonia: Socio-economic survey of a fictitious development country / Ed. by J. G. M. Hilhorst. The Hague: Mouton, 1967. VII, 216 p.
- Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. 2 / S.-Ber. preuss. Akad. Wiss. Philos.-hist. Kl. 1934. S. 351—440.
- Wenzel W.* Studien zu sorbischen Personennamen. Bautzen: Domowina-Verl., 1987. Bd. 1: Systematische Darstellung. 175 S.
- Wichmann Y.* Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Helsinki: Suom.-ugr. seura, 1942.
- Wiedemann F. J.* Ueber die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mitteleuropas: Einleitung zur öffentlichen Prüfung im hiesigen Gymnasium am 27-ten und 28-ten Juni 1838. Reval, 1838.
- Wiklund K.* Entwurf einer urlappische Lautlehre. Helsinki: Suom.-ugr. seura, 1896. X, 319 S.
- Wiklund K.* Lapparnes forna utbredning i Finland och Ryssland, belyst af ortnamnen // *Monde orient.* 1911. N 5. P. 101—136. 175—196.
- Wolf S. A.* Völker- und geographische Namen in Romani (Zigeunersprache) // *Beitr. Namenforsch.* 1958. № 2. S. 181—188.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ

- абхира 208
аварцы 165
авары 7, 22, 29, 32, 146
австралийцы 4, 76
адыги 83
айны 72
аквитаны 198
аккадцы 177
алапы 30, 132
албанцы 78, 160
албаны (кавказские) 161, 163
алеманны 75, 80, 200
алтайцы 18, 78
альфур 8
амазонки 34
американцы 3, 172
анатолийцы 41
англичане 80
англосаксы 199, 229
англы 75, 126, 127, 160
андрофаги 6
андхры 184
анты 24, 25, 31–33, 43–46, 66, 70
арабы 82, 118, 188
аравак 10
араукано 10
арджунаяны 185
арии (арийцы) 8, 179, 181
арису 64
армяне 163, 176, 177
ары («арские люди») 63
ассирийцы 175
асы (асут) 83
аукштайты 52
афганцы 8, 191
афри 232
африканцы 4
ахейцы 197
ацтеки 10

баварцы 78
балкарцы 7, 77, 83

балты 5, 25, 44, 48, 49, 52, 54–56, 69, 70, 72, 90–92, 118, 123, 229
барунди 167
башкиры 65, 71, 73, 77, 113, 165
белги 167
белорусы 11, 47, 72, 140, 153, 231
бенгальцы (банга) 167
берзиты 34
биармы 59–62
бини 172
бирары 72
бирманцы (бама) 167
бобо 172
боборяне 37
бой (бойи) 39, 78
болгары 7, 22, 35, 46, 77, 81, 123
борти 53
ботокуды 80
брао (бру, блао) 72, 76, 77
бритты 77, 160, 195, 229
бужане 21, 34, 46, 48, 142
булгары (волжские) 7, 35, 66, 77
бургунды 200
буруны 80
буры 81
бушмены 81
бхараты 183
бэйдди 80

вагры 36, 125
вайнахи 83
валахи (влахи, волохи) 7, 77, 78, 85
валлийцы 77
ванга 183
вандалы 199
ван-киеу 72
велегезиты 34
велеты (волоты) 36, 37
великорусы 140, 142, 153

- венгры (мадьяры) 11, 35, 42, 65, 66, 74, 77, 122, 160**
венды 25, 35
венеды 7, 24, 25, 28, 32, 35, 37, 44, 46, 47, 122, 125
вепсы 11, 58, 60, 62, 88, 98, 99, 101, 102, 107, 112-114
вестготы 199
весь 11, 22, 40, 56-59, 86, 88, 90, 99, 100, 102, 105, 123
византийцы 7, 118, 131
вильцы 36, 47
винды 35
висляне 37, 48, 202, 229
вису 58
виталы 167
вогулы, см. манси
вось 22, 25, 44, 56, 57, 62, 80, 89, 90, 96, 99-101, 107, 109
волынские (вельские) 19, 21, 34, 40, 46, 48, 133, 142
вотьяки (оты), см. удмурты
вьетнамцы 190
вятичи 21, 25, 32, 40, 43, 44, 47, 123, 133, 141, 194
- гаволяне 36**
галиндоскифы (гольтескифы) 52
галинды 30, 49, 51-53, 118
галлы 197
гельветы 198, 200
гепиды 24, 91
германцы 7, 24, 37, 55, 75, 90-93, 122, 125, 201, 229
гермионы 75
гермундуры 75
гипербореи 7
гиркании 179
голядь, см. галинды
готтентоты 81
готы 24, 91-93, 118, 119, 122, 123, 125, 126, 133, 199, 209
греки 7, 31, 87, 135, 151, 161, 175, 184, 195, 197
грузины 161
гунны 7, 65, 146, 199, 200
гунны-эфталиты 187
гурали 40
гуцулы 194
- дайнавы, см. ятвяги**
дакота 82
далеминцы 36
даргинцы 165
датчане 21, 126, 127
даяки 72, 168
- дедошане 37**
дене 72
дечане 37
джакуны 72
ди 6, 80
дигорцы 13, 83
доленчане 36
драгувиты 34
дранги 179
древляне (деревляне) 19, 21, 34, 40, 41, 47, 48, 131, 133, 194
дреговичи 16, 21, 34, 40, 43, 47, 48, 52, 72, 123, 131, 133, 139
дулебы (дудлебы) 19, 24, 34, 37, 40, 41, 46, 91, 92, 142
дунху 80
- египтяне 174, 175**
емь (ямь, хяме) 22, 55, 59, 88, 90, 101, 109, 123
- жемайты (жмудь) 21, 52, 53, 123**
жун 6
- земгалы (зимигола) 52, 53, 88**
зыряне (коми) 62, 63, 67, 103, 106, 110
- и 6**
иберы 197, 198
иберы (иверы) кавказские 161
ижора (ижорцы) 22, 56, 57, 64, 78, 90, 96, 99, 100, 101, 107
иллирийцы 75
индейцы 69, 80-82, 169, 215
индийцы 3, 4, 181, 183
индонезийцы 69
инки 171
инуит 72
инь, иньцы 6
иранцы 34, 52, 70, 133, 181
ирокезы 82
иронцы 13, 83
иры 196
испанцы 10, 171
италики 197
- казахи 73, 82, 162, 190**
кайваны 58
калинги 184
камасинцы 18
канадцы 3
канлы (канглы) 72
карабаглинцы 17, 18
караимы 73
каракалпаки 78, 190

- карелы (корела) 56, 59–61, 90,
 98, 99, 103, 105–109, 113
 карибе 10
 кармании 179
 картвелы 161
 касоги 123
 каспии 179
 кафиры 8, 191
 кашгарлык 72
 кашубы 28
 квены (каяны, кайнуу) 55, 102
 кельты 24, 75, 197, 198, 201, 229
 кеты 72, 79
 кечуа-аймара 10
 кидани, китаи 190, 191
 киммерийцы 7
 кипчаки, см. половцы
 киргиз-кайсаки 82, 162
 киргивы 18, 82, 162
 китайцы 6, 21, 74, 80, 146, 189
 когурё (гурё) 192
 колхи 161
 колюж (колош) 81
 коми 62, 63, 67, 79, 88, 94, 103,
 104, 110, 111, 113
 корейцы 192
 корси 197
 корсь, см. курши
 котты 18
 кревинги 99
 кривичи 21, 40, 44, 46, 47, 56,
 78, 92, 133, 141
 куманы, см. половцы
 кумыки 18, 82, 83, 165
 курши (куры, корсь) 22, 49, 51,
 52, 88, 123
 куявяне 37
 кхуа 72
 кыргызы енисейские, см. кир-
 гизы
- лакцы 83
 лама 86
 ламуты 72
 лангобарды 199
 лао 167
 латгалы (латыгола, летгола) 52,
 88
 латиноамериканцы 3
 латыши 44, 51–53, 55, 78
 лезгины 165
 леңдзяне (леңдзиты) 39
 ливвики 56, 59
 ливы (либь) 44, 52, 56, 78, 88,
 99, 123
 лигуры 197
- литовцы, литва 11, 21, 50, 52,
 55, 81, 88, 96, 123
 литомержицы 37
 лопь, лопари, см. саамы
 лугии 37
 лужичане, см. сербы лужицкие
 луораветланы, см. чукчи
 людики 59, 103
 лютичи 36, 37
 ляхи (лехиты) 35, 38–41, 43,
 47, 72, 88, 123
- мавры 167, 189
 мадай, см. мидяне
 мадьяры, см. венгры
 мазовшане 37, 202
 маймисты, см. ижора
 македонцы 35, 46, 47, 184
 малави 167
 малавы 185
 малайцы 72, 168
 малороссы 140
 манси 63, 65–67, 79, 88, 106,
 114
 мань 6
 маратхи 188
 марийцы (мари) 63, 64, 72
 маркоманны 51
 махан 192
 меря (меряне) 22, 64, 86, 88,
 94, 99, 105, 109, 123
 мехикалли 10
 мешера 21, 22, 64, 65
 мешеряки 65
 мидяне 179
 мильчане 35, 36
 митан 78
 мишари 65
 мюонг гар 72
 можары (можеряне) 65
 мокша 64
 монголы 9, 69, 73, 74, 80, 146,
 167, 191
 моравы (мораване) 25, 35, 37,
 38, 46, 48, 203, 204, 229
 мордва 21, 22, 64, 65, 88, 123
 моси 172
 мурома 21, 64, 65, 88
 мянь 190
- наири 175
 нанайцы 72
 науа 10
 нганасапы 68
 невры 6
 негры 81, 172

- неметы 80
 немцы 13, 29, 31, 35–37, 49, 66,
 72, 73, 79, 80, 89, 92, 93, 122,
 126, 194
 пенцы 68, 79, 112, 113
 перетвляне 35
 нивхи 72
 никарао 10
 ногайцы (ногаи) 73
 норвежцы 108, 126
 норманны, *см.* скандинавы
 нымыланы 112
- ободриты (бодричи) 36, 48
 огузы 162
 ойроты 78
 омоки 72
 оногуры 66, 74
 ополяне 37
 оранг-букит 72
 оранг-лаут 72
 осетины 83, 212
 остготы 199, 200
 остяки, *см.* ханты
- пакистанцы 3
 палайцы 41
 палеоазиаты 112, 114
 парагуа 167
 парфяне 179
 пёнхан 192
 пермь, пермские народы 60, 62,
 63, 69, 87, 88, 111, 123
 пермяки (коми) 62, 88, 106,
 110–112
 персы 82, 146
 печенеги 7, 8, 73
 пещера 88
 погезанцы 53
 полабы 36, 48, 72
 половцы (кипчаки, куны, кума-
 ны) 9, 74, 89, 135
 полочане 46, 48, 72, 139, 229
 поляки 5, 11, 35, 39, 40, 48, 77,
 123, 128, 143
 поляне (вост.) 19, 21, 34, 39–41,
 48, 77, 124, 132, 133, 136, 138,
 139, 194
 поляне (зап.) 37, 39–41, 47, 77,
 202
 помезанцы 53, 72
 поморяне 36, 48, 202
 португальцы 80, 172
 пруссаки 49
 пруссы 44, 49, 50, 54, 88
 пхи бре 72
- радимичи 19, 21, 40, 42, 43, 47,
 133
 раны (ране, ружане, руяне, рус-
 сы, руги) 36, 125–129
 ратары 36
 реты 198, 200
 римляне 7, 75, 77, 178, 195, 197,
 198, 200, 232
 ринхины 34, 48
 роксоланы 133, 134, 151, 152
 ромеи 7
 росаны 151
 росомоны 120, 133
 россияне 152, 153
 россы 124, 133, 136, 152, 153
 рось (росы) 41, 118, 120, 132–
 136, 150
 рош 133, 134
 руги, *см.* раны
 ругии 125
 румыны 77, 199
 русины 11, 123, 126
 русские 5, 10, 11, 14, 18, 25, 44,
 47, 63, 65–67, 74, 78–82, 93,
 98, 99, 101, 104, 105, 107, 108,
 110, 113, 114, 120, 122–124,
 126, 133, 136, 140, 147, 152,
 153, 165, 231
 русь 6, 40, 41, 88, 89, 115–135,
 137, 138, 140, 150, 151, 230, 231
- саамы (лопари, лопь) 7, 21, 55,
 56, 61, 62, 67, 68, 79–81, 86,
 87, 90, 92, 94, 96, 99, 104, 108–
 110, 112–114, 120
 савакот 103
 сагудаты 34
 сазартии 179
 саки 179, 185
 саксы (саксонцы) 21, 75
 самодийцы (самоеды, самоедь)
 22, 55, 61, 67–69, 87, 110, 112,
 114
 сарды 197
 сарматы 24, 33, 132, 196
 сарты 162
 саук 82
 саха 77, 78
 свази 172
 свебы, *см.* швабы
 свеи, *см.* шведы
 северяне (север) 19, 21, 32, 40–
 42, 46, 53, 136, 138
 седличане 37
 селы 52, 53
 селькупы 68, 79

- семиты 175
 сенон 72
 сенуфо 172
 серадзяне 37
 сербы 19, 24, 32–34, 46, 79, 123
 сербы лужицкие 13, 24, 32, 35–37, 47, 48, 72
 сету 97
 сиксика 82
 сикулы 197
 сиу 82
 скандинавы (норманны) 21, 55, 117–120, 124, 128, 131, 230, 233
 скифы 6, 7, 32, 64, 196
 славяне, словене 6, 7, 11, 12, 23–25, 28–49, 55, 56, 64, 66, 69, 70, 72, 75, 77, 80, 81, 85, 87, 90–93, 100, 102, 117–120, 122–129, 131–135, 137–140, 144, 147, 148, 196, 202, 203, 229, 230
 слензанае 37
 словаки 28, 35, 37, 39, 46, 77, 123, 204
 словене ильменские (новгородские) 21, 28, 40, 44, 45, 56, 58, 77, 124, 125, 139, 141
 словенцы 28, 35, 46, 77
 словинцы 28
 соатше 9
 сойон 9
 сорочины, см. половцы
 спреване 36
 струмляне (струменцы) 35, 48
 суахили 81, 82
 судовляне (судаваы, судины), см. ятвяги
 суксин (сушэнь) 192
 сумь (суоми) 55, 101, 108, 109, 122
 ся 74

 тавастлендеры 88
 тавроскифы 7
 тавры 7
 таджики 162, 163
 таи 167
 тай 162
 талыши 164
 таман 7
 таманаи 179
 таманг 7
 тан 74
 тартессия 195
 тархан 77

 татары 22, 65, 67, 81, 107, 163
 таты 163
 тевтоны 73, 92
 теркөме 17
 тиверцы 40, 45, 46
 тимочане 35
 глинкиты 81
 тохары 185
 травуняне 35
 тсваны 167
 тувинцы 18
 тунгусы 8
 тупи-гуарани 10
 турки 7, 73, 167
 туркмены 17, 18, 162, 190
 турфанлык 72
 тюрки 35, 65, 69, 72–74, 82, 133, 146, 162, 229

 угаласцы 78
 угры 42, 65, 66, 88, 146
 угры обские 4, 66–68, 80
 удмурты 62–64, 111
 узбеки 78, 162, 190
 уйгуры 72, 74
 украинцы 11, 47, 51, 140, 142, 153, 231
 укры (украине) 36
 уличи 21, 40, 45, 48, 66, 126, 132, 133
 уральцы 69, 72, 229
 уранхайцы 78
 утии 179

 филиппинцы 3
 филистимляне 41
 финикийцы (фенеху, фойны) 175, 195
 финно-угры 53, 55, 61, 64, 65, 90, 92, 96, 123, 230
 финны 5, 24, 55, 60, 61, 81, 91–93, 96, 99, 101, 104, 105, 107, 108, 120, 122, 125
 финны ингерманландские 97, 107
 финны прибалтийские 7, 25, 44, 49, 55, 57, 63, 90, 98, 99, 109, 118, 121, 122
 фокс 82
 фракийцы 75
 франки 75, 78, 199–201
 французы 78, 80
 фульбе 172

 хавары 9, 22, 65, 66, 123, 126, 127

хайаса (хайа) 176
хакасы 18, 162
ханты 4, 5, 63, 65-67, 79, 88,
106, 112
ханьжэнь 75
хатты 176, 229
хетты 176, 177, 229
хижане 36
хорваты 19, 24, 33, 34, 37, 40,
46, 142, 147
хорутане 35, 46, 48

ци 190
цинъжэнь 74
цыгане 81, 205

черезпеняне 36
черемисы, см. марийцы
черкесы 8
«черноногие» 82
чехи 35, 38, 39, 41, 46, 47, 123,
194, 204
чжурчжэни 191
чибча-муиски 215
чинхан 192
чиппева 82
чуваши 77
чудь 22, 31, 39, 58, 59, 61, 80,
86-90, 92-115, 230
чудь заволочская 87-89, 99,
101-106, 112

чукчи 72, 112, 114, 115
чухари 39, 58, 62, 94-96, 98,
101, 102, 107, 113, 114
чухна 39, 94-98, 107, 113, 114,
194

швабы 75
шведы 75, 86, 108, 120-122, 126
шотландцы (скотты) 21, 198
шумеры 177

эблайты 175, 177
эвены 72
эламиты 177
эллины, см. греки
энцы 68
эрзя 22, 64
эскимосы 72, 80, 112
эстии (айстии) 49
эстонцы (эсты) 5, 49, 56, 78,
88-90, 92, 93, 96, 97, 99, 100,
102, 107
этрусски 137, 197, 198

югра, см. угры обские

ясы 83, 123
ятвяги 30, 49-53, 143
яудхеи 185

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

- Абхазская АССР 165
Аванти 183
Аварский каганат 199
Австразия 200
Австралия 4, 232
Австрийская марка 200
Австрия 129, 158, 198, 200, 203
Азербайджан 17, 146, 163, 164, 166, 179
Азия 231
Аквитания 198
Аккад, Аккадская империя 175
Албания 158, 160
Албания Кавказская 163, 164
Александра Великого, гос-во 177
Алжир 168, 188
Альбион 194, 195
Америка 232
Анатолия 176
Анга 182, 183
Англия 3, 158, 160, 194, 195, 228
Англо-Египетский Судан 171
Андорра 168
Андхра 184
Анжу 201
Аннам 189
Антарктида 207
Аомынь 168
Апулия 197
Аравия 14, 29, 178, 208, 214
Араукания 10
Арахосия (Харахвати) 179, 185
Аргентина 158, 170, 171
Арджунаяна 185
Ария (Арейя, Гарайва) 179
Аркадия 13, 14, 197, 207
Армения 163, 178, 193, 222
Арморика 198, 231
Арцава 176
Арьяварта 181
Ассирия 175
Атропатена 163, 164
Аттика 13, 197
Афганистан 8, 185, 189, 191
Африка 232
Ахванк 163
Ахейя 197, 231
Ахеменидов, гос-во 177
Ахмаднагар 187
Аххиява 197
Ашмака 183
Бавария 198, 200
Бактрия (Бактриана) 179, 185
Бангладеш 168, 180, 183
Бартия 49
Басутоленд 171
Бахманидов, гос-во 187
Бахрейн 157, 168, 176
Башкирия, Башкирская АССР 65, 165
Белоруссия 11, 42, 50, 95, 96, 98, 142, 143, 145, 147, 149, 165
Бельгийское Конго 171
Бельгия 167
Бенгалия 167, 183
Бенин 172
Беотия 197
Берар 187
Берег Слоновой Кости, см. Кот-д'Ивуар
Бессарабия 66
Бечуаналенд 171, 222
Биармия 59
Библия 175
Бидар 187
Биджапур 187
Бирма (Мьянма) 156, 159, 167, 190, 191, 210
Болгария 35, 42, 81, 167, 194, 198, 199
Боливия 170, 171
Ботсвана 167
Бразилия 80, 158, 166, 167, 170
Бретань 201

- Британия 127, 160, 195, 198, 199, 215
 Бруней 168
 Бургундия 200, 201
 Буркина-Фасо 159, 172
 Бурунди 159, 167, 172
 Бутан 157
 Бхарат 183
 Бхаратаварша 183
- Валахия 199
 Ванга 183
 Вармия 49
 Великая Колумбия 169, 170
 Великая Моравия 35, 38, 202, 203
 Великобритания 155, 173, 174, 188, 229
 Великое княжество Литовское 11
 Венгрия 10, 11, 14, 33, 38, 55, 66, 129, 157, 160, 198, 199, 205
 Венесуэла 171
 Верхнее Перу, *см.* Боливия
 Верхняя Вольта, *см.* Буркина-Фасо
 Видеха 183
 Виджаянагар 187
 Видземе 52
 Византия 193, 199, 215
 Виргинские о-ва 154
 Водская (Вочкая) земля 56
 Волынская земля 41, 46, 164, 165
 Восточная марка 25
 Восточное Самоа 154
 Восточный Берег, *см.* Уругвай
 Восточный Тимор 168
 Вриджи 183
 Вьетнам 72, 189, 190
 Гайяна 166
 Галиндия 49
 Галиция 33, 123
 Галлия 77, 195, 197, 198, 200, 201
 Гамбия 167, 168, 172
 Гана 172
 Гандхара 179, 184, 185
 Гаоли 193
 Гваделупа 154, 168
 Гватемала 167
 Гедросия (Мака) 179
 Гельвеция 198, 200
 Германия 35, 168, 194, 195, 198, 201
 Германская Демократическая Республика 32, 33, 36
- Гесперия 13
 Гиперборея 13
 Гиркания (Варкана) 179
 Голконда 187
 Голландия 3, 159, 160
 Гондурас 158
 Гонконг, *см.* Сянган
 Гренада 168, 170
 Греция 14, 92, 158, 167, 195, 197, 198, 207, 209, 231, 232
 Грузия 13, 161, 194
 Гуам 154
 Гуджарат 187
 Гумик 83
 Гупт, империя 185, 186
- Дагестан 17, 83, 165, 166
 Дакия 198
 Дакшинапатха 182
 Далмация 28, 33, 169, 198
 Дания 127, 158, 167
 Делийский султанат 187
 Деревская земля 41, 194
 Джибути 168
 Джунгарское ханство 78
 Дилмун 176
 Доминика 166, 168, 169
 Доминиканская Республика 169
 Дрангиана (Зранка) 179, 185, 231
 Дунбэй 80
- Европа 230–232
 Египет 174
- Заир 168, 172
 Замбия 168, 172
 Занзибар 167
 Западная Сахара 155
 Западное Самоа 168
 Западные Кшатрапы 185
 Зеландия 159, 170
 Земгале 42, 52
 Золотой Берег, *см.* Гана
- Иберия 195
 Иберия (Иверия), *см.* Грузия
 Иерна (Иберния), *см.* Ирландия
 Ижорская земля 44, 57
 Израиль 134
 Иллирия 195, 198
 Иль-де-Франс 201
 Ингерманландия, *см.* Ижорская земля
 Индия 3, 4, 8, 15, 158, 173, 176, 177, 180–189, 206, 208, 213, 231

Индонезия 7, 157, 168
Иньское гос-во 6
Иордания 157
Ирак 189
Иран 164, 173, 181, 189
Ирландия 168, 195, 196, 198
Исландия 168
Испания 155, 158, 195, 197, 199, 216
Испанская Сахара 171
Италия 77, 87, 167, 169, 195, 197, 199, 201
Иемен 174

Кабардино-Балкария 83
Кабо-Верде 156, 171
Казахстан 161, 162
Каледония 170, 198, 231
Калинга 184
Калмыцкая АССР 165
Камерун 171
Канада 3
Каракалпакская АССР 165
Карелия 59, 61, 90, 96
Каринтия (Карантания) 25, 35
Кармания (Кармана) 179
Каролинские о-ва 155
Карфаген 196, 232
Каска 176
Каспиава 179
Каши 183
Квенландия 86
Кельтика 195
Кения 168
Керала 184
Кидань 190
Кирван 189
Киргизия 161, 162
Китай 14, 72, 80, 155, 185, 189, 190, 196, 213
Кито 169
Киццуватна 176
Киш 175
Колумбия 158, 169, 215
Колхида 161, 178
Коморские Острова 154, 166
Конго 168
Кордовский эмират 199
Корея 191—193
Корсика 197
Коста-Рика 170
Кот-д'Ивуар 156, 171
Кошала 183
Крит 197, 232
Куба 168
Кувейт 168

Кука, о-ва 155
Курземе 51, 52
Курляндия 44, 51
Куру 183
Кушанская империя 185

Лакония 197
Лан Тъян 191
Лаос 72, 167, 191
Лапландия 86
Латвия 42, 52, 53, 56, 99, 100, 165
Латгале 52
Латинская Америка 9, 10
Лаций 197
Левант 188
Лесото 14
Либерия 171
Ливан 156, 175
Ливия 14, 156, 188, 232
Ливония (Лифляндия) 25, 56
Лигурия 197
Ликаония 81
Литва 12, 13, 49, 50, 52, 53, 98, 143, 165, 209
Лихтенштейн 157
Ломбардия 199
Лувия 176
Лукка 176
Лужица, Верхняя и Нижняя 36
Любавия 49
Люксембург 166, 168
Лядьская земля 39
Ляо 190, 191

Мавераннахр 189
Маврикий 170
Мавритания 155, 167
Маврузия 189
Магадха 182—184, 186
Маган 176
Магриб 189
Мадагаскар 206
Македония 35, 48, 197, 198
Мал(а)ва 185, 187
Малави 167, 172
Мали 172
Малороссия 142, 165
Мальдивы 157
Мальта 168
Маньчжурия 80, 192
Маргиана (Маргуш) 179
Мари 175
Марианские о-ва 155
Марийская АССР 165
Марокко 14, 155, 188

- Мартиника 154, 169
 Маршалловы о-ва 155
 Маурійская имперія 184
 Мексика 10, 158, 166, 167
 Мелухха 175, 176
 Месопотамія 174, 231
 Мѣзия 198
 Мидія 163, 178, 179, 231
 Мизія 42
 Микены 197
 Микронезія 155
 Митанни 176
 Могольская имперія 187
 Молдавія (Молдова) 13, 77, 164, 199
 Монако 168
 Монголія 80, 167, 213
 Моравія 28, 37, 38, 51, 194, 203, 204
 Московское гос-во 20, 87, 140–142, 165
 Мьянма, *см.* Бирма
- Нага, гос-во 185
 Надровія 49
 Намибія 168, 172
 Нандская имперія 184
 Натангія 49
 Науру 168
 Нахичеванская АССР 166
 Нейстрия 200
 Немецкая земля 209
 Непал 157
 Нигер 168
 Нигерія 168, 172
 Нидерланды 3, 159, 160, 170
 Никарагуа 9, 167
 Нитранское княжество 38
 Ниуэ, о-в 155
 Новая Гвинея, *см.* Папуа–Новая Гвинея
 Новая Зеландія 155, 170
 Новая Каледонія 154, 170
 Новгородская земля 25, 144
 Норвегія 61, 99, 158
 Норик 198
 Нубія (Вават, Куш) 174
 Нуристан 191
 Ньясаленд 171
- Объединенные Арабские Эмираты 168
 Ойратское гос-во 78
 Оман 166, 176, 208
 Орисса 184, 187
 Османская имперія 178
- Острова Зеленого Мыса, *см.* Кабо-Верде
 Офир, Офирская земля 208, 218, 231
- Пакистан 3, 157, 166, 173, 180, 185, 188
 Пала 176
 Палестина 175
 Панама 167
 Пандья 184, 187
 Паннония 37, 129, 198, 203
 Папуа–Новая Гвинея 167
 Парагвай 158, 167
 Парфянское гос-во (Партава, Парфия) 179
 Пенджаб 181, 185
 Пермь 62
 Персія (Персида) 178, 179, 189, 209
 Перу 158, 171
 Пилос 197
 Погезания 49
 Подляшье (Берестейская земля) 50, 143
 Полоцкая земля 46, 142, 193
 Польша 28, 37, 39, 41, 50, 77, 117, 141, 142, 160, 161, 165, 199, 202, 204, 209
 Помезания 49
 Португальская Гвинея 171
 Прованс 198, 200
 Пруссия 49, 51
 Псковская земля 144
 Пунт 174, 231
 Пуэрто-Рико 154, 155, 170
- Рана 126
 Реция (Ретия) 198, 200
 Реюньон 154
 Римская имперія 7, 92, 185, 195, 197–200
 Рио-де-Оро, *см.* Западная Сахара
 Роксоланія 152
 Россия 3, 12, 13, 15, 44, 59, 81, 87, 132, 133, 141, 142, 150–153, 161, 194, 218, 219
 Руанда 172
 Руанда-Урунди, *см.* Бурунди
 Ругія 126–129
 Румынія 158, 164, 167, 198, 199, 224
 Русь, Русская земля 3, 6, 28, 40, 50, 59, 85–88, 100, 115–117, 119, 122, 123, 125–128, 131–

- 134, 136–142, 147, 150–153,
165, 193, 199, 209, 230
- Сакастан (Систан) 185**
Саксония 34, 209
Сальвадор 167, 169
Самбия 49
Самхан 192
Сан-Марино 168, 169
Сан-Томе и Принсипи 172
Сардиния (Сардия) 193, 195, 197
Сарматия 29, 196
Сасанидов, гос-во 177, 185
Сатаваханов, гос-во 184
Саудовская Аравия 166
**Сахарская Арабская Демократи-
 ческая Республика, см. Запад-
 ная Сахара**
Свазиленд 172
**Священная Римская империя
 159, 200**
Сельджуков, гос-во 178
Сенегаль 167, 168
Сенегамбия 167
Сент-Винсент и Гренадины 166
**Сент-Китс и Невис (Сент-Кри-
 стофер и Невис) 156**
Сент-Люсия 168
Сербия 199
Сидон 175
Силезия 37, 43
Сингапур 157, 168
Синдху (Синд) 184, 185
Синьцзян 80, 189
Сирия 14, 175, 177, 178
Сицилия 197
Скаловия 49
Скандинавия 60, 87, 91, 124, 125
Скифия 29, 87, 94, 195, 196, 209
Славония 28
Словакия 51, 203
Словения 28, 35
Согдиана (Гава, Согд) 179
**Соединенные Штаты Америки
 (США) 3, 9, 154, 155, 158, 166**
Сомали 174
**Союз Советских Социалистиче-
 ских Республик (СССР) 4, 154,
 161, 166**
Страны Наيري 175, 231
Судовия 49
Сьерра-Леоне 172
Сянган (Гонконг) 155
- Табаристан 189**
Таврида 13
- Таджикистан 13, 161, 162**
Таиланд 167
Танганьика 167
Танзания 167
Тартесс (Таршиш) 195
Татария, Татарская АССР 9, 165
Тауантинсуйу 171
Тир 175
Тироль 198
Того 157
Токелау, о-ва 155
Тонга 168
Тохаристан 173, 185
Трансвааль 14
Трансильвания 224
Трибуний 35
Тринидад и Тобаго 166
Тунис 168, 188
Туран 189
**Туркестан. Туркестанская АССР
 162, 189**
Туркмения 161, 162
Турция 8, 167, 176
Тэхан 192
Тюрингия 34
- Уганди (Унгауния) 78**
Узбекистан 161, 162
**Украина, Украинская ССР 11,
 32, 70, 95, 141, 146, 164, 165,
 209, 212**
Умбрия 197
Уругвай 157, 158
Урук 175
Уэльс 160
- Федеративная Республика Гер-
 мания 166**
Фессалия 197
Фиджи 168
Филиппины 3, 169
Финикия 175
**Финляндия 55, 56, 59, 61, 86,
 90, 93, 99, 101, 103, 108, 158**
Финмарк 59
Фракия 198
Франкония 201
Франкское гос-во 125, 200
**Франция 3, 13, 77, 128, 154, 158,
 198, 200–202, 205**
Французская Гвьяна 154
Французский Судан, см. Мали
Фригия 81
Фрисландия 159
- Хазария, Хазарский каганат 134,
 148, 178**

Хайаса 163, 176, 177, 231
Хакасия 18
Халлух 189
Ханаан 175
Хангук 192
Хатти 176, 177
Хелминская земля 49
Хеттское царство 176, 197
Хорасан 189, 222
Хорватия 28, 199
Хорезм (Ваэджи) 179
Хяме 59

Цейлон, см. Шри-Ланка
Центральноафриканская Респу-
блика 168
Цзинь 191

Чад 168
Чеди 183
Чера 187
Чехия 33, 37, 38, 51, 92, 194,
199, 204
Чехо-Словакия (ЧСФР) 28, 37,
38, 166, 202
Чечено-Ингушская АССР 165
Чили 10
Чола 184, 187
Чосон 192
Чудская земля 88, 100

Швейцария 166, 198, 200, 206

Швеция 59, 61, 91, 99, 120, 121,
158, 167
Шотландия 160, 170, 198
Шри-Ланка (Цейлон) 166, 173,
213
Шумер 176, 181

Эбла 175
Эдо 172
Эквадор 158, 169
Экваториальная Гвинея 169
Элам (Элтамт, Эламту, Ним)
177, 179
Эллада, Эллинская земля 14,
197
Эпир 197, 231
Эстония 57, 88, 96, 97, 100, 101,
107, 161
Этрурия 197
Эфиопия 13, 167

Югорская земля 66
Югославия 28, 32, 33, 35, 129,
148, 198
Южно-Африканская Республика
168
Южный Бихар 183

Якутия 194
Ямайка 168
Япония 158
Яудхея 185

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ДРЕВНИЕ ПЛЕМЕНА И ИХ НАЗВАНИЯ	17
Славяне	24
Балты	48
Финно-угры и самодийцы	55
Типы этнонимов	71
«РУСЬ, ЧЮДЬ И ВСИ ЯЗЫЦИ»	86
Загадка древнего народа	86
Война «северных» и «южных»: полемика вокруг Руси	116
ГОСУДАРСТВА НА КАРТЕ МИРА	154
В восточной Ойкумене	173
От Хараппы до наших дней	180
Земли Старого Света	193
ЗЕМЛЯ СВЯЩЕННАЯ: СТРАНЫ, КОТОРЫХ НЕТ НА КАРТЕ	205
Тридешатое царство	210
В поисках счастья	213
Литературное Зазеркалье	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	229
ЛИТЕРАТУРА	234
УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ	244
УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СТРАН И ТЕРРИТО- РИЙ	250

1 р. 10 к.

Название страны — неотъемлемая и важная часть политического, этнического и культурного самосознания народа — говорит о многом: об общности исторических судеб народов, об их тесном взаимодействии, исторической преемственности. Изучение этих названий, расширение наших знаний в области этнографии и ономастики воспитывают уважение к культуре и истории народов мира, вносят вклад в укрепление интернационализма.

